2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 8 № 2
2023

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 8 № 2
2023

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6. +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

© 2023. Кемеровский государственный университет

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K2 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

© 2023. Kemerovo State University

BULLETIN KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
volume 8 No 2
2023

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).
Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction(Penza, Russia).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 1

Социокультурное и политическое развитие общества

Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий
Николаева К. С. 121

Структура высших органов власти в первый период российской государственности
Солодова Г. С. 131

Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе
Чирун С. Н., Гладких С. С. 139

Экономика и управление: теория и практика

Развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии
Абалакин А. А., Яковлев А. В., Акименко В. А., Денисова Е. В. 148

Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций
Бейлина А. Ф., Зинченко Н. В., Нигматуллина Г. Р., Ахтемьянова С. В. 160

Современные тренды российского финтеха
Коробейникова О. М., Панова Н. С., Шемет Е. С. 170

Специфика предпринимательской деятельности в подсанкционной ресурсной экономике (кейс Исламской Республики Иран)
Леухова М. Г., Корчагина И. В. 178

Специфика конкуренции и прогноз развития проектной деятельности в строительной отрасли
Родин Е. В. 189

Функциональный подход к сохранению целостности системы менеджмента качества организаций в процессе их объединения и интеграции в комплекс
Соколовская М. В., Замиралова Е. В. 197

Внутренний аудит университетов на основе аджайл-метода с использованием дистанционных технологий в современных условиях
Соколовская М. В., Логинова И. О., Буянкина Р. Г. 208

Генезис маркетинга в контексте усиления его роли в управлении сотрудниками организаций
Черепанов А. В., Рехтина Г. А. 217

Определение уровня развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров методом 360 градусов
Юров А. А. 230

Региональная экономика

Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных
Абрамов В. И., Андреев В. Д. 238

Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности
Хашир Б. О., Швецова И. Н., Усанов А. Ю., Пономарев С. В. 249

Финансы

Основные тенденции развития рынка портфельных инвестиций частных инвесторов в Российской Федерации
Труфанова А. А., Калачева И. В., Тихонова А. В. 259

Society: Cultural and Political Development

Housing Rights of Orphans: Problems of Legal Guarantees
Nikolaeva K. S. 121

Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood
Solodova G. S. 131

Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis
Chirun S. N., Gladkikh S. S. 139

Economics and Management: Theory and Practice

Digital Entrepreneurship in Russia: Development during the Pandemic
Abalakin A. A., Yakovlev A. V., Akimenko V. A., Denisova E. V. 148

Contemporary economic crises and their impact on the activities of organizations
Beilina A. F., Zinchenko N. V., Nigmatullina G. R., Akhtemianova S. V. 160

Modern Trends in Russian Fintech
Korobeynikova O. M., Panova N. S., Shemet E. S. 170

Specifics of Entrepreneurial Activities in the Sub-Sanctioned Resource Economy of the Islamic Republic of Iran
Leukhova M. G., Korchagina I. V. 178

Project Activities in the Construction Industry: the Specifics of Competition and the Development Forecast
Rodin E. V. 189

Preserving the Integrity of Organizations' Quality Management System during Unification and Integration: Functional Approach
Sokolovskaya M. V., Zamiralova E. V. 197

Internal Audit of Universities in Modern Conditions Based on the Agile Method Using Remote Technologies
Sokolovskaya M. V., Loginova I. O., Buyankina R. G. 208

The Genesis of Marketing in the Context of Strengthening its Role in Managing Employees
Cherepanov A. V., Rekhtina G. A. 217

360-Degree Appraisal: Determining the Managerial Competencies Development Level of Masters and Senior Masters
Yurov A. A. 230

Regional Economy

Concept of the Integrated Digital Ecosystem Architecture of the Kemerovo Region Featuring Mechanism of Data Collection
Abramov V. I., Andreev V. D. 238

Specifics of Digitalization in Russia and its Regions under Uncertainty
Khashir B. O., Shvetsova I. N., Usanov A. Yu., Ponomarev S. V. 249

Finance

Development Trends of Private Investors' Portfolio Investment Market in the Russian Federation
Trufanova A. A., Kalacheva I. V., Tikhonova A. V. 259

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2

© 2023. Николаева К. С.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий

Николаева Ксения Сергеевна
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь
2000nks159@mail.ru

Поступила 17.03.2023. Принята после рецензирования 06.04.2023. Принята в печать 10.05.2023.

Аннотация: Задачей Российской Федерации как социального государства является реализация гарантий социальной защиты определенных целевых групп, одной из которых являются дети-сироты. В комплексе социальных прав ключевое место занимают их жилищные права. Но проблема массовой необеспеченности жильем детей-сирот остается нерешенной. Одной из причин является несовершенство правового регулирования института жилищных прав. Объектом исследования является институт жилищных прав детей-сирот, предметом – анализ юридических гарантий обеспечения жилищных прав. Цель – анализ судебной практики реализации юридических гарантий жилищных прав детей-сирот, выявление причин нарушений законодательства со стороны субъектов данных правовых отношений и разработка рекомендаций по его совершенствованию. В статье используется неоинституциональный подход, позволяющий проанализировать практику реализации юридических гарантий института жилищных прав детей-сирот и реальные проблемы, с которыми сталкиваются сироты при реализации жилищных прав. В рамках исследования были выявлены наиболее часто встречающиеся нарушения жилищных прав детей-сирот и рассмотрена практика судебных решений, что позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию нормативных актов, регулирующих институт жилищных прав детей-сирот. Также в работе предложены методы совершенствования реализации жилищных прав детей-сирот путем компенсации арендных платежей с дальнейшим предоставлением жилищного сертификата на приобретение жилья, что позволит решить проблему нехватки жилых помещений в специализированном жилищном фонде.

Ключевые слова: дети-сироты, социальная политика, жилищные права, юридические гарантии, судебная практика, арендное жилье, нарушения прав, специализированный жилищный фонд, жилищный сертификат

Цитирование: Николаева К. С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 121–130. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-121-130

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Housing Rights of Orphans: Problems of Legal Guarantees

Ksenia S. Nikolaeva
Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm
2000nks159@mail.ru

Received 17 Mar 2023. Accepted after peer review 6 Apr 2023. Accepted for publication 10 May 2023.

Abstract: The Russian Federation as a welfare state has to guarantee social protection for certain target groups, one of which is orphans. Housing rights of orphans are central in the complex of social rights, but the problem of inability to secure housing for orphans remains unresolved. The purpose of the study is to analyze how the housing rights of orphans are realized in the judicial practice, to identify the causes of violations of legislation and to develop recommendations for its improvement. The article uses a neoinstitutional approach that allows to analyze the practice of implementing housing rights of orphans and the problems faced by orphans in the implementation of their housing rights. The study identifies the most frequent violations of the housing rights of orphans, considers the court decisions, and formulates recommendations for improving the normative acts regulating the housing rights of orphans.

Keywords: orphans, social policy, housing rights, legal guarantees, judicial practice, rental housing, rights violations, specialized housing stock, housing certificate

Citation: Nikolaeva K. S. Housing Rights of Orphans: Problems of Legal Guarantees. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 121–130. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-121-130

Введение

Согласно ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация является социальным государством[1]. Это означает, что вся деятельность государства направлена на служение обществу, защиту прав и свобод человека и гражданина, сокращение социальных различий и повышение качества жизни населения [1, с. 22]. В соответствии с ч. 1 ст. 40 каждый имеет право на жилище[2]. Жилище наряду с пищей, одеждой выступает важнейшим условием обеспечения необходимого жизненного уровня человека, поддержания его здоровья и благосостояния (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека) [2, с. 121]. Поэтому ч. 3 ст. 40 Конституции РФ устанавливает обязанность государства предоставлять жилье отдельным категориям граждан бесплатно или за доступную плату. По мнению О. Ю. Ситковой, демографическая ситуация в стране улучшится лишь при реализации этих гарантий [3, с. 112].

Одной из категорий граждан с расширенным перечнем прав и гарантий являются дети-сироты. Согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, дети – приоритет государственной политики страны, и государство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей.

Положения Конституции РФ в сфере жилищных прав детей-сирот раскрываются в Жилищном и Семейном кодексах. Федеральный закон № 159-ФЗ устанавливает гарантии социальной поддержки детей-сирот, одной из которых и является однократное предоставление жилого помещения. Несмотря на то, что ст. 8, посвященная жилищным правам[3], детально регулирует порядок обеспечения жилыми помещениями детей-сирот, И. А. Несмеянова считает, что федеральный закон требует внесения изменений в части категорий детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем, и оснований возникновения жилищного права [4, с. 238]. Необходимость совершенствования федерального законодательства отмечает и Д. В. Гончарова [5, с. 179]. Несмотря на объемную нормативно-правовую базу, законодательно закрепленные права и гарантии, проблема обеспеченности жильем детей-сирот до сих пор не решена [6, с. 25], что негативно сказывается на социализации и адаптации детей-сирот в обществе [7, с. 61].

М. О. Жмакина утверждает, что неграмотная политика в сфере социальной помощи населению порождает социальное иждивенчество. Такая зависимость отдельных категорий граждан от предоставляемых государством благ является социально-политической проблемой [8, с. 402]. По мнению О. Г. Седых, одной из причин возникновения социального иждивенчества для детей-сирот выступает жилищная необеспеченность. Автор считает, что в решении данной социальной проблемы задействован преимущественно государственный сектор. Поэтому необходимо привлекать представителей бизнеса и некоммерческие организации. Это обусловлено необходимостью, помимо реализации жилищных прав, содействовать трудоустройству детей-сирот, привлекать их к деятельности и обучать, формируя социальное поведение. Только при обеспечении благоустроенным жильем и постоянным трудоустройством дети-сироты смогут выбраться из асоциальной среды [9, с. 12]. Таким образом, одним из самых действенных инструментов социализации и адаптации детей-сирот в обществе является обеспечение собственным жильем.

Рассуждая о новом институционализме, Д. Норт отмечает, что институт включает в себя не только формальные правила, установленные нормативными правовыми актами, но и неформальные кодексы поведения, обычаи и привычки [10, с. 79]. Люди развивают и изменяют институты, в связи с чем общая деятельность органов публичной власти в пределах конкретного института напрямую зависит от индивидуальных особенностей и поведения людей, принимающих решения [11, с. 123]. П. В. Панов совершенно справедливо отметил, что «политику делают не институты, а акторы» [12, с. 52], поэтому неоинституционалисты учитывают совокупный эффект от соединения институтов и человеческих действий, идей [13, с. 78]. На этом основании в рамках исследования применяется неоинституциональный подход, так как он позволяет проанализировать одновременное применение формальных и неформальных правил института жилищных прав детей-сирот и выявить нарушения, допущенные органами власти и влекущие за собой необеспеченность детей-сирот жильем. По мнению Д. А. Коновалова, только неоинституционализм позволяет анализировать растущее число необъяснимых явлений [14, с. 192].

Показатели необеспеченности детей-сирот жильем практически не изменились на протяжении последних 10 лет [15, с. 108]. «В 2022 г. в очереди на получение жилья состоит 298 тыс. детей-сирот, при этом на ближайшие 3 года запланировано на решение этой проблемы 30 млрд рублей, что мало,

[1] Конституция Российской Федерации. *СПС КонсультантПлюс.*

[2] Там же.

[3] О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. ФЗ № 159-ФЗ от 21.12.1996. *СПС КонсультантПлюс.*

так как позволит обеспечить жильем только порядка 30 тыс. детей-сирот»[4], – прокомментировал глава Министерства строительства и ЖКХ РФ И. Файзулин. Однако из всех детей-сирот, состоящих в очереди на жилье, для 213 тыс. человек уже наступил срок получения жилья – они достигли совершеннолетия и покинули интернаты. А так как реализовать свое жилищное право они до сих пор не могут, им просто негде жить[5].

А. Кузнецова, вице-спикер Государственной Думы, считает, что к этому привело «отсутствие эффективного государственного управления, отсутствие системных механизмов для реализации права, воровство и коррупция»[6]. Исследователи также считают возможными причинами пробелы в нормативном правовом обеспечении [16, с. 13], недостаточность финансирования [17], нехватку жилой недвижимости в специализированном жилищном фонде [18, с. 117], отсутствие действенного механизма по обеспечению жильем [19, с. 163], ненадлежащую работу органов опеки и попечительства, отсутствие механизмов контроля [20, с. 363].

В результате увеличения количества человек в очереди растет и срок получения жилья. В некоторых регионах России дети-сироты ожидают в очереди более 20 лет[7]. Массовые нарушения конституционных прав детей-сирот связаны с неэффективной деятельностью должностных лиц органов публичной власти [21, с. 186]. На этом основании дети-сироты вынуждены бороться за свои права, поэтому особую значимость в вопросах реализации и защиты жилищных прав детей-сирот имеют судебные органы и прокуратура [22, с. 134].

За 2020 г. прокуроры пресекли порядка 9,6 тыс. нарушений закона; восстановили права около 5 тыс. детей-сирот, которым обязаны предоставить жилье; предъявили в суды свыше 4 тыс. исков, большинство из которых удовлетворено[8].

По мнению Л. С. Безгодковой, в результате длительного ожидания в очереди дети-сироты вынуждены получать жилье через суд [23]. В некоторых регионах квартиры предоставляются сиротам только на основании судебных решений[9], однако их исполнение носит длительный характер, что не решает жилищную проблему данной категории населения [24].

Результаты

В рамках исследования мы проанализировали судебную практику предоставления жилья детям-сиротам и пришли к следующим выводам.

1. Незаконно ущемляются права детей-сирот, достигших возраста 23 лет, на включение в Список детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем (далее – Список). Федеральный закон сохраняет право на получение благоустроенного жилья за сиротами, достигшими возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями[10]. Однако органы власти по-разному толкуют данную норму [25, с. 56] и могут отказать в постановке на учет и включении в Список.

Например, гражданка А., сирота в возрасте 23 лет, переехала из Звениговского района республики Марий Эл на новое место жительства. Она обратилась в Управление образования администрации города Йошкар-Ола (далее – Управление) с заявлением об исключении ее из Списка в Звениговском районе и включении в соответствующий Список в городе Йошкар-Ола. Управление отказало, поскольку в соответствии с возрастным критерием гражданка А. не относится к лицам, которые в настоящее время могут подавать заявление об исключении из Списка или включении в него. В результате гражданка А. обратилась в Йошкар-Олинский городской суд, который обязал Управление включить заявителя в соответствующий Список решением от 20 мая 2021 г.

Согласно п. 23 Правил формирования списка детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем (далее – Правила), при перемене места жительства законный представитель должен обратиться в уполномоченный орган по новому месту жительства с заявлением об исключении сироты из Списка

[4] В Минстрое рассказали, сколько детей-сирот стоят в очереди на квартиры. *СенатИнформ*. 02.03.2022. URL: https://senatinform.ru/news/v_minstroe_rasskazali_skolko_detey_sirot_stoyat_v_ocheredi_na_kvartiry/ (дата обращения: 16.01.2023).

[5] Сапрыгина Ю. Когда дети-сироты получат полагающееся им жилье. *Парламентская газета*. 18.02.2022. URL: https://www.pnp.ru/social/kogda-deti-siroty-poluchat-polagayushheesya-im-zhile.html (дата обращения: 16.01.2023).

[6] Шушкина А. Кузнецова назвала основные причины «катастрофы» с обеспечением сирот жильем. *Парламентская газета*. 18.02.2022. URL: https://www.pnp.ru/social/kuznecova-nazvala-osnovnye-prichiny-katastrofy-sobespecheniem-sirot-zhilem.html (дата обращения: 16.01.2022).

[7] В Коми 25 сирот ждут свое жилье больше 20 лет. *Информационное агентство «Север-Медиа»*. 19.06.2018. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/80327/ (дата обращения: 16.01.2023).

[8] Егоров И. Генпрокурор России взял на особый контроль жилье для сирот. *Российская газета*. 13.10.2020. URL: https://rg.ru/2020/10/13/genprokuror-rossii-vzial-na-osobyj-kontrol-zhile-dlia-sirot.html (дата обращения: 16.01.2023).

[9] В девяти регионах России срок ожидания квартиры сиротами превысил 20 лет. *РБК*. 26.03.2020. URL: https://www.rbc.ru/society/26/03/2020/5e7b26399a7947cefc348172 (дата обращения: 10.01.2023).

[10] О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. ФЗ № 159-ФЗ от 21.12.1996. П. 9. Ст. 8. *СПС КонсультантПлюс*.

по прежнему месту жительства и включении в Список по новому месту жительства[11]. Если в уполномоченный орган не обратился законный представитель, это вправе сделать сирота после приобретения полной дееспособности до достижения совершеннолетия.

Министерство Просвещения РФ, разъясняя данную норму Правил, указало, что право на обеспечение жильем по месту жительства должно возникнуть у сироты до достижения совершеннолетия, а значит, что лица из числа детей-сирот, достигшие возраста 23 лет, не могут обращаться с заявлением в связи с переменой места жительства[12].

После решения суда первой инстанции Гражданка А. обратилась в Верховный суд РФ с заявлением о признании недействующими 1, 2 и 3 абзацев п. 23 Правил, т. к. считает, что закрепленные нормы противоречат ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ и нарушают ее право на обеспечение жильем. Однако Верховный суд в удовлетворении искового требования отказал, отмечая, что оспариваемый пункт должен толковаться в совокупности с другими нормами Правил. В п. 23 Правил не указан порядок подачи заявлений сиротами, достигшими возраста 23 лет. Однако достижение сиротой определенного возраста не является основанием для отказа включения в Список согласно п. 35 Правил или пункту 3.1. ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ[13]. Таким образом, любое ущемление жилищных прав детей-сирот на основании достижения определенного возраста, а именно 23 лет, является незаконным.

2. После достижения совершеннолетия дети-сироты вынуждены ожидать жилье в среднем 7 лет. В некоторых регионах срок ожидания превышает 20 лет[14], несмотря на то, что предоставление жилья «в порядке очередности» законом не предусмотрено. Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ жилые помещения предоставляются сиротам, достигшим возраста 18 лет или приобретшим полную дееспособность до достижения совершеннолетия, а также сиротам, не достигшим возраста 18 лет, если это предусмотрено законодательством соответствующего субъекта РФ. Жилье предоставляется на основании письменного заявления после окончания пребывания в образовательных, медицинских организациях и организациях социального обслуживания, а также по завершении получения профессионального образования и др. Сроки предоставления жилья нуждающимся детям-сиротам в законодательстве не закреплены [26].

Например, гражданин С. обратился в Верховный Суд РФ, так как суд первой инстанции, а в дальнейшем апелляционной и кассационной инстанций отклонили его иск о возложении на ответчика обязанности обеспечить его жильем. Суды пришли к выводу, что у гражданина С. действительно возникло право на обеспечение жильем, однако его реализация возможна только в порядке очередности.

Однако Верховный Суд РФ отметил, что вынесенное судом решение нарушает жилищное право истца, поскольку ни федеральное, ни региональное законодательство не устанавливает очередность для предоставления жилья детям-сиротам. В итоге судебная коллегия отменила предыдущие постановления судов и направила дело на новое рассмотрение[15].

При рассмотрении похожего дела Верховный Суд РФ отметил, что в российском законодательстве отсутствует срок, в течение которого сиротам должно быть предоставлено жилье, а значит, что реализация жилищного права детей-сирот должна осуществляться непосредственно после возникновения этого права. При этом дефицит финансирования и отсутствие жилья в специализированном жилищном фонде не может являться основанием для отказа в предоставлении жилого помещения детям-сиротам[16].

[11] О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте РФ по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте РФ по новому месту жительства. Постановление Правительства РФ № 397 от 04.04.2019. *СПС Гарант.*

[12] О направлении разъяснений. Письмо Министерства Просвещения РФ № ДГ-812/07 от 23.06.2020. *СПС КонсультантПлюс.*

[13] Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев первого, второго, третьего пункта 23 Правил формирования списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из указанного списка в субъекте РФ по прежнему месту жительства и включения их в список в субъекте РФ по новому месту жительства, утв. Постановлением Правительства РФ от 04.04.2019 № 397. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ № АКПИ21-1026 от 09.02.2022. *СПС КонсультантПлюс.*

[14] В девяти регионах России…

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 16-КГ20-25-К4 от 08.12.2020. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1948158 (дата обращения: 10.02.2023).

[16] Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 7-КГ17-8 от 14.11.2017. *СПС КонсультантПлюс.*

Анализ судебных решений позволяет понять, что очередность не отвечает требованиям норм материального права и нарушает права детей-сирот. После возникновения соответствующего права в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ жилье должно быть предоставлено детям-сиротам незамедлительно [27, с. 40]. Однако по мнению Ю. В. Бекузаровой [28, с. 100] и А. С. Азаровой [29, с. 146], срок предоставления жилья должен быть законодательно закреплен.

3. Нарушается право детей-сирот на предоставление жилого помещения по месту их жительства. Согласно п. 1 ст. 20 Гражданского кодекса РФ под местом жительства гражданина понимается место его постоянного или преимущественного проживания. Местом жительства лиц, не достигших возраста 14 лет, признается место жительства их законных представителей. В то же время согласно п. 2 ст. 36 опекуны и попечители обязаны проживать со своими подопечными. После достижения подопечным возраста 16 лет допускается раздельное проживание с разрешения органа опеки и попечительства[17].

Так, гражданка К. обратилась в суд, оспаривая решения жилищной комиссии об отказе в предоставлении жилого помещения в г. Москва. Суд установил, что гражданка К., являясь сиротой, зарегистрирована в Рязанской области. Жилое помещение было уничтожено в результате пожара. За гражданкой К. как за несовершеннолетней было установлено попечительство и определено место жительства – г. Москва, по месту проживания попечителя. После достижения совершеннолетия и окончания периода попечительства гражданка К. продолжила проживать там же, т. к. не имела другого жилого помещения. Суд направил дело на новое рассмотрение, поскольку суды предыдущих инстанций нарушили жилищное право сироты. Исходя из положений ст. 20 Гражданского кодекса РФ и ст. 2, 3 Федерального закона № 5242-1[18] следует, что регистрация не совпадает с понятием *место жительства* и не может служить условием реализации прав и свобод граждан[19].

При рассмотрении иных дел в некоторых случаях суды исходили из того, что жилое помещение должно предоставляться только по месту выявления и первичного устройства сироты. Однако данная точка зрения является неверной и противоречит федеральному законодательству. Единственным основанием, по которому необходимо определять место предоставления жилья сиротам, является основание места жительства этих лиц[20].

4. Право на однократное обеспечение благоустроенным жильем гарантировано только самим детям-сиротам. Например, Гражданка И. обратилась в Ивановский областной суд с целью обязать органы местного самоуправления реализовать ее право на однократное получение благоустроенного жилья и суд удовлетворил иск. Однако несмотря на то, что гражданка И. имеет семью из трех человек, жилое помещение должно быть предоставлено соответствующей площадью без учета членов семьи гражданки И., т. к. Федеральный закон № 159-ФЗ этого не предусматривает. Следовательно, на основании закона дети-сироты могут получить жилое помещение площадью, предусмотренной законодательством соответствующего субъекта РФ, но без учета остальных членов их семей.

5. Приобретение сиротой в собственность жилого помещения не является основанием для расторжения договора найма. В 2015 г. гражданке И. было предоставлено благоустроенное жилье на основании договора найма специализированного жилого помещения (далее – Договор). Через полгода семья приобрела в собственность квартиру на основании договора купли-продажи в другом населенном пункте. В результате чего наймодатель (уполномоченный орган), ссылаясь на обеспеченность нанимателя жилой площадью, обратился в суд для расторжения Договора и выселения гражданки И. из жилого помещения. Суд в удовлетворении иска отказал, так как ст. 101 Жилищного кодекса РФ устанавливает следующие основания расторжения Договора: неисполнение нанимателем и проживающими с ним членами его семьи обязательств по Договору, невнесение платы за жилье или коммунальные услуги более 1 года, иждивенческое отношение к жилому помещению, систематическое нарушение прав и интересов соседей, использование жилья не по назначению. Помимо этого, согласно ст. 102 Жилищного кодекса РФ прекращение Договора возможно в результате утраты, разрушения жилого помещения. Таким образом, договор с сиротой не может быть расторгнут или прекращен в результате приобретения в собственность иного жилого помещения, поскольку данное основание отсутствует в Жилищном кодексе РФ.

[17] Гражданский кодекс РФ № 51-ФЗ от 30.11.1994. *СПС КонсультантПлюс.*

[18] О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ. Закон РФ № 5242-1 от 25.06.1993. *СПС КонсультантПлюс.*

[19] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 5-КГ16-84 от 28.06.2016. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28062016-n-5-kg16-84/ (дата обращения: 13.02.2023).

[20] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2016). Утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016. *СПС КонсультантПлюс.*

6. Проживание сироты в жилом помещении опекуна не является основанием для отказа в обеспечении жильем. Гражданка Д. является лицом из числа детей-сирот. Ранее за ней была закреплена квартира ее опекуна – гражданки С., при этом право бессрочного пользования жильем не возникло. После достижения совершеннолетия Администрация г. Смоленска не предоставила жилое помещение сироте, отметив, что за ней уже была закреплена пригодная для проживания квартира ее опекуна. Гражданка Д. обратилась с иском в суд, который удовлетворил исковые требования[21]. В соответствии со ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ в редакции, действовавшей до 1 января 2013 г., дети-сироты обеспечивались жильем при условии отсутствия закрепленного за ними жилого помещения. Однако в результате внесенных изменений данный критерий был упразднен. При этом новая редакция распространила свое действие на правоотношения, возникшие до момента вступления в силу изменений, в случае если дети-сироты не реализовали свое жилищное право[22].

Местом жительства несовершеннолетних детей-сирот, как правило, является место жительства их опекунов (попечителей). На основании п. 3 ст. 40 Гражданского кодекса Российской Федерации попечительство прекращается в момент достижения сиротой совершеннолетия[23]. Но на основании ст. 17 Федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» у подопечных не возникает право собственности на жилье опекуна (попечителя). Сироты имеют право лишь пользоваться имуществом своих опекунов (попечителей) с их согласия[24]. Таким образом, проживание сироты в жилом помещении опекуна (попечителя) не является основанием для отказа в предоставлении жилья, т. к. по достижении сиротой совершеннолетия право на постоянное пользование жильем опекуна (попечителя) прекращается.

32 региона реализуют жилищные права детей-сирот путем выдачи жилищных сертификатов, на средства которых сироты вправе самостоятельно приобрести жилье. Например, в Пермском крае данный проект реализуется в экспериментальном режиме. В 2020 г. жилищные сертификаты получили 93 сироты. В 2021 г. за получением жилищного сертификата обратилось 177 сирот. Из них:

- 158 сиротам выдан жилищный сертификат; из них 152 человека приобрели благоустроенные жилые помещения на территории Пермского края, 6 человек не реализовали жилищные сертификаты в установленный срок;
- 19 сиротам отказано в выдаче жилищного сертификата в связи с превышением лимитов бюджетных обязательств на эти цели.

В 2020 г. номинал жилищного сертификата составлял 1,16 млн руб.; в 2021 г. – 1,22 млн руб., что является недостаточной суммой для покупки жилья в некоторых муниципалитетах Пермского края [30, с. 32]. Однако с 2022 г. по поручению губернатора размер выплаты увеличился и составляет от 1,2 до 3 млн руб. в зависимости от муниципального образования и стоимости жилья за 1 кв. м.[25]

Министерство просвещения РФ и Министерство строительства РФ разработали федеральный законопроект, который устанавливает жилищный сертификат как один из механизмов реализации жилищных прав детей-сирот. Согласно законопроекту, одним из требований, предъявляемых к сироте для получения выплаты, является достижение им возраста 23 лет[26].

Как правило, до 23 лет дети-сироты не могут реализовать свое жилищное право, однако информация о месте их проживании отсутствует. Так как очередность получения жилья, согласно судебной практике, не закреплена законодательно и является нарушением, необходимо предусмотреть компенсацию арендных платежей в качестве временной меры поддержки детей-сирот. О необходимости введения такой компенсации писала О. А. Лаврищева, отмечая, что компенсация должна устанавливаться в том случае, когда не представляется возможным незамедлительно предоставить жилье детям-сиротам [31, с. 85].

[21] Решение Ленинского районного суда г. Смоленска по делу № 2-1738/2017 ~ М-1092/2017 от 05.04.2017. URL: https://leninsky--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=127545470&case_uid=37bf066b-6cca-4b78-b3e7-7c59543648ac&delo_id=1540005 (дата обращения: 13.02.2023).

[22] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. ФЗ № 15-ФЗ от 29.02.2012. *СПС КонсультантПлюс*.

[23] Гражданский кодекс...

[24] Об опеке и попечительстве. ФЗ № 48-ФЗ от 24.04.2008. *СПС КонсультантПлюс*.

[25] В Прикамье с января жилищные сертификаты получили более 300 детей-сирот. *Сайт губернатора и Правительства Пермского края*. 03.11.2022. URL: https://www.permkrai.ru/news/v-prikame-s-yanvarya-zhilishchnye-sertifikaty-poluchili-bolee-300-detey-sirot/ (дата обращения: 23.01.2023).

[26] Филиппова Е. Детям-сиротам предложили выдавать сертификаты на покупку квартир в любом регионе. *Парламентская газета*. 19.10.2022. URL: https://www.pnp.ru/social/detyam-sirotam-predlozhili-vydavat-sertifikaty-na-pokupku-kvartir-v-lyubom-regione.html (дата обращения: 23.01.2023).

Заключение

В результате анализа судебной практики мы видим, что необеспеченность жильем детей-сирот напрямую связана с массовыми нарушениями реализации жилищного права. Дети-сироты обращаются в суд, получение жилья затягивается на долгие годы. В связи с этим мы считаем необходимым внести изменения в законодательство РФ в части уточнения отдельных норм, что позволит исключить их неверное толкование органами публичной власти.

Во-первых, внести изменения во 2 абзац п. 1 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ в части основания предоставления жилья и указать, что «жилые помещения предоставляются лицам, указанным в первом абзаце настоящего пункта, по их заявлению в письменной форме незамедлительно по достижению совершеннолетия или приобретения полной дееспособности».

Во-вторых, в п. 23 Правил формирования списка детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем (Постановление Правительства РФ № 397), необходимо добавить: «при перемене места жительства дети-сироты, достигшие возраста 18 лет, вправе самостоятельно обратиться с заявлением в письменной форме об исключении их из Списка по прежнему месту жительства и включении их в Список в уполномоченный орган по новому месту жительства».

Однако совершенствование законодательства не решит проблему в полной мере, поэтому необходимо предусмотреть дополнительные механизмы реализации жилищных прав данной категории граждан. Это важно как для самих сирот, так и для общества в целом. Поэтому для решения жилищной проблемы детей-сирот мы предлагаем установить следующий механизм:

1. После достижения совершеннолетия сирота, включенный в Список, подает заявление и необходимый перечень документов в уполномоченный орган для реализации права на получение компенсации расходов за наем (поднаем) жилого помещения.

2. Компенсация арендных платежей устанавливается сроком на 5 лет. Основаниями для досрочного прекращения выплат служит расторжение договора найма (поднайма) жилого помещения, приобретение жилья в собственность или предоставление благоустроенного жилого помещения.

3. После достижения сиротой возраста 23 лет ежемесячные компенсации расходов прекращаются, и сироте выдается жилищный сертификат на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность в любом муниципальном образовании соответствующего субъекта РФ.

Использование данного механизма и его закрепление на федеральном уровне позволит решить проблему дефицита жилья в специализированных жилищных фондах, которая особенно остро касается муниципалитетов с низкими темпами строительства жилья. Помимо этого, станет возможным обеспечить совершеннолетних детей-сирот жильем сразу после окончания их пребывания в соответствующих организациях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Воронина А. С., Горина М. С. Особенности социальной политики в социальном государстве. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012. № 3. С. 22–27. [Voronina A. S., Gorina M. S. Specific features of social policy in social state. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2012, (3): 22–27. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pvqfit
2. Иванов А. П., Игнатьева С. В. Право на жилое помещение в гражданском законодательстве. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 6. С. 120–123. [Ivanov A. P., Ignatieva S. V. The right to residential premises in civil legislation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (6): 120–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-120-123
3. Ситкова О. Ю. Право на жилище в контексте реализации права ребенка на защиту и заботу, необходимые для его благополучия. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 6. С. 111–116. [Sitkova O. Yu. The right to housing in the context of the child's right to protectionand care necessary for his or her well-being. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2022, (6): 111–116. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-6-111-116
4. Несмеянова И. А. К вопросу об особенностях формулировок, примененных в статье 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». *Образование и право*. 2017. № 2. С. 237–242. [Nesmeianova I. A. Regarding the question about peculiarities used in article 8 of the Federal Law dated 21.12.1996 № 159-FZ "On additional

guarantees on social support of children-orphans and children left without parenting". *Obrazovanie i pravo*, 2017, (2): 237–242. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yloqch

5. Гончарова Д. В. Жилищные права детей, оставшихся без попечения родителей: правовое обеспечение и проблемы реализации норм. *Евразийский научный журнал*. 2015. № 6. С. 178–180. [Goncharova D. V. Housing rights of legally free children: legal support and problems of implementation of norms. *Eurasian Scientific Journal*, 2015, (6): 178–180. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ukqpgh
6. Баранов В. А., Петюкова О. Н. Правовое обеспечение системы государственного жилищного надзора в Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. 148 с. [Baranov V. A., Petiukova O. N. *Legal support of the system of state housing supervision in the Russian Federation*. Moscow: Prospect, 2015, 148. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wfmonn
7. Спасенкова С. В., Мугиль Ю. В. Проблемы обеспечения жильем детей-сирот в Оренбургской области: основные аспекты. *Caucasian Science Bridge*. 2022. Т. 5. № 2. С. 60–68. [Spasenkova S. V., Mugil Yu. V. Problems of providing housing for orphans in the Orenburg region: main aspects. *Caucasian Science Bridge*, 2022, 5(2): 60–68. (In Russ.)] https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.5
8. Жмакина М. О. Социальное иждивенчество как результат политики социального государства в современном российском обществе. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2014. № 6. С. 399–403. [Zhmakina M. O. Social dependency as a result of the state welfare policy in modern Russian Society. *Sotsiologiia v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, 2014, (6): 399–403. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sfrmtd
9. Седых О. Г. Взаимодействие власти и бизнеса в решении жилищных проблем детей-сирот как механизм контроля и сдерживания социального иждивенчества. *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9. № 2. С. 10–18. [Sedykh O. G. Interaction of authorities and business in solving housing problems for orphaned children as a mechanism of control and moderation of social dependency. *Baikal Research Journal*, 2018, 9(2): 10–18. (In Russ.)] https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(2).10
10. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение. *THESIS*. 1993. Т. 1. № 2. С. 69–91. [North D. C. Institutions and economic growth: an historical introduction. *THESIS*, 1993, 1(2): 69–91. (In Russ.)]
11. Гульбина Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта. *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 283. С. 123–128. [Gulbina N. I. The theory of institutional changes of D. North. *Tomsk State University Journal*, 2004, (283): 123–128. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ojdjvx
12. Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Гвоздева Е. А., Грунт З. А., Кертман Г. Л., Клеман К., Машезерская Л. Я., Павлова Т. В., Панов П. В., Хлопин А. Д. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006. 600 с. [Patrushev S. V., Aivazova S. G., Gvozdeva E. A., Grunt Z. A., Kertman G. L., Clément K., Mashezerskaia L. Ya., Panov P. V., Khlopin A. D. *Institutional political science: modern institutionalism and political transformation of Russia*. Moscow: ISP RAS, 2006, 600. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qjuzgn
13. Фан И. Б. Неоинституциональный подход в политических исследованиях. Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. *Мир-Россия-Урал*: XXI Всерос. науч.-практ. конф. гуманитарного университета. (Екатеринбург, 8–9 апреля 2010 г.) Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. Т. 1. С. 76–79. [Fan I. B. Neoinstitutional approach in political research. Unexpected modernity: changing realities of the XXI century. *Mir-Russia-Ural*: Proc. XXI All-Russ. Sci.-Prac. Conf. of the Liberal Arts University, Ekaterinburg, 8–9 Apr 2010. Ekaterinburg: Liberal Arts University, 2010, vol. 1, 76–79. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xrelni
14. Коновалов Д. А. Неоинституциональная экономика как методология политической науки в изучении современных диктатур. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2018. № 2. С. 191–200. [Konovalov D. A. Neoinstitutional economy as methodology of political science in studying of contemporary dictatorships. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, (2): 191–200. (In Russ.) https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.191-200
15. Присяжнюк Ю. П. Предоставление жилья детям как мера социальной поддержки. Проблемы и перспективы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2022. № 2. С. 108–113. [Prisyazhnyuk Yu. P. Providing of housing for children as a social support measure – challenges and prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2022, (2): 108–113. (In Russ.)] https://doi.org/10.52452/19931778_2022_2_108
16. Николаева К. С. Анализ нормативного обеспечения передачи государственных полномочий органам местного самоуправления по предоставлению жилья детям-сиротам. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 1. С. 12–19.

[Nikolaeva K. S. State-funded housing for orphaned children: normative provision of transfer of state powers to local authorities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(1): 12–19. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-12-19

17. Мамаева А. К. Защита прокурорами жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Бизнес в законе*. 2009. № 5. С. 256–259. [Mamaeva A. K. Protection by prosecutors of the housing rights of orphans and children left without parental care. *Biznes v zakone*, 2009, (5): 256–259. (In Russ.)] https://elibrary.ru/lmarkt
18. Зелинская М. В., Клочко Е. Н. Совершенствование государственного регулирования механизма предоставления жилья детям-сиротам в Краснодарском крае. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. № 27. С. 114–121. [Zelinskaja M. V., Klochko E. N. Improvement of state regulation of the provision mechanism accommodation for children-orphans in the Krasnodar region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2020, (27): 114–121. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-00021
19. Шишпанова Н. В. Право на жилье в общей характеристике прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 10-4. С. 162–165. [Shishpanova N. V. The right to housing in a general description of the rights of orphans and children without parental care. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, (10-4): 162–165. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11182
20. Личковаха А. В. Защита жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы и пути решения. *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право*. 2022. № 8. С. 363–365. [Lichkovakha A. V. Protection of housing rights of orphans and children left without parental care: problems and solutions. *Current problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law*, 2022, (8): 363–365. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qukjgl
21. Пашаев Х. П. Недостатки реализации социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (по материалам судебной практики республики Алтай). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12-5. С. 184–187. [Pashaev Kh. P. Drawbacks of realization of social protection of orphans and children without parental care (by the material of judicial practice of the Republic of Altai). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, (12-5): 184–187. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zxheev
22. Тарасова А. Н. Проблемные аспекты защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Молодой ученый*. 2022. № 36. С. 133–136. [Tarasova A. N. Problematic aspects of protecting the housing rights of orphans and children left without parental care. *Molodoi uchenyi*, 2022, (36): 133–136. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ezhztx
23. Безгодкова Л. С. Правовое регулирование и защита жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *StudNet*. 2021. Т. 4. № 4. [Bezgodkova L. S. Legal regulation and protection of housing rights of orphan children and children left without parental care. *StudNet*, 2021, 4(4). (In Russ.)] https://elibrary.ru/gqyyyb
24. Коротаева Э. Г. Проблемы нормативно-правового регулирования предоставления жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в субъектах Российской Федерации. *Практика исполнительного производства*. 2016. № 4. С. 50–64. [Korotaeva E. G. Problems of regulatory regulation of the provision of residential premises to orphans and children left without parental care in the subjects of the Russian Federation. *Praktika ispolnitelnogo proizvodstva*, 2016, (4): 50–64. (In Russ.)]
25. Тарасова А. Е. Основные научные, организационные и практические проблемы защиты имущественных прав несовершеннолетних (по материалам круглого стола). *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 54–61. [Tarasova A. E. The basic scientific organization and practical problems of the protection of property rights of minors on the materials (on the round table). *North Caucasus Legal Vestnik*, 2014, (4): 54–61. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tgpqjt
26. Лизвинская В. Жилье для сирот – анализ споров. *Жилищное право*. 2020. № 2. С. 63–72. [Lizvinskaia V. Orphan housing – Dispute Analysis. *Zhilishchnoe pravo*, 2020, (2): 63–72. (In Russ.)]
27. Тарасова А. Е. Совершенствование жилищного обеспечения детей, оставшихся без попечения родителей. Анализ изменений законодательства. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2018. Т. 5. № 3-4. С. 39–46. [Tarasova A. E. Improving housing for children left without parental care. Analysis of changes in legislation. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2018, 5(3-4): 39–46. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yzveqp

28. Бекузарова Ю. В. Проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 1. С. 99–101. [Bekuzarova Yu. V. Problems of providing living quarters for orphans. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2019, (1): 99–101. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yyiqux
29. Азарова А. С. Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примере Саратовской области. *Вопросы российской юстиции*. 2022. № 18. С. 140–150. [Azarova A. S. The problem of housing for orphans and children left without parental care on the example of the Saratov region. *Voprosy Rossiiskoi iustitsii*, 2022, (18): 140–150. (In Russ.)] https://elibrary.ru/eptyni
30. Кузнецова П. Ю., Николаева К. С. Совершенствование взаимодействия органов власти в сфере реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021. № 2. С. 28–33. [Kuznetsova P. Yu., Nikolaeva K. S. Improvement of cooperation between authorities in the implementation of housing rights of orphans and children without parental care. *State and municipal administration scientific notes*, 2021, (2): 28–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-28-33
31. Лаврищева О. А. Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Государственная служба и кадры*. 2019. № 3. С. 82–86. [Lavrishcheva O. A. Modern problems of realization of housing rights of orphans and children left without parental care. *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry*, 2019, (3): 82–86. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2312-0444-2019-10118

© 2023. Солодова Г. С.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Структура высших органов власти в первый период российской государственности

Солодова Галина Сергеевна
Институт философии и права СО РАН, Россия, Новосибирск
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Россия, Новосибирск
Scopus Author ID: 39362330400
gsolodova@gmail.com

Поступила 08.02.2023. Принята после рецензирования 11.03.2023. Принята в печать 14.04.2023.

Аннотация: Сегодняшний интерес к политической истории, изучению феноменов верховной государственной власти связан с ростом признания значимости государства. Цель – исследовать структуру высших органов власти в первый период российской государственности. В основу исследования легли фундаментальные труды о ранней славянской государственности в интерпретации дореволюционных юристов и философов права М. Ф. Владимирского-Буданова, С. А. Корфа, А. К. Толстого, М. А. Дьяконова, Н. М. Коркунова. Верховная власть первого периода российской государственности характеризуется наличием договорных отношений, совместного властвования и элементов политии. Уже на данном этапе можно говорить о проявлении в политическом устройстве государственной власти механизмов социальной самоорганизации. Структура высших органов носила тройственный характер. Сочетание различных элементов власти – княжеской (монарх), боярской (аристократия) и народной (демократия) обеспечивало законность и управляемость, что позволяет говорить о том, что форма общественного управления первого периода российской государственности соответствует политии. Структура правления предполагала коллегиальную и единоличную организацию власти, элементы представительства, совещательные учреждения (боярская дума и вече). Не претендуя на попытки прогноза и моделирования потенциальных форм верховной государственной власти, заметим, что интерес к прошлому дает материал для выявления исторических закономерностей, оценки степени их укорененности.

Ключевые слова: государство, периоды русской государственности, верховная власть древнерусского государства, княжеский период, княжеская власть, боярская дума, вече

Цитирование: Солодова Г. С. Структура высших органов власти в первый период российской государственности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 131–138. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-131-138

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood

Galina S. Solodova
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk
Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Russia, Novosibirsk
Scopus Author ID: 39362330400
gsolodova@gmail.com

Received 8 Feb 2023. Accepted after peer review 11 Mar 2023. Accepted for publication 14 Apr 2023.

Abstract: Interest in political history and the supreme state power is growing due to the recognition of the state importance. The purpose of the article is to analyze the structure of the supreme authorities in the first period of Russian statehood. The research references studies of the early Slavic statehood. In the first period of Russian statehood, the supreme power incorporated contractual relations, joint rule, elements of politia and social self-organization. The structure of the supreme authorities was threefold. The combination of various elements of power provided legitimacy and manageability. The structure of the governing bodies included elements of collegial and sole power, representation, advisory institutions. The research of the past provides material for identifying historical patterns and their presence nowadays.

Keywords: state, periods of Russian statehood, supreme power of the Old Russian state, princely period, princely power, boyar duma, veche

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

Citation: Solodova G. S. Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 131–138. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-131-138

Введение

Сегодняшний интерес к политической истории и изучению феноменов верховной государственной власти связан с ростом признания значимости государства. Озвучим несколько базовых тезисов: 1. Несмотря на рост международной взаимозависимости, современные государства претендуют на сохранение внутреннего суверенитета. 2. Для определения уровня суверенитета ключевыми являются степень монополии на выработку общеобязательных норм и право принуждения к их исполнению. 3. Государство есть прежде всего властвование. Признак власти, хотя и не является достаточным, по своему существу всегда стоит на первом месте. Принудительная власть составляет отличительную особенность государства как особой формы человеческого общежития [1]. 4. Будучи суверенной, государственная власть не является неограниченной. 5. Несмотря на объективно-принудительное ограничение личной свободы, граждане рассматривают государство как средство для достижения своих целей.

Эпиграфом к работе может стать выдержка из труда С. А. Корфа и А. К. Толстого: «Именно в наше время, когда русским гражданином переживается эпоха переоценки всех ценностей, более чем когда-либо чувствуется потребность в сознательном отношении к прошлому, к тому великому процессу, благодаря которому вырастало и складывалось русское государство» [2, с. V].

Несмотря на то, что «процессы политической эволюции не следует сводить исключительно к возникновению государства», тем не менее есть «основания признать государственную ветвь политогенеза основной, а альтернативные пути – боковыми» [3, с. 27–28]. Государство как базисная структура «осуществления власти и господства» является «общественно-универсальным явлением» [4, с. 72; 5, с. 54–58], а не результатом проявления и реализации индивидуальной воли. Потребность в организации власти и структуре подчинения исходит из коллективного осознания их необходимости. Государственное устройство предполагает наличие неких *институций*, явных и латентных, а также формальных и неформальных структур и предписаний, необходимых для сохранения властных и политических практик. Как отмечает известный американский исследователь М. Манн, «государства существуют, поскольку они функционально необходимы для социальной жизни за рамками ее простейшего уровня… Государства представляют собой нечто весьма полезное для аристократического класса – *территориальную централизацию*. Целый ряд различных функций, таких как отправление правосудия и принуждение, военная организация и экономическое перераспределение… более эффективны, если они централизованы. Местом сосредоточения, централизации этой деятельности является государство» [6, с. 264].

Понимание государства и государственной власти как объективно закономерного продукта исторического развития человеческих сообществ не исключает разных подходов к рассмотрению предпосылок его появления. Единой теории происхождения государства на сегодняшний день не существует. По-видимому, ее не может быть в принципе, т. к. время и исходные условия возникновения государств отличаются [7; 8; 9]. В интерпретации провиденциализма и теократии государственная власть имеет божественное, религиозное основание. Однако отдаление от церковных догм способствовало появлению новых каузальных объяснений. В ирригационной теории акцент делается на хозяйственно-экономических потребностях сообществ. В патриархальном или родовом подходе государство рассматривается как расширенная семья, преобладание родового начала над собственно государственным. Однако, чем многочисленнее род, тем слабее кровные связи, и, как следствие, возникает вопрос о рычагах управления, способных сохранить родовые сообщества. В теории внешнего насилия возникновение государства обусловлено борьбой различных племенных и родовых общин между собой. Наиболее ярким представителем этой теории является Л. Гумплович, считавший, что «государство создается собственно насилием». Другой сторонник данного подхода, Э. Дженкс, отмечает, что «с исторической точки зрения нет ни малейших трудностей в доказательстве того, что все политические общины современного типа (то есть государства) существуют благодаря успешным войнам» [1, с. 58]. На других теориях (классовой, договорной, органической и др.), показывающих взаимообусловленность появления данной формы политической власти и социально-исторического контекста, останавливаться не будем.

Исходя из определения государства как структуры для осуществления господства, его основными внутренними функциями являются поддержание общественного порядка, обеспечение экономической

деятельности, социальная защита населения. Традиционная внешняя задача – оборона, защита границ подвластной территории.

Говоря о структуре и порядке формирования высших органов власти, заметим, что вопросы государственного устройства и классификации форм власти уходят к мыслителям древности. Аристотель выделял шесть форм правления: монархия – один правитель, руководствующийся требованиями общего блага; тирания – единоличное правление для достижения личного блага; аристократия – правление меньшинства в интересах всего общества; олигархия – правление меньшинства для продвижения своих частных, собственных интересов; наконец, две формы господства большинства – это «правильная» полития и «неправильная» демократия [1, с. 40]. С точки зрения немецкого философа и правоведа Л. Штейна, основная ценность монархии «не в том, чтобы правил один, а в том, чтобы власть была независима от общества». Государство и общество, несмотря на их первоначальное отождествление, – «две существенно различные формы человеческого общения. В основании общества лежит человеческое неравенство, зависимость неимущих от имущих, следовательно, начало несвободы; в основе государства, напротив, нравственное начало свободы» [1, с. 44–45]. Доминирующая сегодня республиканская форма верховного правления предполагает выборность и сменяемость. Ни один государственный орган не обладает своими полномочиями по собственному праву, но получает их в результате выборов [10, с. 34–51; 11; 12; 13, с. 13–34]. Только монархия располагает самостоятельностью власти. С этой точки зрения республиканская форма правления является проявлением несамостоятельности государственной власти, «подчиненной господствующему общественному классу» [1, с. 44–45].

Три периода российской государственности

Дореволюционные историки выделяли три периода отечественной государственности. Для обозначения первого периода славянской государственности, существовавшего в IX–XIII вв., в летописных памятниках использовались понятия княжения, волости. Соответственно, начальный период славянского управления – волость-государство. Отметим, что вплоть до XIV в. термин волость использовался для обозначения государственной, а не привычной для нас административно-территориальной единицы внутри государства [2, с. 1–7]. Другое название первого периода русской государственности – земский, или княжеский. В этот период история русского права совпадает с правом общеславянским. Второй период, московский, продолжался с XIV по XVI вв. И, наконец, третий, имперский период, существовал в XVIII–XIX вв. Термин *государство* в его современном понимании стал употребляться применительно к древнерусскому государству в XIV–XVI вв., т. е. во втором периоде [13, с. 3–4].

С точки зрения политического устройства Древняя Русь представляла собой значительное число небольших государств, называемых землями, княженьями, волостями, уездами, отчинами. Термины *земля*, *волость* имели тройственное наполнение и использовались для обозначения территорий, населения государства и подчинения княжеской власти. Их границы были подвижны – «одни государства поглощаются другими более сильными; другие распадаются на несколько самостоятельных частей». Вместе с тем, «каждое из таких маленьких государств представляет из себя политически независимое целое» [14, с. 63–68]. Государство-земля как «союз волостей и пригородов под властью старшего города означает не только государство в целом, но и его элементы, а именно: территорию, население и власть» [13, с. 10–13]. Старший город являлся современным эквивалентом столицы – давал название всей земле, был ее политическим центром и средоточием власти. Ввиду того, что во всяком общественном союзе самостоятельное или принудительное властвование должно иметь внешние пределы, за которые оно не простирается, фактор территории являлся определяющим или предельным. Это касалось и подвижных границ.

Население княжений, земель, государств имело смешанный племенной состав [14, с. 68], в который входили не только славянские, но и нормандские, финские племена, а также печенеги, половцы, позднее – татары. Города, волости вырастали и развивались «совершенно независимо от племенных и этнографических делений Руси; границы округов и волостей торговых городов не совпадали с границами племенными» [2, с. 10]. Однако такая «разноплеменность» не отражалась на сообществах заметным образом, не являлась основанием для социальных различий и стратификации. Слияние сравнительно немногочисленных неславянских элементов со славянами произошло довольно рано [14, с. 71–72]. Базируясь на летописных материалах и законодательных памятниках, М. Ф. Владимирский-Буданов показал, что, несмотря на этнографические, правовые и культурные различия славянских племен, уже в этот период зафиксировано «сознание единства русской нации» [15]. Другое дело, что в развитии базовых элементов государственности – территории, населения и власти – не было синхронности. На разных территориях, в разных княжествах и уделах они развивались с разной интенсивностью и успешностью. Отсюда проистекает некое противоречие между реальной раздробленностью государства и осознанием обществом своего единства.

Верховная власть древнерусского государства, или *эпохи первых княжеств* [16, с. 19], по своей форме и сути носила тройственный характер. Согласно летописи, решение государственных дел осуществлялось князем, боярской думой и народным собранием (вече). Сила и устойчивость верховной власти и политического устройства определялись взаимной зависимостью составляющих их компонентов. Хотя и небесспорно, организацию государственной власти можно определить как политию. Формы политий различны. Еще Плутарх замечал, что «полития … все равно что характер человека, а они разнообразны» [17]. Для уменьшения вариативности в интерпретации данного понятия, сошлемся на главного редактора журнала «Полития» С. И. Каспэ: «начиная с Аристотеля, термин политии использовался для обозначения не идеальной, но наилучшей из возможных форм правления. Это такое правление, "когда ради общей пользы правит большинство"». При этом нужно учитывать еще одну мысль Аристотеля: «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей»[1].

Природа княжеской власти

Несколько слов о природе княжеской власти. Корни ее происхождения уходят в патриархальные, доисторические времена. «Князь – необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель: ни одна из них не может обойтись без князя» [14, с. 136–137]. В народных свадебных обрядах новобрачных как родоначальников нового рода называли князем и княгиней, у южных славян князем именовали общинного старшину. Другими неофициальными титулами власти были каган, царь, самодержец. Состав княжеской власти был родовым – власть принадлежала не одному лицу, а целому роду. Как и сама княжеская власть, *родовое соправительство* представляет собой древнее явление.

Однако впоследствии оно уступает место разделению власти по территориальному критерию. С конца X в. этот принцип получил решительный перевес и была создана т. н. *удельная система*. Следствием этого стало нарушение единства власти княжеского рода. В каждой земле появляется свой род князей-соправителей. Первоначально государственная власть носит частноправный характер, сохраняющийся в течение всего первого периода [13, с. 36–38; 18, с. 140–142]. Повсеместным признаком древнего управления было смешение частных интересов и целей с общественными и государственными. Князь занимал особое положение. Он был «самым главным правительственным органом» [14, с. 164]. По словам Н. И. Костомарова, «по понятиям века, казалось невозможным сидеть без князя» [13, с. 36–37]. В лице князя военная сила соединялась с силой политической, «военноначальник являлся одновременно и судьей, и управителем» [2, с. 56]. В его компетенцию входили все вопросы, касающиеся внешней и внутренней жизни страны, прежде всего – поддержание внешнего мира и защита земли от внешнего врага [14, с. 138]. Главной обязанностью княжения была защита государства от внешних угроз, защита народа. Князья обладали безусловным правом и авторитетом в решении военных вопросов, лично принимали участие в сражениях.

Если говорить о динамике властных полномочий, то первоначально княжеская власть носила неограниченный характер. Ее неограниченность опиралась на родовые основания власти, была их следствием и продолжением. В дальнейшем это стало результатом равенства как интересов, так и воли князя и народа. При этом народ мог избрать князя, которого считали наилучшим, и сместить князя, которого считали неподходящим для правления. Постоянная борьба всех земель против своих князей не означала борьбу против княжеской власти как таковой. Целью была оптимизация управления, «стремление отыскать наилучшего князя» [13, с. 36–42]. Характеризуя отношения между князем и народом, представленным вечем, необходимо признать факт существования договорных отношений. Обе договаривающиеся стороны были субъектами публичного права, а само содержание договора носило публично-правовой характер [2, с. 67–69]. Помимо задач государственного управления, князю вручались судебные функции – «впредь, если кому из нас будет обида, то ты сам суди». Ему же принадлежала и законодательная власть. Постепенно, от сбора дани к судебным, таможенным пошлинам, происходит закрепление фискальной функции, дополнившей защитную и административно-судебную. Как в языческие времена, так и с принятием христианства, помимо светской власти князю принадлежала и религиозная власть. Князья становились покровителями церкви, активно участвовали в становлении церквей, решении вопросов внешней церковной жизни, назначении духовных лиц (священников, митрополитов), влияли «на низложение церковных сановников», содействовали установлению церковных законов [13, с. 37–43]. Княжеская

[1] Публичная политика в России: кто и как ее формирует (Седьмые Губернаторские чтения. Тюмень, 7 февраля 2012 г.). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2012. № 1. С. 166–167. https://www.elibrary.ru/syomvf

власть как сила, необходимая для суда и управления (внутреннего наряда), уравновешивающая взаимное соперничество разных составляющих государство институтов, являлась необходимым элементом государственного устройства всех древнерусских земель.

Боярская дума как составная часть верховной государственной власти

Параллельно княжеской власти развивались структуры, контролирующие, ограничивающие ее применение и, соответственно, разделяющие с ней ответственность за результаты решений. Второй составной частью верховной государственной власти и ограничителем княжеской власти была боярская дума, представляющая собой постоянный совет, решающий вместе с князем государственные, земские вопросы. Любопытно, что привычное нам понятие *боярская дума* в древних памятниках не встречается. Оно было образовано на основании словосочетания *бояре думающие*. Несмотря на некоторые дискуссии, состав думы был четко определен. В X в. в нее входили *высшие служилые люди* (бояре) и *старцы*, или *старейшины* (земские бояре). Позднее в XI в. произошло слияние, объединение служилых и земских бояр под общим названием бояре. Являясь частью верховной власти, боярская дума составляла «необходимый элемент власти в каждой земле». Несмотря на то, что существует мнение о возможности князя выбирать – обратиться к думе или нет, «факты указывают на *обязательность* для князя совещаний с боярами». Обязательность эта была освящена обычаем, который в то время заменял закон. Боярской думе принадлежал широкий круг правовых, властных полномочий. Дума принимала участие в решении вопросов внешней политики, договоры о войне и мире заключались от имени князя и его *светлых бояр*. Совместно с вечем она уполномочивалась «приглашать князя и рядиться с ним», ей же, иногда вместе с вечем, предоставлялась возможность высшего суда над князьями и членами их семейств [13, с. 45–52]. Как отмечает В. О. Ключевский, «совещание с боярами было не политическим правом бояр или обязанностью князя, а *практическим удобством* для обеих сторон» [цит. по: 14, с. 161].

Народное вече – третий элемент высшей государственной власти

Термин *вече* применялся в летописях в разных смыслах. В рассматриваемом историко-правовом контексте под ним подразумевается собрание полноправных граждан старшего города земли. Основная задача, возложенная на вече – это публичное обсуждение важнейших вопросов и законов. Как «форма непосредственного участия народа в политической жизни, в обсуждении и решении дел», вече в древней Руси было распространено повсеместно и «было совершенно необходимо» [14, с. 119; 19, с. 5–11].

Как и власть князя и боярской думы, вече имеет доисторическое происхождение, т. е. является институтом обычного права. С полной достоверностью установить точное время возникновения вече на разных славянских землях проблематично. Живший в VI в. Прокопий отмечал, что «славяне и анты не имеют единодержавия, но с древнейших времен живут в народоправстве; счастливые или несчастные случаи созывают их в общее собрание». Однако на этих собраниях «царствуют несогласия» [13, с. 53].

Следующий этап в развитии народных собраний происходит уже в IX–X вв. Для него характерен переход от племенного собрания к городскому. Применительно к этому периоду можно говорить о представительном характере вече – «лучшие люди всей земли» сходятся в старший город, где и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города. Очевидно, что «поголовное собрание всех взрослых жителей земли» уже невозможно.

Третья, завершающая эпоха вечевых собраний приходится на XI–XIII вв. Это время усиления централизованного управления – «власти старших городов». Наряду с этим, это период полного развития ее прав и приобретения полной самостоятельности. Выделившись из совета старейших и состоя главным образом из простых граждан, вече «есть демократическая форма власти, т. е. главная роль при решении дел принадлежит простому народу» [13, с. 56]. Наряду с простыми гражданами, вече включало князя, бояр, духовенство. Соответственно, несмотря на преобладание простонародной составляющей, вече не было властным органом исключительно низшего класса, но являлось *общеземской* властью. Такая форма государственной власти создана не во имя борьбы с князем и боярской думой, а «для единения (один**а**чества), т. е. для решения земских дел согласной волей князя, бояр и народа». Для принятия решений требовалось единогласие, буквально – «едиными устами» или «единодушно». Стоит заметить, что столь благостная картина достигалась не всегда и не сразу. Так, в 1218 г. новгородское вече продолжалось целую неделю, пока «не сошлись братья все единодушно». Фактически под единогласием скрывалось подавляющее большинство. Особо отметим замечание М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что «понятие борьбы чуждо русскому государственному праву» [13, с. 52–60]. Стремление к единогласию было залогом прочности вечевых постановлений и зачастую «немногие несогласные не решались выступить против решительного большинства, а последнее считало себя в праве принудить отдельных присоединиться к принятому решению» [14, с. 126].

Вече, как коллективное и непосредственное осуществление государственной власти, располагало широким набором прав. Вечевые полномочия не ограничивались каким-нибудь одним родом дел. Подобно правам князя и думы, права веча распространялись на всю сферу высших государственных дел управления и суда. Оно решало судьбы народа, управляло и законодательствовало [2, с. 30]. По традиции и с древнейших времен наибольшие права принадлежали вечу «в сфере внешней политики и в вопросах о войне и мире». Данное обстоятельство вполне объяснимо – для ведения войны требовалось согласие всего населения. В сфере внутреннего государственного устройства значение вече одинаково с властью князя и боярской думы. Если рассматривать временную динамику, то одной из причин постепенного снижения роли и прекращения вечевых собраний стало территориальное расширение, увеличение численности населения, вызвавшие несоответствие «этой формы правления широкой территории государства» [13, с. 60–62]. Индивидуальное участие заменяется собраниями народных представителей [14, с. 135]. Народные представители были призваны выражать общественное мнение, при этом они могли находиться в оппозиции княжеской власти, что нисколько не противоречило их представительским обязанностям. Другим фактором перехода от властной триады к ее дихотомии стало монголо-татарское нашествие. Несмотря на то, что основной тренд перераспределения высшей государственной власти связан с созданием условий для усиления княжеской и боярской власти, говорить о ее полной мобилизации и концентрации в одних руках оснований нет.

Княжение, боярская дума и вече были взаимоконтролирующими слоями власти. Тройственная структура верховной власти, ее коллегиальность предотвращали злоупотребления, не допускали принятия односторонних решений, давали больше гарантий взвешенности и справедливости.

В первом, земском, или княжеском, периоде русские земли не были объединены в одно цельное государство. Однако уже тогда были очевидны «некоторые начала будущего государственного единства» [13, с. 69]. Начиная со второй половины XIII в. главный интерес жизни России сосредоточивается не на уделах, а на образовании двух отдельных государств – Московского и Литовского, со временем включивших в свой состав прежние княжения Древней Руси. В результате правления московского князя Ивана III, «первоначальника и творца самодержавия и единодержавия», Русь удельная стала Русью Московской. Произошло объединение княжеств вокруг Москвы, вошедшее в историю под названием *собирание земель* [13, с. 294]. Но это уже второй, московский период российской государственности.

Государство как политическая форма является определенной комбинацией институтов, правил и практик образования и распределения власти [20; 21]. В основе государства лежит связь между территорией, политическим аппаратом и населением. Четвертым элементом, введенным Б. Джессопом, стала *идея государства* или *государственный проект*, которые определяют «природу и цели государственных действий» [22]. Как сложное целое, оно нуждается в определенном управленческом аппарате, госучреждениях. Система государственного управления зависит от набора, числа и разнородности поставленных целей. Относительно ограниченный набор задач – «суд, войско и финансы» [14, с. 164] – обусловил сравнительную простоту государственного устройства. Иными словами, чем глубже уходить в историю, тем, как правило, проще будет политическое устройство и политическая жизнь народа.

Заключение

Применительно к древнерусскому периоду можно говорить о смешанности формы правления. Это и не охлократия (господство черни), но и не тирания. Сочетание различных элементов власти – княжеской (монарх), боярской (аристократия) и народной (демократия) – обеспечивало законность и управляемость, позволяя отнести форму правления к политии. Структура правления предполагала коллегиальную и единоличную организацию власти, элементы представительства и совещательные учреждения (боярская дума, вече). Уже на данном этапе можно говорить о проявлении в политическом устройстве государственной власти механизмов социальной самоорганизации. Верховная власть приобретала сущностный признак государственной власти – выражение не только групповых, сословных интересов, но и общенациональных, что способствовало социальной и политической интеграции.

Попытки прямого исторического сопоставления и поиска функциональных эквивалентов в современной политической практике представляются не вполне уместными. Ретроспективные обращения могут иметь четко локализованную временную привязку. Однако несмотря на различия предшествующих и действующих форм правления, историческая рефлексия позволяет увидеть определенную *инерционность* и органическую устойчивость государственно-политических структур и властных отношений. Не претендуя на попытки прогноза и моделирования потенциальных форм верховной государственной власти, заметим, что интерес к прошлому дает материал для выявления исторических закономерностей и оценки степени их укорененности.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-131-138

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. [Korkunov N. M. *Russian State Law. Vol. I. Introduction and general part*. St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1893. (In Russ.)]
2. Корф С. А., Толстой А. К. История русской государственности. Т. 1. Основные черты древне-русского государства. СПб., 1908. 273 с. [Korf S. A., Tolstoi A. K. *History of Russian statehood. Vol. 1. The main features of the ancient Russian state*. St. Petersburg, 1908, 273. (In Russ.)]
3. Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36. [Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. Alternatives to social evolution. *Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotaev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 15–36. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tbxhkt
4. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с. [Luhmann N. *Power*. Moscow, 2001, 256. (In Russ.)]
5. Тихомиров Ю. А. Государство. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с. [Tikhomirov Yu. A. *State*. Moscow: Norma, Infra-M, 2013, 320. (In Russ.)]
6. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: Дело, 2018. 760 с. [Mann M. *The sources of social power. Vol. 1: A history of power from the beginning to AD 1760*. Moscow, 2018, 760. (In Russ.)]
7. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70. [Karneiro R. L. Origin of the state. *Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotaev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 55–70. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tbxhil
8. Дробязко С. Г. Происхождение государства. *Основы теории государства и права*, ред. В. А. Витушко, В. Г. Тихиня, Г. Б. Шишко. Минск, 2002. С. 12–13. [Drobiazko S. G. Origin of the State. *Fundamentals of the state and law theory*, eds. Vitushko V. A., Tikhinia V. G., Shishko G. B. Minsk, 2002, 12–13. (In Russ.)]
9. Классен Х. Дж. М. Эволюционизм в развитии. Раннее государство, его альтернативы и аналоги, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. 37–52. [Claessen H. J. M. Evolutionism in development. *Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotaev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 37–52. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tbxhiv
10. Основы права, ред. В. Б. Исаков. М.: Норма, 2018. 480 с. [*Fundamentals of law*, ed. Isakov V. B. Moscow: Norma, 2018, 480. (In Russ.)]
11. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ВШЭ, 2010. 272 с. [Schmitt C. *State and political form*. Moscow: HSE, 2010, 272. (In Russ.)]
12. Лукьянова Е. А. К вопросу о специфике российской государственности. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2002. № 1. С. 13–34. [Lukyanova E. A. On the specificity of Russian statehood. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2002, (1): 13–34. (In Russ.)]
13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. [Vladimirskii-Budanov M. F. *Overview of the Russian law history*. St. Petersburg; Kyiv, 1907. (In Russ.)]
14. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. [Diakonov M. A. *Essays on the society and state of Ancient Russia*. St. Petersburg: Nauka, 2005. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qpavvv
15. Солодова Г. С. О началах государственного объединения русских земель (по М. Ф. Владимирскому-Буданову). *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2021. Т. 10. № 3. С. 191–197. [Solodova G. S. On the beginnings of the state unification of Russian lands (according to M. F. Vladimirsky-Budanov). *Eurasian Union: Issues of International Relations*, 2021, 10(3): 191–197. (In Russ.)] https://doi.org/10.35775/PSI.2021.37.3.003

16. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России. М.: Территория будущего, 2007. 238 с. [Kovalevskii M. M. *Essays on the history of political institutions in Russia*. Moscow: Territoriia budushchego, 2007, 238. (In Russ.)]
17. Салмин А. М. Современная полития под знаком Аристотеля. *Полис. Политические исследования*. 1992. № 5-6. С. 123–132. [Salmin A. M. Modern polity: Aristotle's view. *Polis. Political Studies*, 1992, (5-6): 123–132. (In Russ.)]
18. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 667 с. [Sergeevich V. I. *Lectures and research on the history of Russian law*. St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1910, 667. (In Russ.)]
19. Лукин П. В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2004. № 3. С. 5–11. [Lukin P. V. "People's assemblies" among the East Slavs: the possibilities of comparative analysis. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2004, (3): 5–11. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rgmjgt
20. Kaspe S. I. Life, death, and the state. *Russia in Global Affairs*, 2021, 19(3): 174–204. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-174-204
21. Кирсанов А. И. Государство как субъект обеспечения безопасности личности. *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 45–53. [Kirsanov A. I. State as a subject of ensuring human security. *Vlast*, 2021, 29(1): 45–53. (In Russ.)] https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7887
22. Лапкин В. В. Государство во временах и пространствах: многообразие и изменчивость. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 148–162. [Lapkin V. V. The state in times and spaces: diversity and variability. *Polis. Political Studies*, 2020, (6): 148–162. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.11

© 2023. Чирун С. Н., Гладких С. С.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе

Чирун Сергей Николаевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-7422-8030
Sergii-Tsch@mail.ru

Гладких Сергей Сергеевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила 06.12.2022. Принята после рецензирования 25.01.2023. Принята в печать 16.02.2023.

Аннотация: Статья исследует возможность наличия у субъектов принятия управленческих решений объективной потребности в процессах институциализации коррупционных взаимоотношений. Рассматриваются вопросы интегрированности институциональной коррупции в управленческую и политико-правовую подсистемы. Цель – сравнительный анализ двух основных видов коррупции, представленных в современном обществе – институциональной и рыночной. Авторы используют неоинституциональный методологический подход. Использован ряд научных методов, среди которых следует выделить метод политической компаративистики и метод вторичного анализа. Рыночная коррупция хотя и оказывает определенную финансовую нагрузку на бизнес, но не нарушает принципов рыночной конкуренции. Институциональная коррупция может гипотетически не облагать бизнес дополнительными платежами, но взамен она вносит значительные ограничения в саму конкурентную среду. Отмечается, что реальные достижения в борьбе с коррупцией становятся возможны лишь при условии взаимодействия гражданского общества с органами и институтами государственной власти, актуализации ценностей гражданского активизма в общественно-политическом участии граждан.

Ключевые слова: коррупция, непотизм, неопатримониализм, клиентела, кланы, политическая культура, гражданское общество, правосознание

Цитирование: Чирун С. Н., Гладких С. С. Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 139–147. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-139-147

full article

Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis

Sergey N. Chirun
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0001-7422-8030
Sergii-Tsch@mail.ru

Sergey S. Gladkikh
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 6 Dec 2022. Accepted after peer review 25 Jan 2023. Accepted for publication 16 Feb 2023.

Abstract: The article explores the possibility that the subjects of managerial decision-making have an objective need for the institutionalization of corruption. The authors consider the issues of integrating institutional corruption into the managerial and political-legal subsystems, which leads to multiple functional distortions in the system of state institutions in the interests of latent structures. The purpose of the article is a comparative analysis of the two main types of corruption in modern society. The authors use a neo-institutional methodological approach characterized by the principle of methodological individualism and a number of scientific methods. Although market corruption exerts a certain financial burden on business, it does not violate the principles of market competition. Institutional corruption may hypothetically not impose additional financial burden on business, but it introduces significant restrictions on the competitive environment itself. Progress in the fight against corruption is possible only if civil society interacts with state authorities and institutions, and the values of civic activism are actualized in the socio-political participation of citizens.

Keywords: corruption, nepotism, neopatrimonialism, clientele, clan, political culture, civil society, legal awareness

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Chirun S. N., Gladkikh S. S. Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 139–147. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-139-147

Введение

Коррупция представляет собой серьезную проблему для большинства стран. Этим обстоятельством обуславливается значительный исследовательский интерес к выявлению причин генезиса, процессов воспроизводства, возможных последствий, а также устойчивости коррупции к мерам профилактического и коррекционного воздействия.

Современная коррупция является сложным и многоаспектным общественным феноменом, который негативно влияет на общественно-политические процессы, не только снижая функциональность институциональных структур, но и подрывая легитимность политического господства, и даже негативно влияя на имидж государства.

В условиях глобализации коррупционные отношения все реже ограничиваются территориальными границами отдельных государств, приобретая транснациональный характер, они все глубже проникают в систему международных отношений. В определенной ситуации обвинения в коррумпированности национальной политической элиты могут являться поводом для посягательств международных акторов на государственный суверенитет, становиться предлогом для введения санкций. Также обвинения могут привести к частичному или даже полному исключению элиты «коррумпированного» государства из системы международных политических и общественных институтов, изъятию или заморозке финансовых активов государства или части его граждан, иностранному вмешательству во внутреннюю политику суверенного государства.

Не менее серьезная проблема заключается в том, что коррумпированных чиновников, а тем более сложившиеся латентные коррупционные институции, общественное сознание воспринимает как зеркало существующей общественно-политической системы. Таким образом, коррупция разрушает сами устои легитимности национального политического режима. Коррупционные институты, хотя формально и находятся вне легальной системы государственных институтов, но на практике часто переплетаются с ними и даже интегрируются в них, образуя разнообразные, подчас весьма причудливые коллаборации, отражающие актуальную динамику общественно-политических процессов и социальных отношений.

Одним из важнейших условий оптимизации процессов государственного управления является реализация системной антикоррупционной стратегии, рассчитанной на долгосрочную перспективу. Такая стратегия непременно даст известный положительный эффект, но лишь при условии, что будет в первую очередь ориентирована не на выявление и раскрытие коррупционных преступлений, а на анализ и коррекцию базовых факторов и условий, приводящих к системным коррупционным отношениям.

Ученые давно обратили внимание на сложности интерпретации коррупционных отношений. Дело в том, что невозможно исследовать коррупцию, находясь целиком в границах правового поля и оперируя исключительно ее нормативными определениями. Поэтому Дж. С. Скотт предложил интерпретировать действия как коррупционные не только руководствуясь существующим национальным законодательством (нормы которого чисто гипотетически сами по себе могут быть следствием коррупционных отношений), но также и на основе общественного мнения [1]. В рамках такого подхода коррупцией считаются все практики, которые идентифицируются как коррупционные именно общественным мнением. Разумеется, сложно целиком полагаться лишь на общественное мнение. С одной стороны, оно может быть довольно предвзято, а с другой – недостаточно компетентно в вопросах правоприменения.

Иной подход предложил американский политолог, автор политологического термина «мягкая сила» Дж. С. Най. Для него коррупционное поведение – это девиация, вызванная отклонением поведения чиновника от его формальных обязанностей, соответствующих его государственной должности. Такая девиация может быть детерминирована групповыми (семья, друзья) либо индивидуальными мотивами. Коррупционное поведение включает в себя ряд составляющих: дача / получение взятки, непотизм (приоритет родственным и неформальным связям перед формальными статусно-ролевыми отношениями); хищение государственных средств [2].

Разделение коррупции на рыночную и иные ее разновидности наблюдается в научных исследованиях как минимум с конца 60-х годов XX в. В условиях традиционной (рыночной) коррупции возможности для доступа к коррупционной услуге практически ничем не ограничены и в идеале доступны каждому желающему. В ситуации рыночной коррупции главным условием коррупционной услуги выступает передача лицу, принимающему политическое / управленческое решение (либо способному

существенно повлиять на принятие), определенного (обычно материального) ресурса. Чаще всего таким ресурсом является денежная сумма, представленная, как правило, в устойчивой валюте. Но также коррупционным ресурсом могут являться транспортные средства, недвижимость, создание особых условий для проведения отдыха и т. п.

Совершенно иначе обстоит дело в ситуации институциональной коррупции. Институциональная коррупция, в отличие от рыночной, непременно предполагает наличие развитой системы неформальных отношений между представителями власти и общества. В этом случае доступ к коррупционным отношениям возможен лишь для сравнительно узких социальных групп. Обычно в них входят те, кто участвует в закрытых корпоративных отношениях. Стратификация при отборе состава групп может вестись по позитивным критериям: кровного родства, землячества, клановой идентичности, дружеских отношений. Также стратификация может происходить по негативным критериям: участие в нетрадиционной культово-обрядовой деятельности, теневых и, возможно, даже преступных экономических сообществах, наличие серьезного взаимного компромата (в случае, когда участники повязаны кровью). Возможны и смешанные модели инкорпорирования членов закрытых групп.

Впервые вопрос о необходимости исследовательской дифференциации рыночной и институциональной коррупции был поднят Дж. С. Скоттом [3]. Позже данные понятия в своих работах использовал М. С. Грановеттер [4]. Указанные формы коррупции в научных исследованиях часто могут упоминаться под другими названиями. Например, для указания на рыночную коррупцию часто используется понятие *коррупция* либо термин *традиционная коррупция*. Возможны и другие варианты, но в целом их сравнительно немного.

Разнообразие понятий, используемых для указания на институциональную коррупцию, существенно больше. Например, наряду с понятием *институциональная коррупция*, акцентирующем внимание на анализе проблем общественных институтов, существует понятие *сетевая коррупция*, которое описывает формирование и эксплуатацию коррупционных сетей [5]. Также может использоваться близкое по смыслу понятие *консенсусная коррупция*, обозначающее доминацию неписанных правил и норм в противовес формальным. Как аналог институциональной коррупции активно применяется понятие *системная коррупция*, указывающее на коррумпированность государственной системы. Поскольку государственная система состоит из государственных институтов, то никаких противоречий между указанными понятиями не наблюдается. Кроме того, к указанной форме коррупции или же конкретным ее проявлениям в той или иной мере применимы понятия *непотизм*, *фамилизм* [6], *патронаж* [7], *клиентелизм* [8], *блат* [9], *клановость* [10], *фаворитизм* [11], *административные рынки* [12].

Следуя концепции Дж. Ная, под институциональной коррупцией мы будем понимать отношения, основанные на нелегитимном использовании служебного положения в личных целях, когда возможность полноценного использования государственных услуг или ресурсов доступна не для всех граждан, формально имеющих право на получение данного ресурса или услуги, а лишь для субъектов, состоящих в неформальных отношениях (дружбы, родства, подельничества) с лицами, принимающими управленческие / политические решения.

Целью исследования является анализ соотношения влияния на общественно-политические процессы в обществе и государстве двух основных видов коррупции: традиционной (рыночной), а также институциональной (системной). В исследовании авторы статьи руководствовались неоинституциональным подходом. На основе теоретических материалов проведен сравнительный анализ институциональной и традиционной (рыночной) форм коррупции. Ведущим критерием для их определения авторы считают критерий открытости для индивидуальных и коллективных акторов коррупционных услуг.

Результаты

Представители американского политического реализма рассматривают рыночную коррупцию в качестве разумного ответа на неэффективное администрирование [13]. По мнению С. П. Хантингтона, в тех государствах, где не работают институты права, коррупция становится единственно возможным результативным инструментом защиты личностных интересов. Таким образом, С. П. Хантингтон признавал позитивные функции рыночной коррупции на определенных этапах общественного развития [14, с. 27–30].

Вероятно, рыночная коррупция может отчасти способствовать и личностному развитию. Например, Д. Делла Порта выделял следующие полезные навыки (skills) рыночных коррупционеров: выстраивание эффективных коммуникаций, формирование системы доверительных отношений, актуализация транспарантной системы неформальных обязательств [15].

В рамках теории коллективных благ М. Олсон [16, с. 204] предлагает свой подход к пониманию востребованности рыночных форм коррупции обществом. Суть подхода в том, что частный бизнес, скованный огромным количеством формальных ограничений в ведении собственного дела, испытывает

склонность к разрешению проблемы с использованием нелегитимных методов, тем самым подрывая доверие общества к государственным институтам.

С другой стороны, если представители политической элиты пытаются контролировать, а порой даже полностью административно-силовым путем переподчинить себе бизнес, нивелируя этим самым механизмы традиционной рыночной конкуренции, то это неизбежно создаст питательную почву для развития институциональной коррупции, по оценке Л. фон Мизеса – «раковой опухоли общественных отношений» [17, с. 237]. В работе [18] допускается ограниченная рациональность рыночной коррупции в условиях дисфункциональности (в том числе, вызванной политическим транзитом) государственных институтов. Однако это допущение сохраняет силу лишь до тех пор, пока рыночная коррупция окончательно не трансформируется в институциональную.

Отечественный исследователь П. А. Берлин, пытаясь осмыслить национальные особенности и исторические предпосылки российской коррупции, обращает внимание на то, что изначально институциональная коррупция фактически была искусственно встроена в общественно-политическую систему Российского государства через деструктивные институты местничества и кормления [19]. Социолог С. Ю. Барсукова отмечает, что в общественном сознании (в частности, в анекдотах) «коррупция чиновников выглядит не как их индивидуальный выбор, персональная склонность, а как характеристика системы, ее сущностная основа» [20, с. 119].

Таким образом, в отечественной практике имперского строительства борьба с рыночными формами коррупции на протяжении ряда столетий сосуществовала с поддержанием институциональных основ коррупционных отношений, что в итоге способствовало формированию устойчивого национального архетипа коррупционного поведения. Попытки же реформаторов / революционеров преодолеть указанный деструктивный архетип почти всегда гарантировано приводили к общественным потрясениям [21]. При этом публичная критика и осуждение не индивидуальных траекторий коррупционной девиации, а именно институциональных оснований коррупционного поведения в российском обществе традиционно ассоциировалось у носителей политической власти с политической неблагонадежностью «диссидентствующих» граждан и сурово пресекалась.

Состоявшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. политический транзит в большинстве бывших советских республик завершился неудачей или же получил неполный (незавершенный) характер. После обретения власти изменился состав и цели новых элит. На месте терминальных ценностей-целей оказываются цели стремительного роста благосостояния. Цели, связанные с укреплением политического господства, стали выполнять скорее инструментальную роль. Это свидетельствует о формировании политического режима клептократии. Данный режим использует политические институты и административные ресурсы прежде всего в интересах личного и / или корпоративного обогащения посредством злоупотребления властными полномочиями [22].

Анализ институциональной коррупции тесно связан с исследованиями коррупции как модели рентоориентированого поведения чиновников [23]. Тотальное стремление чиновников к извлечению ренты вкупе с низким качеством институций российской системы государственного управления и массовыми «извращениями верховенства права», В. Я. Гельман обозначает как «политико-экономический порядок недостойного правления» [24]. В таких условиях, по мнению В. С. Мартьянова, едва ли не единственно возможной формой публичного дискурса становится политический популизм [25].

Диагностирование признаков институциональной коррупции также может выявить стратегические ошибки в государственном управлении. Следствием институциональной коррупции может являться мутация государственных институтов. Институты либо полностью утрачивают свой функционал и работоспособность, сохраняя лишь элементы формы в качестве архаического реликта – инструмента манипуляции обществом со стороны теневых структур [26, с. 11]. Либо сохраняют частичную работоспособность, тогда как реальная власть переходит к псевдоинституциональным (латентным, теневым) структурам – кланам, кликам [27] и т. д., а формальные государственные институты замещаются их симулякрами.

Симулякры, как утверждал Ж. Бодрийяр, являются «подобиями подобий» [28]. Вряд ли стоит ожидать от симулякров эффективной реализации функций политических институтов. В российской политике этот феномен обозначил Председатель Высшего совета Партии «Единая Россия» Б. В. Грызлов. Еще будучи спикером Государственной Думы он произнес фразу, ставшую популярным мемом: «Госдума – не место для дискуссий»[1]. Наверное, сегодня эту мысль можно продолжить: суды – не место для осуществления судопроизводства;

[1] Грызлову не удалось откреститься от фразы «Госдума - не место для дискуссий». *Регнум*. URL: https://regnum.ru/news/1264966 (дата обращения: 14.11.2022).

избирательная кампания – не место для политической борьбы и т. д. Все это в полной мере соответствует действительности с допущением, что речь идет не о государственных институтах, а об их симулякрах. Но основные функции государственных институтов реализуются не симулякрами институтов (последние лишь поддерживают видимость), а неформальными институциональными практиками, напрямую связанными с деятельностью латентных структур [29].

В этой ситуации реально действующими акторами выступают структуры глубинного государства, базирующиеся на нерыночном распределении ресурсов и ценностей. Это обусловлено прежде всего низкой эффективностью формальных государственных институций, а также неразвитостью гражданского общества. Такие связи, являющиеся индикатором неопатримониализма, не приемлют публичной огласки и образуют иерархическую систему – сеть патрон-клиентских отношений, в которой патрон, используя должностное положение, оказывает административные услуги в обмен на массовую публичную, финансовую либо какую-то другую поддержку.

Неопатримониализм в политической науке рассматривается в качестве режимного гибрида, в котором политические институциональные практики, присущие патримониализму, сосуществуют с современными государственными институтами [30]. Формально система управления в условиях неопатриониализма строится на рационально-легальных основаниях. Госслужащие занимают позиции в иерархии в соответствии с институционально закрепленными полномочиями, но на практике эти полномочия реализуются ими как форма частной собственности. Хищническая форма неопатримониализма наиболее благоприятна для развития отношений институциональной коррупции. Ее отличают:

1. Персонификация государственной власти с приоритетной ориентацией на запросы и интересы «хищнической коалиции». Режим критически зависит от личной преданности (особенно силового блока), а перспективы сохранения им власти напрямую определяются динамикой интересов коалиции [31].

2. Режим проявляет очевидную неспособность контролировать ресурсы страны и использовать имеющийся потенциал для эффективной реализации долгосрочной стратегии развития [32].

3. Легитимация хищнического неопатримониализма, основанная как на запугивании, так и на перспективах вознаграждения в ситуации конформизма и лояльности режиму, осуществляемая посредством интеграции в систему институциональной коррупции [33].

4. Перманентная эрозия политических, экономических и правовых институтов и, как следствие, глубочайшие проблемы во внутренней и внешней политике государства.

Институциональные теневые сетевые структуры, функционирующие на различных уровнях управления, не только формируют параллельную систему перераспределения власти, благ и ресурсов, но также проявляют способность перепрограммировать функционирующие институты на реализацию партикулярных целей. В таких условиях коррупционные взаимодействия государственных и негосударственных акторов, идеализируясь, приобретают вид гибких сетевых альянсов, обладающих высокими адаптивными способностями, которые замещают функции недееспособных формальных институтов.

Современная сетевая коррупция предполагает сетевую форму организации. С одной стороны, это гарантирует масштабность вовлечения в схемы заинтересованных акторов, а с другой стороны, маскирует реальные центры принятия решений, скрывая их от возможных правовых санкций. Политологи Д. Ноук и Дж. Куклинский [34, p. 9] предлагают дифференцировать коррупционные сети на «узлы» (центры) принятия решений и ту коррупционную периферию, которая располагается в форме концентрических кругов вблизи «узлов» принятия управленческих решений. Коррупционная периферия включает в себя разного рода латентные структуры, такие как парантелы, клиентелы, кланы, клики и другие структуры, контролирующие реальную, а не формальную систему администрирования.

Являясь заинтересованными сторонами в принятии политических решений, латентные структуры непотизма никогда не позиционируются в качестве публичных политических акторов и не участвуют открыто в политическом процессе. Однако именно изучение латентных структур может являться ключом к пониманию обусловленности принятия политических решений в условиях политического режима, остановившегося в своем незавершенном транзите. Сетевая методология особенно результативна в анализе переходных политических систем, «застрявших» в ситуации незавершенного транзита. В условиях неразвитости демократических институтов гражданского общества сети институциональной коррупции, сформировавшиеся внутри государственно-управленческого аппарата, фактически замещают собой государственные институты.

Институциональные неформальные взаимодействия внутри системы государственного управления не только сводят на нет его эффективность, а также деструктивно сказываются на социально-экономических и социально-политических процессах в стране. Помимо этого они приводят

к стагнации в экономике [35], развитии и внедрении в производственные и образовательные процессы современных технологий, в сфере безопасности военно-промышленного комплекса, армии и обороны страны. Также институциональная коррупция находится в остром противоречии с принципами меритократии в процессе рекрутирования управленческой и политической элиты. В этой ситуации именно личная лояльность (выраженная в патронклиентских отношениях), а также критерий включенности в неформальные коррупционные сетевые структуры становятся ведущими факторами, определяющими принятие решений о назначении, продвижении, ротации в кадровой политике государства.

Данный процесс протекает на фоне резкого снижения функциональности вплоть до полной недееспособности формальных институтов. Это проявляется в их неспособности самостоятельно, без согласований с представителями латентных структур определять текущую и перспективную политическую повестку. В результате латентные структуры образовали институциональную ловушку, превратившись в деструктивный квази-институт. В нем клиентела, относимая исследователями к категории «темных сетей», представляет доминирующую форму служебных отношений, порабощая и трансформируя функционал государственных формальных институтов, подчиняя их антиобщественным интересам вплоть до полного захвата государства [36].

Итак, можно сказать, что:

1. Рост институциональной коррупции может являться реакцией на усиление антикоррупционных мер, направленных в первую очередь против бытовой коррупции. Перед угрозой институциональной коррупции наиболее уязвимы этатистские системы, характеризующиеся высоким статусом государственных служащих.

2. Институциональная коррупция, в отличие от традиционной (рыночной), характеризуется устойчивым негативным влиянием на предпринимательскую активность и инвестиционный климат.

3. Последние десятилетия политологи отмечают в нашей стране устойчивый тренд к снижению удельного веса традиционной (рыночной) коррупции, тогда как институциональная коррупция, формирующая теневую систему институциональных управленческих практик, напротив, характеризуется позитивной динамикой роста [37].

Обозначенные выше тенденции имеют ряд причин. Во-первых, в последние годы усиление антикоррупционного контроля мотивировало политических и экономических акторов минимизировать участие в рискованных схемах рыночной коррупции и применять сравнительно безопасную институциональную рентную стратегию [38]. Во-вторых, в процессе формирования российской модели управленческой вертикали власти произошло значительное увеличение «узлов» реализации рыночной коррупционной схемы, сопровождающееся расширением цепочки посредников. Это привело к повышению финансовых издержек и к снижению надежности (безопасности) традиционных (рыночных) коррупционных схем. В этих условиях для оптимизации финансовых издержек в процессе лоббирования политических / управленческих решений, управленческие акторы открыли для себя практически ничем не ограниченные возможности стратегии институциональной коррупции.

Заключение

Политические системы по-разному реагируют на коррупционные риски. Так, автократии, опираясь на возможности властной централизованной вертикали, казалось бы, имеют очевидные преимущества перед демократическими системами в вопросах осуществления результативного государственного антикоррупционного контроля. Однако мировая практика свидетельствует о том, что эти преимущества касаются исключительно рыночной коррупции, тогда как перед угрозой институциональной коррупции именно авторитарные системы являются наиболее уязвимыми.

К институциональной коррупции в современной России относятся специфические отношения власти и бизнеса. Такие отношения предполагают неформальное руководящее влияние административно-политической элиты на управление компаниями. Такого рода контакты сегодня приобрели существенную устойчивость и регулярность. Например, известны ситуации, когда родственники или близкие друзья чиновников получают собственные долевые пакеты взамен на систематическое оказание административно-политических преференций бизнесу. Речь идет о регулярной практике использования институционального механизма предоставления «демонетизированных» услуг, которые значительно сложнее выявить и доказать их коррупционный характер.

Рыночная коррупция зачастую реализует присущую ей интегративную функцию в условиях динамично трансформирующейся общественно-политической системы, косвенно способствуя реформированию, и даже в какой-то мере развитию последней. Институциональная коррупция, напротив, препятствует системной динамике, выступая очевидным детерминантом общественно-политической консервации и стагнации. Например, институционально-коррупционное распределение благ в позднем СССР, известное как практика блата, не только полностью противоречило советской

официальной идеологии и подрывало государственный контроль за общественно-политическими процессами, но и способствовало накоплению предпосылок для последующего развала советского государства.

Касаясь последствий рыночной и институциональной коррупции, мы приходим к любопытному выводу. Институциональная коррупция, которая в большинстве государств постсоветского пространства совсем не преследуется по закону и даже зачастую оправдывается каким-то особым (национальным, геополитическим или культурным) кодом, имеет куда более выраженное деструктивное влияние на развитие государства, чем рыночная форма коррупции. Это связано с тем, что институциональная коррупция наиболее разрушительно воздействует на динамику общественного развития. Из недавнего прошлого нашей страны известны такие негативные проявления институциональной коррупции, как показуха, приписки, формализм, отсутствие подлинной социальной мобильности, замещение государственных институтов латентными структурами (институциональными практиками), клановость, непотизм, застой и, как следствие, вырождение политической элиты.

Рыночная коррупция, будучи, по сути, диалектической антитезой институциональной коррупции, на определенных этапах общественного развития может нести не только негативное влияние, но и отчасти позитивный импульс, поскольку она способна латентно активизировать процессы формирования гражданского общества и развития демократических начал государственности. Эти процессы косвенно способствуют совершенствованию правовых норм, а также выработке общественного согласия и консенсуса. Таким образом происходит замедление процессов установления в обществе неопатримонализма как состояния безраздельного господства институционально-коррупционных стратегий.

Взаимодействие государственных институтов и латентных структур (кланов, клик, клиентел) может протекать в трех основных формах:

- симбиоз – взаимодействие латентных структур с государственными институтами, в котором государственные институты играют роль своего рода коммуникативных площадок, что позволяет участникам не только артикулировать собственную позицию, но и достигать максимально полного выражения интересов всех заинтересованных политических акторов;
- ксения – игнорирование латентными структурами государственных институтов, что может приближать политическую ситуацию к фактическому двоевластию. Однако такое игнорирование прекращается как только требуется официальная (де-юре) легитимация управленческих решений, уже принятых (де-факто) в интересах латентных структур;
- химера – доминирующее воздействие латентных структур на характеристики государственных институтов, связанное с попытками полностью подчинить государственные институты своему влиянию. Это может повлечь за собой дисфункциональную трансформацию как отдельных государственных институтов, так и всей системы государственного управления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Scott J. C. Patron-client politics and political change in Southeast Asia. *The American Political Science Review*, 1972, 66(1): 91–113. https://doi.org/10.2307/1959280
2. Nye J. S. Corruption and political development: a cost-benefit analysis. *The American Political Science Review*, 1967, 61(2): 417–427. https://doi.org/10.2307/1953254
3. Scott J. C. The analysis of corruption in developing nations. *Comparative Studies in Societies and History*, 1969, 11(3): 315–341. https://doi.org/10.1017/S0010417500005363
4. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *The American Journal of Sociology*, 1973, 78(6): 1360–1380.
5. Пустовит Р. В. Виды коррупции. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2017. № 1. С. 204–205. [Pustovit R. V. Types of corruption. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2017, (1): 204–205. (In Russ.)]
6. Bardhan P. Corruption and development: a review of issues. *Journal of Economic Literature*, 1997, 35(3): 1320–1346.
7. Boissevain J. *Friends of friends: networks, manipulators and coalitions*. Blackwell, 1974, 300.

8. Бирюков С. Всепроникающая клиентела. *Свободная мысль*. 2012. № 7-8. С. 30–41. [Biryukov S. Pervasive clientele. *Svobodnaia mysl*, 2012, (7-8): 30–41. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tnfcvj
9. Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. *Мир России. Социология. Этнология*. 1997. Т. 6. № 4. С. 89–106. [Ledeneva A. V. Personal connections and informal communities: the transformation of the clientelism in Post-Soviet Society. *Universe of Russia*, 1997, 6(4): 89–106. (In Russ.)] https://elibrary.ru/apqqbp
10. Kasuya Y. Book review: Kang D. C. Crony capitalism: corruption and development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. *Japanese Journal of Political Science*, 4(1): 161–164. https://doi.org/10.1017/S1468109903241025
11. Redlawsk D. P., McCann J. A. Popular interpretations of "corruption" and their partisan consequences. *Political Behavior*, 2005, 27(3): 261–283. https://doi.org/10.1007/s11109-005-4469-3
12. Левин С. Н. Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. Т. 23. № 4. С. 35–58. [Levin S. N. "Markets of power", property rights and political resource of entrepreneurs in modern Russia. *Universe of Russia*, 2014, 23(4): 35–58. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sueajd
13. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption. *American Behavioral Scientist*, 1964, 8(3): 8–14. https://doi.org/10.1177/000276426400800303
14. Хантингтон С. П. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. [Huntington S. P. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2004, 480. (In Russ.)]
15. Della Porta D. Actors in corruption: business politicians in Italy. *International social science journal*, 1997, (16): 55–59. https://doi.org/10.1111/1468-2451.00037
16. Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция, социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. 324 с. [Olson M. *The rise and decline of nations. Economic growth, stagflation, and social rigidities*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2013, 324. (In Russ.)]
17. Фон Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с. [Von Mises L. *Human action: a treatise on economics*. Chelyabinsk: Sotsium, 2005, 878. (In Russ.)]
18. *Political corruption: readings in comparative analysis*, ed. Heidenheimer A. J. N. Y.: Holt Reinhart and Winston, 1970, 582.
19. Берлин П. А. Русское взяточничество, как социально-историческое явление. *Современный мир*. 1910. № 8. С. 48–57. [Berlin P. A. Russian bribery as a socio-historical phenomenon. *Sovremennyi mir*, 1910, (8): 48–57. (In Russ.)]
20. Барсукова С. Ю. Анекдоты о неформальной экономике: смешно о серьезном. *Социологические исследования*. 2018. № 9. С. 113–123. [Barsukova S. Yu. Jokes on the informal economy: funny or serious. *Sociological Studies*, 2018, (9): 113–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S013216250001966-5
21. Гельман В. Я. Авторитарная Россия: бегство от свободы, или почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. 334 с. [Gelman V. Ya. *Authoritarian Russia: escape from freedom, or why democracy does not take root in our country*. Moscow: Govard Rork, 2021, 334. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rnnoct
22. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001. 590 с. [Geveling L. V. *Kleptocracy. Socio-political dimension of corruption and negative economy. The struggle of the African State with destructive forms of power organization*. Moscow: Gumanitarii, 2001, 590. (In Russ.)]
23. Левин С. Н., Саблин К. С., Руцкий В. Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах ресурсного типа современной России: «картины власти» и подходы к исследованию. *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. Т. 27. № 3. С. 6–27. [Levin S. N., Sablin K. S., Rutskiy V. N. The practices of interaction between entrepreneurs and authorities in Russia's resource extracting regions: the "scenes of power" analytical approach. *Universe of Russia*, 2018, 27(3): 6–27. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27
24. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: ЕУСПб, 2019. 254 с. [Gelman V. Ya. *The politics of bad governance in contemporary Russia*. St. Petersburg: EUSPb, 2019, 254. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rlpoez
25. Мартьянов В. С. Пределы капитализма и рентное общество как глобальная альтернатива. *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 4. С. 18–33. [Martianov V. S. The limits of capitalism: the rent-seeking society as a global alternative. *Journal of Institutional Studies*, 2020, 12(4): 18–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.018-033

26. Игошин И. Н. Институциональные искажения в российском обществе. М.: Директмедиа Паблишинг, 2003. 151 с. [Igoshin I. N. *Institutional distortions in Russian society*. Moscow: Direktmedia Pablishing, 2003, 151. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qocmcd
27. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации. *Полис: Политические исследования*. 2011. № 6. С. 120–133. [Patrushev S. V. Cliquecratic order as an institutional trap of Russian modernization. *Polis: Political Studies*, 2011, (6): 120–133. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ohkypj
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с. [Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Moscow: POSTUM, 2015, 240. (In Russ.)]
29. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2017. № 63. С. 212–232. [Soloviev A. I., Miller T. V. Latent policy area: an attempt at theoretical identification. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2017, (63): 212–232. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zjtahj
30. Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: ЕУСПб, 2015, 44 с. [Gelman V. Ya. *Modernization, institutions and the "vicious circle" of post-Soviet neopatrimonialism*. St. Petersburg: EUSPb, 2015, 44. (In Russ.)]
31. Мельников К. В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек. *Полис: Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68–81. [Melnikov K. V. Neopatrimonialism: classification as a way of overcoming the conceptual stretching. *Polis: Political Studies*, 2018, (2): 68–81. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06
32. Чирун С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики. *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции*: Третья Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.) Екатеринбург, 2019. С. 91–110. [Chirun S. N. Consensus (network) corruption and problems of public policy efficiency. *Contemporary problems of scientific support of the Russian Federation state policy in the field of combating corruption*: Third All-Russ. Sci. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 26–27 Oct 2018. Ekaterinburg, 2019, 91–110. (In Russ.)]
33. Телин К. Имитация государственной состоятельности: хищник вместо управленца. *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 2. С. 39–61. [Telin K. Imitation of state solvency: predator instead of manager. *Russian Sociological Review*, 2018, 17(2): 39–61. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-39-61
34. Knoke D., Kuklinski J. H. *Network Analysis*. Sage Publications, 1982, 96.
35. Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: ВШЭ, 2015. 216 с. [Barsukova S. Yu. *Informal economy, or 16 shades of grey*. Moscow: HSE, 2015, 216. (In Russ.)]
36. Milward H. B., Raab J. Dark networks as organizational problems: elements of a theory. *International Public Management Journal*, 2006, 9(3): 333–360.
37. Мартьянов В. С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе. *Полис: Политические исследования*. 2016. № 4. С. 81–99. [Martianov V. S. Russian political regime in the rent-estate perspective. *Polis. Political Studies*, 2016, (4): 81–99. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08
38. Мартьянов В. С., Давыдов Д. А., Фишман Л. Г. Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ, 2019. 416 с. [Martianov V. S., Davydov D. A., Fishman L. G. *Rental society: in the shadows of labor, capital and democracy*. Moscow: HSE, 2019, 416. (In Russ.)]

© 2023. Abalakin A. A., Yakovlev A. V., Akimenko V. A., Denisova E. V.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии

Абалакин Александр Алексеевич
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва
http://orcid.org/0000-0001-9661-731x
economresearch@mail.ru

Яковлев Андрей Васильевич
Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, Россия, Воронеж
http://orcid.org/0000-0003-3164-2762

Акименко Вера Анатольевна
Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российский Федерации, Россия, Калуга
http://orcid.org/0000-0001-7765-8458

Денисова Елена Владимировна
Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российский Федерации, Россия, Калуга
http://orcid.org/0000-0002-3454-2380

Поступила 11.03.2023. Принята после рецензирования 20.04.2023. Принята в печать 10.05.2023.

Аннотация: Цифровизация стала неизбежным процессом, сопровождающим развитие общества. Спрос на цифровые услуги со стороны потребителей возрастает в силу преимуществ цифровых технологий. Цель статьи – изучить динамику развития цифрового сегмента российского предпринимательства во время и после пандемии, а также обосновать вектор его перспективного развития. Задачи исследования: анализ динамики развития российского малого и среднего предпринимательства на современном этапе развития; оценка влияния на предпринимательские структуры пандемии как фактора внешней среды; выявление особенностей цифрового развития малых и средних предпринимательских структур; разработка рекомендаций по развитию цифрового сегмента российского предпринимательства. Доказывается авторское предположение о существовании дуализма, заключающегося в том, что, с одной стороны, пандемия способствовала появлению новых ограничений в развитии предпринимательской деятельности, что привело к сокращению количества хозяйствующих субъектов, численности занятых и снижению их активности. С другой стороны, изменение потребительского спроса и высокая адаптивность бизнес-структур к изменяющимся условиям позволила расширить цифровой сегмент российского малого и среднего предпринимательства за счет интенсивной цифровизации, открытия новых направлений деятельности и применения новых цифровых инструментов продвижения. В исследовании авторами были использованы методы систематизации, сравнения, экономического анализа, графический метод и системный подход. Проанализировано развитие российского сектора цифрового предпринимательства в разрезе цифровизации внутренних бизнес-процессов, процессов коммуникаций с потребителем, внешних связей. Используя результаты, полученные при проведении исследования, сделан вывод о высоком потенциале цифровых технологий для развития российского малого и среднего предпринимательства. Предложены рекомендации по реализации мер государственной политики, направленной на оптимизацию развития цифрового предпринимательства в России: институциональное регулирование перехода взаимодействия предпринимательских структур с контрагентами, потребителями, органами власти; организационные меры противодействия киберопасности, такие как ужесточение требований к организации торговли на цифровых площадках и установление ответственности сторон за совершаемые действия; повышение цифровой грамотности всех участников в рамках реализуемых программ развития цифровой экономики; применение организационно-экономических механизмов государственного стимулирования цифровых преобразований бизнеса и трансформации операционных моделей, применяемых предпринимательскими структурами.

Ключевые слова: предпринимательство, цифровизация, цифровые технологии, Интернет, электронная коммерция, кибербезопасность, цифровые платформы, цифровая грамотность

Цитирование: Абалакин А. А., Яковлев А. В., Акименко В. А., Денисова Е. В. Развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 148–159. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-148-159

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Digital Entrepreneurship in Russia: Development during the Pandemic

Alexander A. Abalakin
Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Russia, Moscow
http://orcid.org/0000-0001-9661-731x
economresearch@mail.ru

Andrey V. Yakovlev
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, Russia, Voronezh
http://orcid.org/0000-0003-3164-2762

Vera A. Akimenko
Kaluga Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Kaluga
http://orcid.org/0000-0001-7765-8458

Elena V. Denisova
Kaluga Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Kaluga
http://orcid.org/0000-0002-3454-2380

Received 11 Mar 2023. Accepted after peer review 20 Apr 2023. Accepted for publication 10 May 2023.

Abstract: Digitalization has become inevitable as the demand for digital services increases. The purpose of the article is to study the development dynamics of Russian digital segment during and after the pandemic and to predict the vector of its long-term development. The authors provide evidence of dualism: on one hand, the pandemic led to new restrictions in the development of entrepreneurial activity; on the other hand, the change in demand and the high adaptability of business structures made it possible to expand the digital segment of Russian small and medium-sized businesses. The authors use methods of systematization, comparison, economic analysis, graphical method and systematic approach. The development of the Russian digital entrepreneurship sector in the context of digitalization of internal business processes, consumer communication processes, and external relations is analyzed. The authors conclude that digital technologies have high potential for the development of Russian small and medium-sized businesses and provide recommendations on the implementation of state policy measures aimed at optimizing the development of digital entrepreneurship in Russia.

Keywords: entrepreneurship, digitalization, digital technologies, Internet, e-commerce, cybersecurity, digital platforms, digital literacy

Citation: Abalakin A. A., Yakovlev A. V., Akimenko V. A., Denisova E. V. Digital Entrepreneurship in Russia: Development during the Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 148–159. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-148-159

Введение

Предпринимательство является своеобразным индикатором благополучия внешней и внутренней обстановки хозяйственной системы. Волнения, флуктуации и турбулентность внешней среды моментально отражаются на активности предпринимательских структур, в особенности наиболее восприимчивых к изменениям – малых и средних. По динамике роста численности предпринимательских структур можно судить об эффективности государственной экономической политики. Если государством создаются благоприятные институциональные, экономические и налоговые условия, население начинает реализовывать свои инициативы и создавать свои компании.

Кризисы и спады, с одной стороны, приводят сектор в замешательство, что оказывается поводом для банкротства некоторых предпринимателей. С другой стороны, это подталкивает другие компании к поиску новых направлений, путей и ниш развития бизнеса [1]. За счет быстрой реакции на изменение потребительских предпочтений и рыночных условий субъекты малого и среднего предпринимательства способны оперативно изменять стратегию, тактику развития и принципы управления, своевременно подстраиваясь под новые тренды. Примером такого кризиса может служить период пандемии, когда внешние условия были кардинально трансформированы. В то время как большинство участников рынка пытались удержать баланс, именно малые и средние предпринимательские структуры отреагировали развитием сервисов доставки продуктов питания, расширением лабораторных и медицинских услуг, созданием сервисов для поддержания здоровья, занятий спортом, консалтинговых услуг в области психологии, образовательных услуг и т. д. [2].

Для выживания на рынке малые и средние предпринимательские структуры, несмотря на сдержанные бюджеты, вовремя включаются в процессы цифровизации [3–5]. При этом цифровизация касается как автоматизации процессов внутрифирменного управления, взаимодействия с поставщиками

и подрядчиками, так и взаимоотношений с потребителями. Каков же потенциал и перспективы цифрового сегмента российского предпринимательства, и что сдерживает его развитие в современном обществе?

Цифровизация стала неизбежным процессом развития общества, поскольку спрос на цифровые услуги со стороны потребителей возрастает в силу преимуществ цифровых технологий. В свою очередь, развитие предпринимательских структур на современном этапе определяется их способностью следовать за изменением потребностей потребителей [6].

В научном обороте все больше укореняется термин *цифровое предприятие*. Н. Г. Устинова определяет его как организацию, использующую информационные технологии в качестве конкурентного преимущества во всех сферах своей деятельности [7]. A. S. Molchan at al. [8] делают акцент на неотъемлемом свойстве предпринимательских структур, использующих технологии и упрощающих финансовые процедуры: их способности повышать свою конкурентоспособность за счет быстрой адаптации к меняющимся окружающим условиям. На наш взгляд, предпринимательская структура может быть отнесена к цифровой в том случае, если она осуществляет полную трансформацию бизнес-процессов[1], включая производственные отношения, взаимосвязи с клиентами, управление предприятием, на основе внедрения цифровых технологий. Отдельного внимания заслуживают компании, осуществляющие деятельность в области информации и связи: разработки и консультаций по компьютерному программному обеспечению, телекоммуникаций и информационных технологий[2].

Таким образом, под цифровым сегментом российского предпринимательства в настоящем исследовании мы будем понимать всю совокупность малых и средних предпринимательских структур, осуществляющих цифровую трансформацию бизнес-процессов, а также ИТ-компаний, осуществляющих деятельность в области информатизации и связи, разработки компьютерного программного обеспечения, оказания консультационных услуг в данной области.

В период пандемии в структуре потребительского спроса произошли существенные изменения. Этот вопрос исследовали различные авторы, в том числе А. В. Полянин и др. [6], E. K. Karpunina et al. [9]. Успех предпринимательских структур сейчас зависит от скорости их адаптации к новым условиям, способностей к ускорению цифровизации деятельности, расширению доступа к цифровой инфраструктуре и внедрению информационных технологий для организации внутренних процессов [1]. В таких условиях важна государственная поддержка и создание благоприятных условий для развития цифрового сегмента российского предпринимательства. Такие задачи уже ставятся перед системой российского государства, однако существует необходимость в их регулярном мониторинге и совершенствовании [3; 10; 11].

Гипотеза исследования состоит в существовании дуализма в развитии российского предпринимательства: с одной стороны, пандемия способствовала появлению новых ограничений в развитии предпринимательской деятельности, что привело к сокращению количества хозяйствующих субъектов, численности занятых и снижению их активности. С другой стороны, изменение потребительского спроса и высокая адаптивность бизнес-структур к изменяющимся условиям позволила расширить цифровой сегмент российского предпринимательства.

Цель исследования состоит в изучении динамики развития цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии, а также в обосновании вектора их перспективного движения на этапе восстановления после пандемии COVID-19.

Задачи исследования:

- проанализировать динамику развития российского предпринимательства на современном социально-экономическом этапе развития;
- оценить влияние пандемии как фактора внешней среды на динамику развития российского предпринимательства;
- выявить особенности цифрового развития малых и средних предпринимательских структур в период пандемии и последующий этап восстановления;
- изучить состояние малых и средних предпринимательских структур, осуществляющих деятельность в сфере информатизации и связи;
- предложить рекомендации по совершенствованию процесса формирования цифрового сегмента российского предпринимательства.

В исследовании использованы следующие методы: анализ и синтез, сравнение, систематизация, экономический анализ, системный подход.

Результаты

Проанализируем общее состояние российского малого и среднего предпринимательства в период 2017–2022 гг. Для наглядности будем использовать следующие показатели: количество малых и средних предпринимательских структур; численность

[1] Баранов М. Цифровое предприятие: пришло время перемен. *PC Week*. 2016. № 10. URL: https://ibs.ru/media/media/tsifrovoe-predpriyatie-prishlo-vremya-peremen/ (дата обращения: 12.01.2023).

[2] Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 101 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mal_pred_2022.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

занятых в малых и средних предпринимательских структурах; объем выручки. Динамика числа субъектов малого и среднего предпринимательства в России в период 2017–2022 гг. представлена в таблице 1[3].

В целом за период 2017–2022 гг. численность субъектов малого и среднего предпринимательства в России изменилась на 923 единицы или 0,02 %. Таким образом, в 2022 г. общая численность субъектов малого и среднего предпринимательства достигла 5866703 единиц. Однако можно заметить переломные моменты в едином векторе развития предпринимательства. Вплоть до начала 2020 г. количество предпринимательских структур росло (в период 2017–2019 гг. оно увеличилось на 3 %), а в 2020 г., наоборот, начало сокращаться (в 2019–2021 гг. произошло сокращение на 6 %). Безусловно, такое сокращение вызвано влиянием пандемии на социально-экономические процессы в стране. Помимо этого, влияние оказали: приостановка работы предприятий в период локдаунов; неотрегулированные процессы компенсации затрат на оплату труда работникам коммерческих предприятий; высокий уровень долговой нагрузки и арендных платежей, которые не были компенсированы за период санитарных простоев [12; 13]. В наибольшей степени негативное влияние пандемии сказалось на микро- и макропредприятиях, которые оказались более уязвимыми к внешней турбулентности. Так, количество микропредприятий только за 2020 г. сократилось на 4 %, малых предприятий – на 3,3 %. Больше всего пострадала сфера торговли (47 % прекративших существование предпринимательских структур) и услуг: ремонт, салоны красоты, туристические агентства, подбор персонала, строительство, страховая и финансовая деятельность (20 % убывших предприятий)[4].

Численность средних предприятий, напротив, снизилась в период до пандемии 2017–2019 гг. на 7,6 %, а в период 2020–2022 гг. их количество увеличилось на 5,5 %. Такая динамика может объясняться большей адаптивностью субъектов среднего предпринимательства к внешней турбулентности, а также повышением прозрачности предпринимательской деятельности в период пандемии и необходимостью легализации доходов [10].

Другим показателем, позволяющим судить о динамике развития малого и среднего предпринимательства и о выполнении им социальной функции, является численность занятых в малых и средних предпринимательских структурах [14]. Данные об изменении численности занятых в данном секторе представлены в таблице 2[5].

Вплоть до 2019 г. численность занятых на микропредприятиях росла на фоне сокращения работников малых предприятий. Побочный эффект пандемии – сокращение работников в 2020 г. – составил 3,5 % в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. В начале 2021 г. произошел незначительный рост показателя (на 1,1 % относительно начала 2020 г.), а в течение года численность занятых в малом и среднем предпринимательстве сократилась на 5,4 %.

Табл. 1. Численность субъектов малого и среднего предпринимательства в России, 2017–2022 гг.
Tab. 1. Number of small and medium businesses in Russia, 2017–2022

Тип предприятия	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Микропредприятия	5576939	5751885	5771626	5675756	5450261	5636287
Малые	268488	267055	250758	224105	216615	212429
Средние	20353	20298	18811	17045	17685	17977

Табл. 2. Численность занятых в субъектах малого и среднего предпринимательства, 2017–2022 гг.
Tab. 2. Number of employees in small and medium businesses, 2017–2022

Тип предприятия	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Микропредприятия	6463949	7029955	7522729	7429623	7,519,074	6970884
Малые	7432979	7099040	6538893	6189172	6,143,489	5824977
Средние	1958821	1977586	1811967	1702993	1,828,581	1866336

[3] Сост. по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. *Федеральная налоговая служба РФ*. URL: https://ofd.nalog.ru/index.html (дата обращения: 10.01.2023).

[4] В РФ впервые за шесть лет растет число созданных компаний. *Audit-it.ru*. URL: https://www.audit-it.ru/news/finance/1064533.html (дата обращения: 12.01.2023).

[5] Сост. по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. *Федеральная налоговая служба РФ*. URL: https://ofd.nalog.ru/index.html (дата обращения: 12.01.2023); Численность занятых указана по состоянию на 1 января отчетного года.

Ситуация может объясняться тем, что в острой фазе пандемии государство вводило меры поддержки населения и защиты от безработицы. Кроме того, на предпринимательский сектор была возложена ответственность по выплате заработных плат в период простоев и недопущению массового увольнения сотрудников [15; 16]. К 2021 г. часть мер была отменена, и произошло естественное резкое снижение показателя, свидетельствующее о росте безработицы. Наибольшее сокращение занятых произошло на малых предприятиях и микропредприятиях. В это же время динамика показателя занятости в средних предпринимательских структурах в течение 2021 г. выправилась и вернулась к допандемийному уровню.

Что касается оборота сектора предпринимательства, то следует отметить, что его наибольшую долю составляют оптовая и розничная торговля – 60,4 %, 10,4 % приходится на обрабатывающие производства, 7,5 % – на строительство. Однако из-за пандемии все четче прослеживается тенденция сокращения доли торговли и ремонта в связи с интенсивным развитием интернет-сервисов [17]. Реализация мер социального дистанцирования и самоизоляции привела к стремительному развитию различных интернет-услуг, таких как доставка и образовательные сервисы, а также интенсификации электронной коммерции. В целом, в 2020 г. оборот малых предприятий (без учета микропредприятий) снизился на 3,1 трлн руб.[6] Однако, данная динамика могла бы быть более выраженной, если бы сокращение рынка не было компенсировано доходами сектора цифрового предпринимательства.

Проанализируем развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в разрезе цифровизации внутренних бизнес-процессов (цифровая инфраструктура, производство, персонал, взаимодействие); цифровизации внешних связей (поставщики, подрядчики, органы власти); цифровизации коммуникаций с потребителем.

Отдельной статистики по цифровизации малого и среднего предпринимательства в России практически нет, однако с учетом того, что 95 % коммерческих организаций составляют субъекты малого и среднего бизнеса, мы будем экстраполировать имеющиеся статистические данные в отношении интересующей нас группы коммерческих предприятий [18].

Вектор цифровой трансформации предпринимательских структур и развития цифрового сегмента российского предпринимательства был задан программой «Цифровая экономика Российской Федерации»[7], направленной на создание экосистемы цифровой экономики. Особенности расчета основных показателей достижения цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы представлены в соответствующей методике, утвержденной приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ[8].

Базовое условие цифровизации предпринимательских структур – доступ к сети Интернет [19]. За последние 5 лет данный показатель имел растущую динамику с сокращением в период пандемии по причине вынужденных локдаунов и перехода предпринимательских структур на удаленный формат работы (рис. 1[9]).

Оснащенность предпринимательского сектора персональными компьютерами остается высокой. Однако в период 2017–2021 гг. по причине санитарных локдаунов она сократилась на 11 %. При этом число персональных компьютеров в расчете на 100 работников организаций в 2017–2021 гг. увеличилось на 22 %[10]. Количество предпринимательских

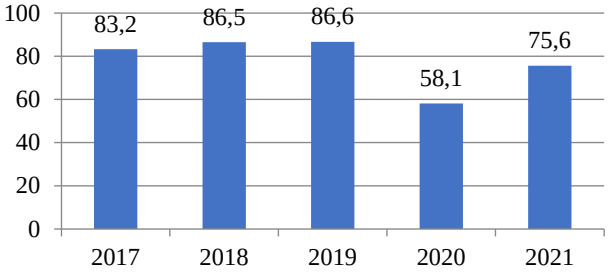


Рис. 1. Доля предпринимательских структур, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, % от общего числа организаций, 2017–2021 гг.
Fig. 1. Share of business structures with broadband Internet access, % in the total number of organizations, 2017–2021

[6] Специальный доклад Президенту Российской Федерации 2021. МСП/Постковид. Время для системных решений. *Уполномоченный при президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей*. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

[7] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. *СПС КонсультантПлюс.*

[8] Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация». Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации № 600 от 18.11.2020. *СПС КонсультантПлюс.*

[9] Сост. по: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики.* Строка табл. № 2.2.12. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 14.01.2023).

[10] Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики.* Строка табл. № 2.4.4. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 14.01.2023).

структур, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с, также растет. В 2017 г. доля таких организаций в общем числе организаций составляла 58,4 %, в 2021 г. – 67,2 %[11].

Цифровизация внутренних бизнес-процессов предпринимательских структур проявляется в использовании ими цифровых технологий для оптимизации внутрифирменного взаимодействия и организации производственных процессов. Например, в 2017–2019 гг. произошел рост использования ERP-систем, а также систем электронного документооборота. В 2020 г. рост этих показателей сократился, после чего вышел на новый виток роста в 2021 г. Однако, проникновение электронных систем интеграции производства и операций, управления трудовыми ресурсами, финансового менеджмента и управления активами для оптимизации внутренней среды организаций остается на низком уровне (рис. 2[12]).

Практически невозможно разграничить использование предпринимательскими структурами систем электронного обмена данными между внутренними и внешними информационными системами. В период 2017–2019 гг. наблюдалось планомерное наращивание данного показателя, затем в 2020 г. произошло его резкое сокращение на 19 %. Похожая динамика свойственна и в части использования организациями CRM и SCM-систем. Уровень их применения в российском предпринимательстве минимален (табл. 3[13]).

Предпринимательские структуры также используют в своей деятельности специальные программные средства для управления закупками и продажами товаров и услуг (табл. 4[14]). Вплоть до 2019 г. наблюдался рост использования специальных программных средств для управления закупками и продажами.

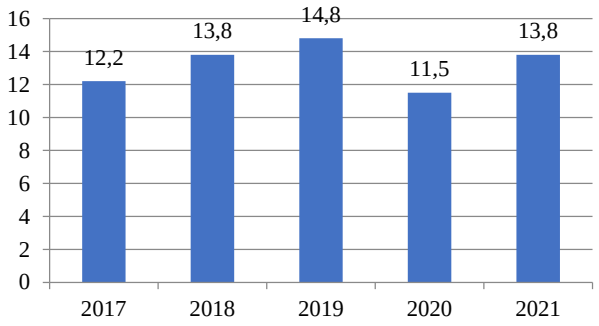


Рис. 2. Доля предпринимательских структур, использующих ERP-системы, % в общем числе организаций, 2017–2021 гг.
Fig. 2. Share of business structures using ERP systems, % in the total number of organizations, 2017–2021

Табл. 3. Доля предпринимательских структур, использующих CRM-системы, SCM-системы и системы электронного обмена данными между внутренними и внешними информационными системами, % в общем числе организаций, 2017–2021 гг.
Tab. 3. Share of business structures using CRM and SCM systems, systems of electronic data exchange between internal and external information, % in the total number of organizations, 2017–2021

Вид системы	2017	2018	2019	2020	2021
Электронный обмен данными между внутренними и внешними информационными системами	63,1	64,9	67,0	54,3	55,4
CRM	10,3	13,2	13,9	10,8	13,4
SCM	4,7	6,4	6,6	4,3	4,8

Табл. 4. Доля предпринимательских структур, использующих специальные программные средства для управления закупками и продажами товаров (работ, услуг), % в общем числе организаций, 2017–2021 гг.
Tab. 4. Share of business structures using special software tools for managing purchases and sales of goods (works, services), % in the total number of organizations, 2017–2021

Типы программ	2017	2018	2019	2020	2021
Специальные программные средства для управления закупками товаров (работ, услуг)	36,2	38,3	39,0	23,7	26,9
Программные средства для управления продажами товаров (работ, услуг)	22,0	25,9	26,0	16,0	18,6

[11] Там же, строка табл. № 2.2.13.

[12] Сост. по: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. Строка табл. № 2.2.23. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 17.01.2023).

[13] Сост. по: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. Строки табл. № 2.2.26; 2.2.24; 2.2.27. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 14.01.2023).

[14] Там же. Строка табл. № 2.2.21.

В 2020 г. произошло их резкое сокращение на 39 % и 38 % соответственно. Восстановление позитивной динамики началось в 2021 г., однако еще не достигло доковидного уровня.

Необходимо отметить, что повышение открытости информационных систем в период пандемии требует от предпринимательских структур усиленного внимания к обеспечению информационной безопасности и предотвращению кибератак [20; 21]. Однако российское предпринимательство на угрозы безопасности реагирует слабо, прежде всего, в силу низкой цифровой грамотности и отсутствия свободных средств для организации систем информационной безопасности в период кризиса (рис. 3[15]).

Пандемия изменила потребительские предпочтения россиян, а режим самоизоляции и невозможность осуществления покупок в магазинах способствовали интенсификации взаимодействия потребителей и производителей через сервисы электронной коммерции [22; 23].

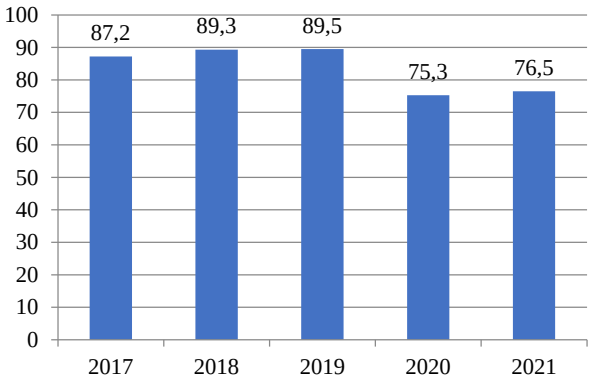


Рис. 3. Доля предпринимательских структур, использующих средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, % от общего числа организаций, 2017–2021 гг.
Fig. 3. Share of business structures using means of protecting information transmitted over global networks, % in the total number of organizations, 2017–2021

В целом в пандемийном 2020 г. рост российского рынка электронной коммерции составил 22 % [24]. Исследователи отмечают, что произошло изменение потребительского поведения в части совершения онлайн-покупок, а также предпочтения определенных групп товаров. Например, товаров для здоровья и средств индивидуальной защиты от вируса, товаров с длительным сроком хранения[16]. Снятие ограничительных мер и регулярное использование предпринимательскими структурами цифровых инструментов продвижения товаров и услуг при непрерывном росте потребительского спроса способствуют дальнейшему развитию рынка электронной коммерции в России.

Если проследить динамику роста предпринимательских структур, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в сети Интернет, то можно заметить незначительный спад их количества в 2020 г. и последующее повышение в 2021 г. По динамике доли организаций, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) в сети Интернет, можно судить об усилении активности предпринимателей в период пандемии. Теперь их усилия должны быть направлены на завоевание доверия потребителей в цифровой среде (табл. 5[17]).

Резкий рост доли населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров и / или услуг в период пандемии, также подтверждает интенсификацию взаимодействия предпринимательского сектора и потребителей в цифровой среде: в 2020 г. рост показателя составил 13 % относительно 2019 г., в 2021 г. – 16 % относительно 2020 г.

Табл. 5. Доля предпринимательских структур, использующих Интернет для взаимодействия с заказчиками товаров и услуг, % в общем числе организаций, 2017–2021 гг.
Tab. 5. Share of business structures using the Internet to interact with customers of goods and services, % in the total number of organizations, 2017–2021

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Доля предпринимательских структур, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в сети Интернет	41,2	42,2	43,3	40,7	42,0
Доля предпринимательских структур, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) в сети Интернет	20,1	22,5	23,7	24,7	26,4

[15] Сост. по: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. Строки табл. № 2.2.21; 2.2.22. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 05.02.2023).

[16] Опыт регулирования рынка электронной коммерции в США. *Proright*. URL: https://proright.ru/2020/09/11/the-rule-ecommerce/ (дата обращения: 20.01.2023).

[17] Сост. по: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. Строка табл. № 2.2.28. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 15.01.2023).

Следует отметить, что в период пандемии повысилась инновационная активность предпринимательских структур. В 2020 г. увеличение составило 18,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. В 2021 г. рост продолжился до 11,9 % (увеличение на 10 % относительно 2020 г.)[18]. Вероятно, такую динамику можно объяснить стремлением к достижению антикризисного эффекта за счет ускорения запуска новых пилотных проектов, направленных на поддержание устойчивости и операционной эффективности [25]. В период пандемии основным драйвером инноваций стала возможность снижения издержек и внедрение цифровых технологий, направленных на быструю адаптацию производственных процессов к изменившимся условиям [26]. Инновационная продукция, производимая предпринимательскими структурами, основана на новых технологиях либо на их сочетании с уже существующими. Некоторые продукты подверглись усовершенствованию за счет технологического обновления методов производства или передачи[19].

Проанализируем состояние малых и средних предпринимательских структур, осуществляющих деятельность в сфере информатизации и связи, в период 2017–2021 гг.

Динамика средней численности работников малых и средних предпринимательских структур представлена в таблице 6[20]. Данные позволяют сделать вывод о росте сектора малых и средних предпринимательских структур в области информации и связи по численности занятых в течение всего исследуемого периода. Следует подчеркнуть, что имеет место ускорение роста в период пандемии 2020 г. и некоторое замедление на этапе постковидного восстановления. Наибольший вклад в развитие сектора вносит вид деятельности «разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги».

В период 2017–2021 гг. оборот малых предпринимательских структур по виду экономической деятельности «деятельность в области информации и связи» увеличился на 56 %, в том числе по виду деятельности

Табл. 6. Средняя численность работников малых и средних предпринимательских структур по виду деятельности *деятельность в области информации и связи*, 2017–2021 гг.
Tab. 6. Average number of employees of small and medium businesses in *information and communication activities*, 2017–2021

Показатель	2017		2018		2019		2020		2021	
	малые	средние	малые	средние	малые	средние	малые	средние	малые	средние
Средняя численность работников предприятий по виду экономической деятельности *деятельность в области информации и связи*, тыс. человек	385,8	30,0	406,2	33,3	394,0	31,1	453,1	41,2	407,2	38,8
В том числе:										
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	186,1	14,2	210,6	16,5	201,3	16,3	249,8	21,1	210,9	20,7
Средняя численность работников предприятий по виду экономической деятельности (*деятельность в области информации и связи)*, в % к итогу	3,2	1,9	3,4	2,2	3,5	2,2	4,1	2,5	3,8	2,4

[18] Наука, инновации и технологии. Уровень инновационной активности организаций. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 17.01.2023).

[19] Инновационная среда сегодня: какое влияние оказала пандемия на инновационные процессы компаний. *Vc.ru*. URL: https://vc.ru/generations/130451-innovacionnaya-sreda-segodnya-kakoe-vliyanie-okazala-pandemiya-na-innovacionnye-processy-kompaniy (дата обращения: 12.01.2023).

[20] Сост. по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 87 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf; Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 101 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mal_pred_2022.pdf (дата обращения: 14.01.2023).

«разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги» на 60,8 %. Оборот средних предпринимательских структур по виду деятельности «деятельность в области информации и связи» в этот же период увеличился на 115,3 %, в том числе по виду деятельности «разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги» на 130,8 %. Это является свидетельством интенсивного развития сектора.

В таблице 7[21] представлены данные о сальдированном финансовом результате по виду экономической деятельности «деятельность в области информации и связи», 2017–2021 гг. В период 2017–2021 гг. сальдированный финансовый результат по виду экономической деятельности «деятельность в области информации и связи» вырос на 126 % по малым предпринимательским структурам, по средним – на 29,3 %. Отметим, что в пандемийном 2020 г. наблюдался стремительный рост показателя по средним предпринимательским структурам на 56,8 %, который затормозился к 2021 г.

Представленные данные свидетельствуют о позитивной динамике роста цифрового сегмента предпринимательства в исследуемый период, в том числе в активной стадии пандемии, что объясняется ростом спроса на цифровые услуги и сервисы при введении режимов самоизоляции.

Таким образом, можно говорить, что эффект пандемии является двойственным для малых и средних предпринимательских структур в России. Во-первых, пандемия оказала негативное влияние в форме нарастания новых угроз для развития предпринимательской деятельности, таких как сокращение количества субъектов и снижение их активности. Пандемия привлекла внимание к существующим проблемам доступа малых и средних предпринимательских структур к цифровой инфраструктуре. Во-вторых, резко изменившиеся условия хозяйствования вызвали стимулирующий эффект, состоящий в том, что после временного замешательства и действий «вслепую», малый и средний бизнес пошел по пути интенсивной цифровизации, открытия новых направлений и активизации своей инновационной функции. Расширение сектора электронной коммерции в период пандемии и на этапе постковидного восстановления позволяет сделать вывод о высокой адаптивности российских предпринимательских структур к изменяющимся условиям.

Однако бизнесу требуется поддержка, и возможности государства в этом нельзя недооценивать. В связи с этим считаем целесообразным определить направления государственной политики по совершенствованию процесса формирования цифрового сегмента российского предпринимательства.

1. Переход в цифровой формат взаимодействия предпринимательских структур с контрагентами, потребителями, органами власти должен быть институционально отрегулирован. В условиях шока такой переход не был гладким и на данный момент требует совершенствования. В настоящее время отсутствует единый понятийный и терминологический аппарат. В частности, существуют несоответствия между Директивой 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции»[22], типовым законом Комиссии ООН по праву международной торговли об электронной торговле[23] и статьями Гражданского Кодекса РФ.

Табл. 7. Сальдированный финансовый результат малых и средних предпринимательских структур по виду экономической деятельности *деятельность в области информации и связи*, 2017–2021 гг.
Tab. 7. Balanced financial result of small and medium businesses in *information and communication activities*, 2017–2021

Финансовый результат	2017		2018		2019		2020		2021	
	малые	средние	малые	средние	малые	средние	малые	средние	малые	средние
млрд рублей	111,2	12,3	125,2	8,8	153,9	18,3	192,3	28,7	251,5	15,9
% к итогу	5,1	5,1	3,8	2,3	4,9	6,3	4,9	4,8	4,8	1,8

[21] Сост. по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 87 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf; Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 101 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mal_pred_2022.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

[22] О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2000/31/ЕС от 8.06.2000 г. *СПС Гарант*.

[23] Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Принят на 29-й сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Рекомендован резолюцией 51/162 Генеральной Ассамблеи от 16.12.1996. *ООН*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 14.01.2023).

Возникают сложности в идентификации участников онлайн-сделок; для отношений, складывающихся в виртуальной сфере, не определена правомерность вмешательства государства; не установлена степень соотношения саморегулирования и государственного регулирования отношений в интернет-среде[24]. Возникает необходимость создания онлайн-сервиса урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей на портале «Госуслуги» с функциями подачи претензий, привлечения экспертов в спорных ситуациях, урегулирования разногласий между участниками электронного взаимодействия.

2. Еще одной нарастающей проблемой является рост кибератак и повышение открытости и, соответственно, уязвимости в интернет-пространстве [20]. Необходимы организационные меры государства как регулятора. Например, ужесточение требований к организации торговли на цифровых площадках для повышения качества взаимодействия агентов и продвигаемой продукции; установление ответственности сторон за совершаемые действия. Сами предпринимательские структуры должны понимать, что инвестиции в системы информационной безопасности оправданы в условиях нарастания киберопасности.

3. Важным шагом к установлению порядка на интернет-площадках является повышение цифровой грамотности всех участников коммуникации. При разработке мер поддержки в рамках программ развития цифровой экономики государству следует правильно расставить акценты и сформировать научно-образовательные комплексы, привязанные к единой информационной платформе, которая сможет обеспечить консультативную и информационную поддержку. Платформа может представлять собой единую систему, в которой будут осуществляться договорные отношения с различными образовательными организациями, исследовательскими институтами, инновационными лабораториями, ИТ-компаниями и другими многочисленными субъектами инфраструктуры поддержки цифровизации бизнеса.

4. Организационно-экономические механизмы государственного стимулирования цифровых преобразований бизнеса и трансформации операционных моделей, применяемых предпринимательскими структурами. В данном аспекте, исходя из имеющегося позитивного зарубежного опыта, государству целесообразно использовать льготное кредитование для внедрения ИТ-решений, инновационный налоговый кредит, а также систему грантов, наград и налоговые льготы.

Заключение

Авторы проанализировали влияние пандемии COVID-19 на динамику развития малого и среднего предпринимательства в России на современном социально-экономическом этапе развития. Определено, что пандемия способствовала появлению новых ограничений для развития предпринимательской деятельности в России и вызвала сокращение количества хозяйствующих субъектов, численности и активности занятых.

Выявлены особенности цифрового развития малых и средних предпринимательских структур в период 2017–2021 гг. Проанализированы показатели доступа малых и средних предпринимательских организаций к цифровой инфраструктуре; использования цифровых технологий во внутренних бизнес-процессах, оптимизации внешних связей, совершенствовании процессов коммуникаций с потребителями. Сделан вывод, что изменение потребительского спроса и высокая адаптивность бизнес-структур к изменяющимся условиям позволила расширить цифровой сегмент российского малого и среднего предпринимательства за счет интенсивной цифровизации, открытия новых направлений деятельности и применения новых цифровых инструментов продвижения.

Авторы сформировали рекомендации по совершенствованию формирования цифрового сегмента российского предпринимательства:

1. Институциональное регулирование перехода взаимодействия предпринимательских структур с контрагентами, потребителями, органами власти.

2. Организационные меры противодействия киберопасности, такие как ужесточение требований к организации торговли на цифровых площадках и установление ответственности сторон за совершаемые действия.

3. Повышение цифровой грамотности всех участников в рамках реализуемых программ развития цифровой экономики.

4. Применение организационно-экономических механизмов государственного стимулирования цифровых преобразований бизнеса и трансформации операционных моделей, применяемых предпринимательскими структурами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

[24] Электронная торговля: понятие, правовое регулирование, судебная практика. *Юрист компании*. URL: https://www.law.ru/article/23109-elektronnaya-torgovlya-ponyatie-pravovoe-regulirovanie-sudebnaya-praktika (дата обращения: 13.01.2023).

Критерии авторства: А. А. Абалакин – концептуализация, научное руководство. А. В. Яковлев – сбор и анализ статистических данных. В. А. Акименко – обработка статистических данных, подготовка визуализации. Е. В. Денисова – оформление и редактирование статьи.

Contribution: A. A. Abalakin created the research concept and performed scientific management of the study. A. V. Yakovlev collected and analyzed statistical data. V. A. Akimenko processed the data and created visualization. E. V. Denisova wrote the draft and edited the arcticle.

Литература / References

1. Khanagha S., Volberda H., Oshri I. Customer co-creation and exploration of emerging technologies: the mediating role of managerial attention and initiatives. *Long Range Planning*, 2017, 50(2): 221–242. https://doi.org/10.1016/j.lrp.2015.12.019
2. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Zh. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy*, ed. Popkova E. G. Springer, Cham, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
3. Иванова Н. М., Орлов М. А. Инновационное развитие российского бизнеса в условиях пандемии COVID-19. *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12. № 2. С. 771–784. [Ivanova N. M., Orlov M. A. Innovative development of Russian business amidst the COVID-19 pandemic. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2022, 12(2): 771–784. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114559
4. Heinonen K., Strandvik T. Reframing service innovation: COVID-19 as a catalyst for imposed service innovation. *Journal of Service Management*, 2020, 32(1): 101–112. https://doi.org/10.1108/JOSM-05-2020-0161
5. Прохорова В. В., Схаплок Р. Б., Власов М. И. Адаптация организаций к неблагоприятной экономической ситуации, сложившейся в результате пандемии COVID-19. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 3. С. 92–97. [Prokhorova V. V., Skhaplok R. B., Vlasov M. I. Adaptation of organizations to the unfavorable economic situation resulting from the COVID-19 pandemic. *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia*, 2021, (3): 92–97. (In Russ.)] https://doi.org/10.47581/2021/FA-09/IE/53/03.016
6. Полянин А. В., Соболева Ю. П., Тарновский В. В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства. *Управленческое консультирование*. 2020. № 4. С. 80–96. [Polyanin A. V., Soboleva Yu. P., Tarnovsky V. V. Digitalization of processes of small and average business. *Administrative consulting*, 2020, (4): 80–96. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-4-80-96
7. Устинова Н. Г. Цифровая экономика и предпринимательство: вопросы взаимодействия. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2019. № 3. С. 32–37. [Ustinova N. G. Digital economy and entrepreneurship: problems of interaction. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2019, (3): 32–37. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/jggpcc
8. Molchan A. S., Karpunina E. K., Kochyan G. A., Petrov I. V., Velikanova L. I. Effects of digitalization: new challenges for economic security systems. *Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage*: Proc. 34th Intern. Business Information Management Association Conf., Madrid, 13–14 Nov 2019. International Business Information Management Association, 2019, 6631–6639. https://www.elibrary.ru/ymgyoh
9. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-Economy of the Future. Sustainable Agriculture and Alternative Energy*. Springer, Cham, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
10. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса. *Экономическое развитие России*. 2020. Т. 27. № 5. С. 71–82. [Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Development trends of small and medium-sized enterprises amid pandemic-induced crisis. *Russian Economic Development*, 2020, 27(5): 71–82. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/myxtiv
11. Chesbrough H. To recover faster from Covid-19, open up: managerial implications from an open innovation perspective. *Industrial Marketing Management*, 2020, 88: 410–413. https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.04.010
12. Polujanova N. V. Guidelines for the region's socio-economic policies during the pandemic. *Geo-Economy of the Future*. Springer, Cham, 2022, 733–743. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_76
13. Shurchkova J. V., Zinovyeva I. S., Polujanova N. V., Galitskaya Y. N., Berlizev R. N. Tools for overcoming the crisis phenomena of the pandemic in the socio-economic development of the countries. *Geo-Economy of the Future*. Springer, Cham, 2022, 175–187. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_20

14. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 5. С. 1337–1350. [Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2020, 10(5): 1337–1350. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110126
15. Moiseev S. S., Bolonina S. E., Petrov I. V., Zanyukov E. V., Konovalenko D. A. Economic security of regions during a pandemic: methods for diagnosing problem areas and ensuring sustainability. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security. ISC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, Cham, 2022, vol. 372, 583–598. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_64
16. Voronov A. A., Sobolevskaya T. G., Smirnova E. V., Shugaeva O. V., Ponomarev S. V. Managerial problems of enterprise development during the pandemic COVID-19. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security. ISC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, Cham, 2022, vol. 372, 841–851. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_91
17. Антонова М. П., Баринова В. А., Громов В. В., Земцов С. П., Красносельских А. Н., Милогов Н. С., Потапова А. А., Царева Ю. В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: «Дело» РАНХиГС, 2020. 88 с. [Antonova M. P., Barinova V. A., Gromov V. V., Zemtsov S. P., Krasnoselskikh A. N., Milogov N. S., Potapova A. A., Tsareva Yu. V. *Development of small and medium-sized entrepreneurship in Russia in the context of the implementation of the national project*. Moscow: "Delo" RANEPA, 2020, 88. (In Russ.)]
18. Юсупова С. М. Роль малого предпринимательства в экономике России. *Вектор экономики*. 2020. № 8. [Yusupova S. M. Small business in the Russian economy. *Vektor ekonomiki*, 2020, (8). (In Russ.)] URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/worldeconomy/Yusupova.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
19. Molchan A. S., Osadchuk L. M., Anichkina O. A., Ponomarev S. V., Kuzmenko N. I. The 'Digitalisation trap' of Russian regions. *International Journal of Technology, Policy and Management*, 2023, 23(1): 20–41. https://doi.org/10.1504/IJTPM.2023.129468
20. Karpunina E. K., Shurchkova J. V., Kochetkova E. V., Ponomarev S. V., Tretyak V. P. Cybercrime in the system of economic security threats. *The 35th IBIMA conference*: Proc. Intern. Sci. Conf., Seville, 1–2 Apr 2020, 2679–2690.
21. Strelnikova T. D., Klimentova E. A., Piven I. G., Starodubtceva A. S., Ivinskaya I. V. The impact of the COVID-19 recession on the Russian labor market. *Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development*. Springer, Cham, 2022, 3–9. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04289-8_1
22. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: intensification of development during the pandemic. *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, Cham, 2022, vol. 368, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
23. Карпунина Е. К., Губернаторова Н. Н., Соболевская Т. Г. Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2022. № 1. С. 63–76. [Karpunina E. K., Gubernatorova N. N., Sobolevskaya T. G. Effects of the COVID-19 pandemic: new patterns of consumer behavior. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, (1): 63–76. (In Russ.)] https://elibrary.ru/iyhzbo
24. Ревинова С. Ю., Третьякова Д. А. Электронная коммерция в России в условиях пандемических ограничений COVID-19. *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 4. С. 1319–1338. [Revinova S. Yu., Tretiakova D. A. E-commerce in Russia amid COVID-19 restrictions. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2021, 11(4): 1319–1338. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.113757
25. Taalbi J. What drives innovation? Evidence from economic history. *Research Policy*, 2017, 46(8): 1437–1453. https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.06.007
26. Савенко Н. Е. Форс-мажор и предпринимательские риски в период пандемии коронавируса. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2020. Т. 20. № 3. С. 50–56. [Savenko N. E. Force majeure and business risks during the coronavirus pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2020, 20(3): 50–56. (In Russ.)] https://doi.org/10.14529/law200307

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS
This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций

Бейлина Анна Феликсовна
Воронежский государственный педагогический университет, Россия, Воронеж
http://orcid.org/0000-0002-7812-2919
abejlin-a@yandex.ru

Зинченко Наталья Владимировна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Краснодарский филиал, Россия, Краснодар
http://orcid.org/0000-0002-3986-8662

Нигматуллина Гульнара Рашитовна
Башкирский государственный аграрный университет, Россия, Уфа
http://orcid.org/0000-0002-9936-5397

Ахтемьянова Светлана Викторовна
Башкирский государственный аграрный университет, Россия, Уфа
http://orcid.org/0000-0001-6128-3866

Поступила 25.03.2023. Принята после рецензирования 02.05.2023. Принята в печать 15.06.2023.

Аннотация: Современные организации испытывают влияние экономических кризисов, причины которых остаются весьма дифференцированными. Для сохранения устойчивого развития организации и повышения ее адаптивности требуется изменение модели принятия управленческих решений. Цель – выявить особенности воздействия кризисных явлений на организацию и создать модель принятия управленческих решений, обеспечивающую адаптацию к вызовам среды и устойчивость развития. Авторы используют контент-анализ открытых источников, метод систематизации, табличный метод; сравнительный, экономический и морфологический анализ. Проведен анализ воздействия кризисных проявлений на развитие российских организаций. Сделан вывод, что кризис может иметь как негативные, так и позитивные последствия для организаций. Для получения организацией выгод от прохождения кризиса необходимо определять риски и слабые стороны, нуждающиеся в защите, оценивать появляющиеся возможности. Предложена модель принятия управленческих решений в организации в условиях неопределенности внешней среды.

Ключевые слова: кризис, экономический кризис, управленческие решения, управление организацией, принятие решений, пандемия, неопределенность, адаптация

Цитирование: Бейлина А. Ф., Зинченко Н. В., Нигматуллина Г. Р., Ахтемьянова С. В. Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 160–169. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169

full article

Contemporary Economic Crises and their Impact on the Activities of Organizations

Anna F. Beilina
Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh
http://orcid.org/0000-0002-7812-2919
abejlin-a@yandex.ru

Natalya V. Zinchenko
Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar branch, Russia, Krasnodar
http://orcid.org/0000-0002-3986-8662

Gulnara R. Nigmatullina
Bashkir State Agrarian University, Russia, Ufa
http://orcid.org/0000-0002-9936-5397

Svetlana V. Akhtemianova
Bashkir State Agrarian University, Russia, Ufa
http://orcid.org/0000-0001-6128-3866

Received 25 Mar 2023. Accepted after peer review 2 May 2023. Accepted for publication 15 Jun 2023.

Abstract: Economic crises affect modern organizations for different financial and epidemiological reasons. Sustainable development of the organization requires to a change the model of managerial decision-making. The purpose of the study is to identify the features of the crisis phenomena impact on the organization's activities

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

and to create a model of managerial decision-making that ensures adaptation to environmental challenges and sustainability of development. The authors use the analysis of open source content, systematization, tables; comparative, economic and morphological analysis. The authors analyze the impact of crises on the development of Russian organizations. The research shows that a crisis can have both negative and positive consequences for organizations. In order for an organization to benefit from the crisis, it is necessary to identify risks and weaknesses, assess emerging opportunities. A model of managerial decision-making in an organization under the conditions of the external uncertainty is proposed.
Keywords: crisis, economic crisis, management decisions, organization management, decision-making, pandemic, uncertainty, adaptation

Citation: Beilina A. F., Zinchenko N. V., Nigmatullina G. R., Akhtemianova S. V. Contemporary Economic Crises and their Impact on the Activities of Organizations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 160–169. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169

Введение

Современные организации испытывают воздействие финансово-экономических кризисов и эпидемиологических угроз [1]. Если проанализировать финансово-экономические кризисы современного этапа социально-экономического развития, то их окажется немало. Все они имеют разные причины развития, особенности протекания и характер воздействия на хозяйствующие субъекты.

В XXI в. наиболее сильными кризисами мировой экономики стали финансовый кризис 2008–2009 гг. и кризис 2020–2021 гг., вызванный пандемией COVID-19. Если первый кризисный период уже прошел и позволил сделать выводы относительно поведения организаций в условиях неопределенности и хаоса, то второй мощный кризисный период еще продолжается. Это означает, что сейчас актуальными являются подходы и инструменты, направленные на сохранение устойчивого развития организации и повышение ее адаптивности в условиях нестабильной внешней среды. Более того, возникновение предпосылок для развития кризисных явлений становится регулярным, и ожидать прогнозируемых условий внешней среды в будущем не стоит.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей воздействия современных кризисных явлений в экономике на деятельность организаций, а также в создании модели принятия управленческих решений, обеспечивающей адаптацию организации к вызовам среды и устойчивость ее развития в долгосрочном периоде.

В задачи исследования входит раскрытие особенностей протекания современных экономических кризисов; систематизация факторов риска, дестабилизирующих устойчивое развитие организации; обоснование модели принятия управленческих решений, обеспечивающей адаптацию организации к условиям нестабильной внешней среды и устойчивость ее развития.

Гипотезой проводимого исследования является предположение, что кризисные явления в экономике могут оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на организацию. Однако скорость адаптации организации к изменяющимся условиям и использование открывающихся возможностей развития зависит от реализуемой модели принятия управленческих решений.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа современных кризисных явлений в экономике (2008–2009 и 2020–2021 гг.), раскрытии особенностей их влияния на деятельность организаций, а также в разработке модели принятия управленческих решений в условиях неопределенности, обеспечивающей адаптацию организации к вызовам среды и устойчивость ее развития в период изменений.

В развитии хозяйственной системы случаются периоды стабильного развития и отклонения от равновесия, когда в ней нарушается традиционная логика развития экономических процессов [2]. Это приводит к возникновению кризисных явлений, колебаниям фондового и облигационного рынков, снижению устойчивости национальной валюты и развитию рецессионных тенденций [1]. Исследователи выделяют ряд причин, приводящих к развитию кризисных явлений в хозяйственной системе.

Во-первых, снижение контроля над взаимозависимостью людей и обществ. Увеличение возможностей индивидов за счет использования цифровых технологий приводит к достижению не только конструктивных, но и деструктивных целей [3].

Во-вторых, усложнение взаимосвязей между национальными экономиками в глобальном экономическом пространстве, усиливающаяся конкуренция между странами за ограниченные ресурсы, а также постоянно увеличивающийся разрыв в технико-технологическом развитии стран [4; 5].

В-третьих, трансформация проблематики международной безопасности, включая усугубление проблем терроризма и экологическую деградацию. Несмотря на предпринимаемые государствами усилия, возникают и стремительно распространяются различные заболевания и вирусы, расширяются различные формы организованной преступности и т. д. [6].

В условиях нарастания факторов неопределенности традиционные методы принятия управленческих решений утрачивают свою актуальность. Хозяйствующие субъекты вынуждены искать новые пути адаптации к новым условиям для того, чтобы в короткие сроки подстроить свою деятельность под изменившиеся условия среды.

Ученые доказывают эффективность различных стратегий принятия управленческих решений в условиях неопределенности и турбулентности. В их число входит адаптивная стратегия на основе приспособления и изменения действий компании для достижения соответствия их новым условиям; формирующая стратегия, предполагающая изменение обстановки для лучшего соответствия возможностям организации; инвестиционная стратегия, отражающая совокупность действий, направленных на осуществление опережающего рывка в условиях общей неопределенности [7]. Учитывая специфику современного этапа неопределенности, вызванной пандемией и проявившейся в развитии кризисных явлений социально-экономической природы, а также наложением военно-политических конфликтов, приобретающих континуальный характер, становится все более актуальным поиск новых инструментов принятия осознанных управленческих решений организациями.

Авторы использовали метод контент-анализа открытых источников информации. В частности, при исследовании особенностей проявления кризисов на современном этапе социально-экономического развития, а также при анализе течения пандемии и эффектов ее воздействия на хозяйственные системы. В исследовании применен метод систематизации, который позволил выделить ключевые параметры воздействия современных кризисных явлений на организации. Для агрегирования данных на этапе первичного описательного анализа авторы использовали табличный метод. Для обоснования результатов в статье применен метод сравнительного анализа (сравнение показателей социально-экономического развития России в период до пандемии и в активной стадии пандемии), а также методы экономического анализа. Информационной базой исследования послужили статистические данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики РФ, а также информационные материалы Высшей школы экономики.

Авторы предложили использовать метод морфологического анализа для создания модели принятия управленческих решений в условиях воздействия факторов неопределенности. Его преимуществом является подбор возможных решений для отдельных частей задачи и последующее их комбинирование.

Результаты

Хозяйственная система может оставаться сбалансированной или отклоняться от равновесия, приобретая черты пульсации и хаотичности на разных этапах социально-экономического развития. Данные колебания вызывают изменения экономической активности хозяйствующих субъектов, которые сдерживают их развитие на определенный период времени, и, как следствие, приводят к рецессии. Г. П. Журавлёва, Н. В. Манохина подчеркивают, что периоды отклонения хозяйственной системы от равновесия порождают всепроникающий риск в различных сферах жизнедеятельности организации и секторах экономической системы, который способен вызвать ее деградацию или привести к разрушению [5]. Так, Дж. Д. Вард и др. связывают развитие кризисных явлений в экономике с неконтролируемо снижающимся ВВП, ухудшающимся состоянием окружающей среды, эпидемиями новых вирусов [8].

Рассмотрим кризисные явления на современном этапе развития общества и определим их влияние на деятельность организаций.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. разразился вследствие краха банковской системы США, вызванного последствиями реализации «мягкой» политики Федеральной резервной системы (ФРС), направленной на стимулирование экономического роста посредством снижения ставки рефинансирования. Именно ставка рефинансирования является основным инструментом денежно-кредитной политики государства и ориентиром для регуляторов других развитых и развивающихся стран. ФРС США в 2003 г. снизила ставку рефинансирования до 1 % для стимулирования кредитной экспансии банков, что, в свою очередь, запустило маховик денежно-кредитной политики дешевых кредитов. С одной стороны, реализованные меры стали инструментом роста занятости населения, повышения инвестиционной активности предприятий и интенсивного развития наукоемкой промышленности, что, в свою очередь, привело к росту ВВП. С другой стороны, политика дешевых кредитов способствовала расширению спекулятивного спроса на ипотечном рынке, росту цен на недвижимость и появлению множества спекулятивных инструментов для хеджирования рисков. Рост долговой нагрузки в экономике США, основанной на кредитной экспансии, спровоцировал быстро растущую денежную эмиссию, дефолты

заемщиков привели к краху не только ипотечного рынка, но и рынка ценных бумаг, обеспеченных ипотекой. Крушение банковской системы и рынка ипотечных и других ценных бумаг в США привели к глобальной рецессии, охватившей большинство развитых и развивающихся стран.

Ключевыми характеристиками периода являлись: резкий рост государственного долга на фоне увеличения заимствований для покрытия бюджетного дефицита, повсеместное сокращение производства и снижение объема мировой торговли, неустойчивая динамика цен на сырьевые ресурсы, глобальное падение стоимости ценных бумаг и других финансовых активов, отток капитала, снижение доходов от экспорта, рост дефицита по текущим счетам платежного баланса [9].

Безусловно, для стимулирования экономической активности в таких условиях правительствами большинства стран были реализованы антикризисные программы, включающие поддержание устойчивости финансовых организаций с целью скорейшего возобновления кредитования предприятий реального сектора; проведение денежно-кредитной политики и стимулирующей бюджетной политики с обязательным контролем над уровнем государственных и корпоративных долгов. Также реализовывалась международная координация антикризисных мер и осуществление перестройки государственных систем регулирования финансового сектора. Тем не менее успех в преодолении кризисных явлений зависел от самих хозяйствующих субъектов, эффективности реализуемых ими мер и способности к адаптации.

Так, кризис 2008–2009 гг. нанес сильный удар корпоративному сектору российской экономики. В числе наиболее пострадавших оказались организации крупного и среднего бизнеса. В частности, в 2009 г. российские предприятия потеряли 1,6 млн работников штатного состава (4,3 % против 1 % ежегодного сокращения в период 1999–2007 гг.) [10]. Некоторые показатели развития российского рынка труда в период кризиса 2008–2009 гг. представлены в таблице 1[1].

Кризис 2008–2009 гг. привел к сокращению объема выпуска, при этом снижение выпуска на 1 п.п. в целом по экономике сопровождалось снижением численности занятых на 0,24 п.п., а в промышленности – на 0,63 п.п. Тенденция указывает не только на проблемы в государственном регулировании рынка труда и занятости. Также становится очевидной низкая эффективность реализуемых антикризисных мер (в т.ч. по созданию временных

Табл. 1. Показатели развития российского рынка труда в период кризиса, 2009 г. к 2008 г., %
Tab. 1. Indicators of the Russian labor market development during the turbulent period, 2009 vs. 2008, %

Сектор экономики	Объем выпуска	Численность занятых	Рабочее время	Совокупные затраты труда (3*4)	Реальная заработная плата
Промышленность	–9,3	–5,9	–5,2	–10,8	–4,9
Обрабатывающая промышленность	–15,2	–7,2	–6,2	–13,0	–6,4
Строительство	–16,0	–3,8	–6,5	–10,1	–10,4
В целом по экономике	–7,9	–1,9	–2,3	–4,2	–2,8

рабочих мест, опережающему обучению работников, содействию переезду безработных, содействию малому предпринимательству и самозанятости среди безработных). Проявляется и низкий уровень конкурентоспособности многих крупных и средних предприятий, их неспособность к быстрой адаптации в меняющихся условиях среды. Другой характерной чертой влияния кризиса 2008–2009 гг. на российскую экономику стало наличие огромного внешнего долга российских предприятий [11]. Так, в октябре 2008 г. он составлял $527 млрд. Анализ поведения российских предприятий в этот период в очередной раз показал, что их реакция в равной мере распределилась между численной, временной и ценовой подстройкой, а важнейшим инструментом их адаптации по-прежнему остается резкое сокращение рабочего времени [10].

Руководители российских предприятий использовали для адаптации к кризису преимущественно инструменты оптимизации численности персонала путем увольнения работников. Таким образом, в 2008 г. общий коэффициент выбытия достиг своего максимального значения – 32,6 %, т.е. вырос по сравнению с 2007 г. на 1,3 п.п. Наибольший прирост этого показателя произошел в обрабатывающей промышленности (на 3,2 п.п.), в строительстве (5,9 п.п.), в оптовой и розничной торговле (9,7 п.п.), в гостиничном и ресторанном бизнесе (11,5 п.п.) [10].

Во втором полугодии 2008 г. объем неотработанного рабочего времени в связи с вынужденной неполной занятостью составил 186,7 млн человеко-часов (рост в 2 раза), настолько же увеличился и приток

[1] Сост. по: Эффективность экономики России. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186 (дата обращения: 18.01.2023).

в «условно-добровольную» неполную занятость, т. е. отпуск по заявлениям самих работников. В начале 2009 г. для преодоления кризиса российские предприятия также применяли такую меру оптимизации численности, как резкое ограничение или замораживание найма. В результате коэффициент найма уменьшился до 26,2 % (снижение на 4,8 п. п. по сравнению с 2007 г.).

Экономический кризис 2008–2009 гг. сопровождался ростом задолженности предприятий по оплате труда (к 2009 г. она достигла 8,8 млрд рублей, то есть выросла в 2,5 раза относительно октября 2008 г.)[2]. Применение к предприятиям штрафных санкций и рестрикций за нарушение норм оплаты труда привело к тому, что в производственном секторе произошло падение реальной заработной платы: в строительстве – на 10,4 %, в промышленности – на 5 %, в обрабатывающей – на 6,4 % [10].

Таким образом, модель реагирования предприятий на кризисные вызовы в период 2008–2009 гг. не сильно отличалась от их поведения в предыдущие этапы нестабильности в российской экономике, она обеспечила относительно плавную подстройку предприятий к изменениям, однако не создала им долгосрочных конкурентных преимуществ и не повысила их адаптивность к условиям нестабильности.

Новый кризисный период начался в январе 2020 г. с распространением коронавируса[3]. Стремительному распространению вируса способствовал высокий уровень глобализированности современного общества, который запустил цепную реакцию по всему миру [12]. Характерными чертами кризиса 2020–2021 гг. стали: снижение социально-экономической мобильности граждан, приостановка деятельности предприятий, блокирование международного транспортного сообщения [13], самоизоляция граждан и социальное дистанцирование, резкое сокращение потребительских расходов, рост безработицы, потеря предпринимательского дохода, сокращение инвестиций [14].

Ситуация осложнялась невозможностью прогнозирования сроков окончания пандемии, а также неопределенностью относительно последствий распространения вируса, в том числе путей распространения пандемии, интенсивности и эффективности мер по ее сдерживанию, масштабов кризиса предложения, последствий ужесточения условий на финансовых рынках, изменений в структуре расходов, изменений потребительского поведения и т. д. [7]. Кризис, вызванный пандемией, оказал разноплановое воздействие на различные сектора экономики. В некоторых из них произошло значительное сокращение как объема выпуска, так и численности занятых (например, наибольшие потери понесли ретейлеры, а также производители промышленных товаров и товаров народного потребления, не относящихся к продуктам питания [15]). В других наблюдался интенсивный рост (цифровой сектор, производство товаров медицинского назначения и т. д.)[4]. Некоторые показатели состояния российской экономики в период кризиса, вызванного пандемией коронавируса, представлены в таблице 2[5].

С одной стороны, данные демонстрируют рецессионные проявления в основных секторах российской экономики и структуре занятости. Объем выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в 2020 г. сократился относительно 2019 г. на 4,6 %. В то же время можно заметить, что спад в российской промышленности в период пандемии был относительно небольшим. Это может быть следствием взаимосвязи с государством крупных отраслеобразующих и стратегически важных предприятий через систему госзаказа или в силу структуры собственности. Для данных предприятий проблема падения потребительского спроса является не столь решающей, как для независимого бизнеса. Так как российские отрасли промышленности относительно слабо вовлечены в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, в периоды глобальной турбулентности и общемировой рецессии такое положение дел дает положительный эффект. Значительную долю в структуре российской экономики занимает промышленность, предприятия которой продолжили работать в непрерывном режиме даже в период эпидемиологических ограничений, что позволило им поддержать объемы выпуска и не допустить тотального сокращения [17].

С другой стороны, пандемия стала своеобразным катализатором давно назревавших структурных сдвигов[6]. Это относится, в частности, к ускорению

[2] Доклад руководителя Федеральной службы по труду и занятости Ю. Герция на расширенном заседании Коллегии Федеральной службы по труду и занятости. *Ohranatruda.ru*. URL: https://ohranatruda.ru/news/899/147436/ (дата обращения: 18.01.2023).

[3] Preparing for large-scale community transmission of COVID-19. Guidance for countries and areas in the WHO Western Pacific Region. URL: https://apps.who.int/iris/rest/bitstreams/1296754/retrieve (accessed 12 Nov 2022).

[4] Исследование влияния пандемии COVID-19 на российский бизнес. *РБК*. URL: https://aebrus.ru/upload/iblock/e64/RBK_Issledovanie_vliyaniya_pandemii_COVID_19_na_rossiyskiy_biznes.pdf (дата обращения: 07.01.2023).

[5] Эффективность экономики России…

[6] Алексеева-Карневали О. Точка инфлексии: Мир после пандемии COVID-19. *Российский Совет по международным делам*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/tochka-infleksii-mir-posle-pandemii-covid-19/?sphrase_id=100634553 (дата обращения: 07.01.2023).

Табл. 2. Показатели развития российской экономики в период кризиса 2019–2020 гг., % к предыдущему году
Tab. 2. Indicators of the Russian economy development during the turbulence of 2019–2020, % against the previous year

Показатель	2019	2020	Изменение
ВВП	102,00	96,90	–5,00
Внешнеторговый оборот (по платежному балансу)	97,40	84,70	–13,00
Цены на нефть	64,03	42,30	–33,90
Инвестиции в основной капитал	102,10	98,60	–3,40
Потребительский спрос	103,20	91,40	–11,40
Оборот розничной торговли	101,90	95,90	–5,90
Платные услуги населению	100,50	82,70	–17,70
Выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности	102,00	97,30	–4,60
Промышленность	103,40	97,10	–6,10
Добыча полезных ископаемых	103,40	93,00	–10,10
Обрабатывающее производство	103,60	100,30	–3,20
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование	99,20	97,50	–1,70
Сельское хозяйство	104,30	101,50	–2,70
Строительство	102,10	100,10	–2,00
Транспорт	100,70	95,10	–5,60
Реальные располагаемые доходы населения	101,00	96,50	–4,50
Реальная начисленная заработная плата	104,80	102,50	–2,20
Численность занятых	99,20	98,10	–1,10
Уровень безработицы	4,60	5,80	+26,10
Индекс потребительских цен	103,00	104,90	+1,84

процессов цифрового развития в странах, где цифровизация осуществлялась фрагментарно или с отставанием. Некоторые эксперты считают, что в период пандемии цифровизация глобальной экономики ускорилась в 10 раз. Также они отмечают пролонгированный эффект ускорения, выражающийся в виде развития креативных идей и снятия ограничений для свободной торговли по всему миру[7]. Цифровые технологии позволили осуществить массовый переход предприятий на удаленный формат работы и тем самым поддержать их в период жестких санитарных ограничений. Более конкурентоспособные предприятия в период кризиса сделали акцент на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры. Это позволило им не только сохранить кадровый состав, но и повысить лояльность, вовлеченность и удовлетворенность сотрудников, оптимизировать уровень оплаты труда и обеспечить мотивацию сотрудников в период пандемии.

Результатом ускорения цифровизации в России стал рост рынка электронной коммерции на 22 %[8]. В исследуемый период произошло изменение потребительского поведения: от приобретения товаров для здоровья и средств индивидуальной защиты в дистанционном формате к онлайн-покупкам товаров с длительным сроком хранения, а в дальнейшем к регулярному использованию инструментов электронной коммерции в ежедневной жизни. Рост онлайн-продаж относится, в первую очередь, к группе товаров для повседневного потребления и ведения домашнего хозяйства[9]. Таким образом, кризис, вызванный пандемией, стал показательным

[7] COVID-19 – Срез потребительских настроений №1: Российские потребители – новая реальность. Результаты исследования потребительских настроений, апрель 2020 г. URL: https://media.rspp.ru/document/1/d/9/d9dd1f7c40378322e67ec0e581b98b30.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

[8] Forecast e-commerce market growth in Russia influenced by the coronavirus (COVID-19) pandemic from 2020 to 2024. *Statista*. URL: https://www.statista.com/statistics/1140733/russia-forecasted-e-commerce-market-growth-under-covid-19-scenario/ (accessed 8 Nov 2023).

[9] Лола И. С., Бакеев М. Б. Пульс мирового рынка электронной коммерции в условиях пандемии COVID-19. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/382906227.pdf (дата обращения: 07.01.2023).

с точки зрения исключительной важности цифрового сектора для дальнейшего развития экономики. Также выявилась необходимость преодоления проблемы доступа малых предприятий, продавцов и потребителей к возможностям, предоставляемым электронной коммерцией.

В 2020–2021 гг. обострилась конкуренция не только между предприятиями сектора цифровых технологий и онлайн-услуг, но и сферы медицины и «зеленой» экономики. Так, реактуализации подверглись вопросы обеспечения устойчивого развития, в том числе за счет многократного роста объема товаров медицинского назначения и защитного оборудования. В частности, только в США в 2020 г. было выпущено 166 млрд масок (тогда как в 2019 г. – 1 млрд)[10]. В 2020–2021 гг. появились новые тенденции во взаимодействии предприятий с потребителями [18]. Предприятия стали выстраивать производственные, транспортные, инфраструктурные, логистические модели, ориентируясь на конкретного потребителя и непрерывно изучая изменение его предпочтений. Требование повышения долгосрочной лояльности стало ориентиром для производственного поведения предприятий. Отсюда и появление новых трендов в коммуникации по линии *производитель-потребитель*, таких как даунсайзинг (уменьшение размера упаковки для снижения стоимости продукта), установление платежеспособного спроса на товары-новинки [19].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кризис в экономике может иметь как негативные, так и позитивные последствия. При этом для получения организацией выгод от кризиса необходимо определять риски и слабые стороны, нуждающиеся в защите, оценивать появляющиеся новые возможности, которыми надо суметь воспользоваться [20].

Для адаптации предприятий к кризисным явлениям следует пересмотреть подходы к модели принятия управленческих решений. При ее построении следует учитывать, что кризисные явления способствуют обострению внутренних факторов риска организации, которые приводят к снижению экономической активности и последующему банкротству [21]. В случае укрепления внутреннего потенциала организации и выявления новых векторов ее развития, формируется надежная защита от проявлений внешней нестабильности.

Среди факторов риска со стороны внутреннего потенциала организации, которые в условиях кризиса будут снижать эффективность управленческих решений, можно выделить следующие:

1. Производственные – усугубляющийся дефицит ресурсов; увеличение скорости материальных, финансовых и информационных потоков; несоответствие качественных характеристик трудовых ресурсов особенностям производственного процесса в организации; высокий уровень износа основных средств; низкая инновационная активность организации;

2. Непроизводственные – низкий уровень развития цифровой инфраструктуры организации; низкий уровень цифровой грамотности персонала; неэффективный производственный менеджмент; нарушение внутриорганизационного взаимодействия; разбалансированная система организации труда; отсутствие системы развития персонала организации; нехватка финансовых ресурсов.

Конкурентоспособность и устойчивое развитие организаций в условиях нестабильности определяются их способностью к адаптации, гибкостью, скоростью реагирования на изменения и инновации [7]. По мнению авторов, оптимальным вариантом модели принятия управленческих решений в условиях нестабильности и воздействия кризисов является модель, включающая:

- регулярный мониторинг сигналов рынка, позволяющий оперативно реагировать на изменения внешней среды (информация об изменении эпидемиологической обстановки, нововведения в части реализации мер государственной политики, изменения в законодательстве, послабления в налоговом регулировании, информация об успешной реализации проектов в новых отраслях и сферах деятельности, потребительские предпочтения и т. д.);
- оценка внешних факторов риска и возможных последствий их реализации (сокращение рынков сбыта, нарушение логистических цепочек, снижение объемов продаж, утрата конкурентных преимуществ, потеря занимаемой ниши на рынке, утрата доверия потребителей и т. д.);
- анализ возникающих угроз для внутреннего потенциала организации (сокращение персонала организации, сокращение производственных мощностей, отставание в уровне цифрового, технологического и инновационного развития и т. д.);
- оценка новых возможностей развития организации и определение направлений укрепления ее внутреннего потенциала (сохранение существующей ниши; диверсификация деятельности в рамках существующей ниши, прежде всего за счет реализации цифровых решений;

[10] Covid-19 has led to a pandemic of plastic pollution. *The Economist*. URL: https://www.economist.com/international/2020/06/22/covid-19-has-led-to-a-pandemic-of-plastic-pollution (accessed 10 Nov 2023).

изменение продуктовой линии или сферы деятельности организации в соответствии с потребностями рынка);

- оперативная корректировка целей и задач на краткосрочную перспективу с учетом произошедших изменений (рис.).

У каждой организации есть возможность укрепления своего внутреннего потенциала. Однако самой распространенной моделью принятия управленческих решений в условиях нестабильности остается сокращение расходов. Модель предполагает снижение объема закупок, сокращение оплаты труда персонала или частичное увольнение сотрудников, оптимизацию бюджетов на маркетинг и рекламу и т.д. Именно такие меры в предлагаемой модели будут называться реактивными. Однако из-за неопределенности временных горизонтов пандемии и невозможности их прогнозирования, эффективность реактивных мер может оказаться низкой и в конечном итоге привести к полному разрушению организации.

При отсутствии высокого уровня риска предлагаемая модель позволяет сделать акцент на реализации комплекса мер по укреплению внутреннего потенциала организации: сохранение и развитие кадрового потенциала организации; развитие цифровой инфраструктуры организации и выстраивание системы коммуникации; стимулирование инновационной активности организации.

Период кризиса часто высвобождает скрытый потребительский спрос, в результате чего могут возникать новые сферы деятельности и развиваться целые отрасли. Если организации готовы к переменам, они могут приступить к анализу возможностей и реализовать стратегию создания нового продукта, расширив рынки сбыта, ассортимент выпускаемой продукции и обеспечив себе конкурентное преимущество и возможности будущего роста.

Практическим примером внедрения такой модели принятия управленческих решений в период кризиса является запуск онлайн-курсов по психологической адаптации. Это стало ответом организаций на вызовы времени и позволило сохранить занимаемую нишу.

Другим примером реализации модели является создание онлайн-тренингов по йоге фитнес-клубами, что представляет собой диверсификацию основной деятельности, расширение каналов сбыта за счет использования цифровых инструментов, адаптацию под изменяющиеся потребительские предпочтения. В период пандемии возникла проблема отсутствия или низкой обеспеченности расходными медицинскими материалами и оборудованием. Наиболее адаптивные предприятия смогли осуществить выход в пространство нового зарождающегося сегмента рынка. Оперативно скорректировав реализуемую стратегию, организации смогли запустить проекты по производству и утилизации медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты, а также оказанию нового спектра медицинских услуг. Такой вариант модели принятия управленческих решений помог повернуть кризисную ситуацию в пользу организации.

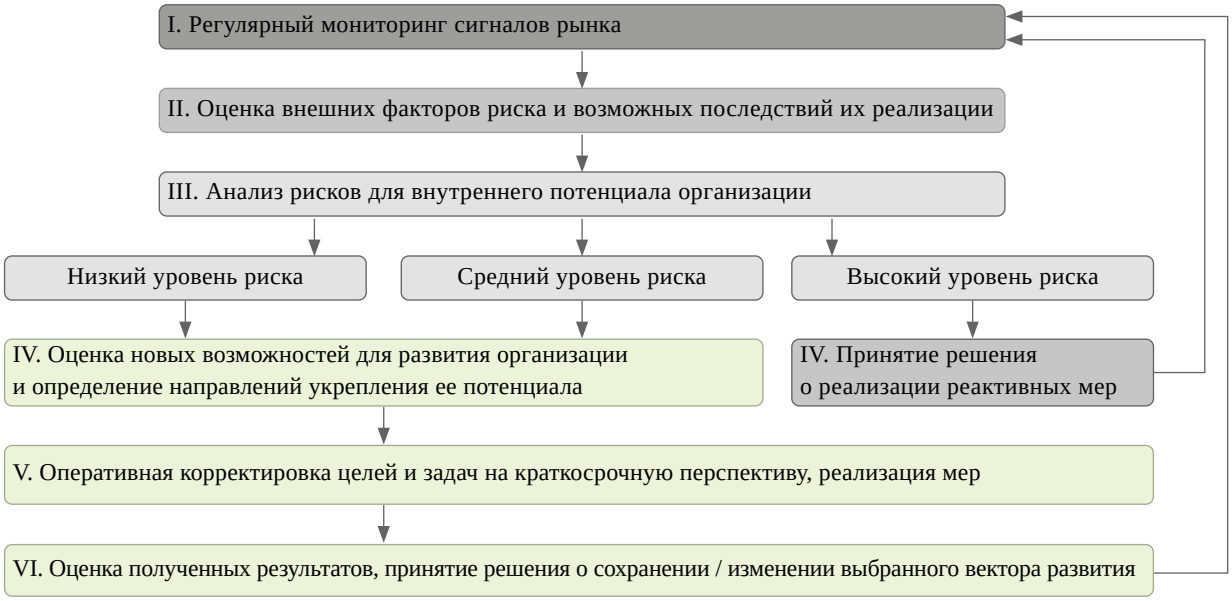


Рис. Модель принятия управленческих решений в организации в условиях нестабильности внешней среды
Fig. Model of managerial decision-making in an organization under turbulent external conditions

Заключение

В исследовании выявлены особенности воздействия экономических кризисов на организации, предложена модель принятия управленческих решений, обеспечивающая адаптацию к вызовам внешней среды в долгосрочном периоде. Авторы проанализировали особенности двух наиболее сложных кризисных периодов и используемые российскими компаниями модели принятия управленческих решений.

Экономический кризис может иметь как негативные, так и позитивные последствия. Нестабильность внешней среды обостряет внутренние факторы риска организации. Авторы систематизировали факторы риска и обосновали целесообразность реализации модели принятия управленческих решений, обеспечивающей адаптацию организации к вызовам среды и устойчивость ее развития в период кризиса.

В основе модели лежит регулярный мониторинг сигналов рынка; оценка внешних факторов риска и возможных последствий их реализации; анализ возникающих угроз для внутреннего потенциала; оценка новых возможностей для развития и определение направлений укрепления внутреннего потенциала; оперативная корректировка целей и задач.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Ф. Бейлина – научное руководство проектом, формирование методологии исследования. Н. В. Зинченко – сбор статистических данных и проведение экономического анализа. Г. Р. Нигматуллина – анализ собранных данных, визуальное представление полученных результатов. С. В. Ахтемьянова – верстка материала, редактирование текста статьи.

Contribution: A. F. Beilina provided scientific guidance, formulated the research methodology. N. V. Zinchenko collected statistical data and performed economic analysis. G. R. Nigmatullina analyzed the collected data, created visual representation of the results. S. V. Akhtemianova edited the text and the layout of the article.

Литература / References

1. McNally D. Turbulence in the world economy. *Monthly review*, 1999, 51(2): 38–52. https://doi.org/10.14452/MR-051-02-1999-06_6
2. Brenner R. *The economics of global turbulence*. Verso, 2006, 369.
3. Полулях Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка. *Политическая наука*. 2017. № S. С. 245–260. [Polulyakh D. S. Turbulence as a characteristic of contemporary world order. *Political science*, 2017, (S): 245–260. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yvwabq
4. Гладков Н. И. Стратегическое управление в условиях неопределенности и высокой турбулентности. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 6. С. 47–49. [Gladkov N. I. Strategic management in conditions of uncertainty and high turbulence. *Economy and business: theory and practice*, 2018, (6): 47–49. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xtjnsx
5. Журавлёва Г. П., Манохина Н. В. Новые правила игры в условиях экономической турбулентности. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2013. № 5. С. 23–28. [Zhuravleva G. P., Manokhina N. V. New rules of the game in conditions of economic turbulence. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2013, (5): 23–28. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sacarh
6. Rosenau J. N. Many damn things simultaneously – at least for awhile: complexity theory and world affairs. *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, 1999, (94): 48–66.
7. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Zh. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy*. Springer, Cham, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
8. Ward J. D., Sutton P. C., Werner A. D., Costanza R., Mohr S. H., Simmons C. T. Is decoupling GDP growth from environmental impact possible? *PLoS One*, 2016, 11(10). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0164733
9. Коновалова М. Е., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Родин А. Ю. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 4. С. 10–24. [Konovalova M. E., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Rodin A. Yu. Structural analysis of the causes and consequences of global crises (on the example of G7 countries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(4): 10–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-10-24

10. Варшавская Е. Я. Российский рынок труда и экономический кризис 2008–2009 гг.: время упущенных возможностей? *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2012. № 3. С. 91–97. [Varshavskaya E. Ya. Russian labor market and economic crisis 2008–2009: is it the time of missed opportunities? *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2012, (3): 91–97. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pgplex
11. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *Imitation market modeling in digital economy: game theoretic approaches*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "New behaviors of market players in the digital economy", Moscow, 8 Jul 2021. Springer, 2022, vol. 368, 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
12. Бугаенко Р. А. Влияние COVID-19 на государственно-частное партнёрство. *Вопросы устойчивого развития общества*. 2020. № 3-2. С. 623–627. [Bugaenko R. A. Influence of covid-19 on state-private partnership. *Voprosy ustoichivogo razvitiia obshchestva*, 2020, (3-2): 623–627. (In Russ.)] https://doi.org/10.34755/IROK.2020.49.75.116
13. Karpunina E. K., Moskovtceva L. V., Zabelina O. V., Zubareva N. N., Tsykora A. V. Socio-economic impact of the COVID-19 pandemic on OECD countries. *Research in Economic Anthropology*, 2022, 42: 103–114. https://doi.org/10.1108/S0190-128120220000042011
14. Кранов С. Е. Антикризисные меры компаний, находящихся на карантине (COVID-19). *Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности*: XI Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29–30 октября 2020 г.) Воронеж, 2020. С. 370–372. [Kranov S. E. Anticrisis measures of quarantined companies (COVID-19). *Anthropocentric sciences: innovative view on education and personal development*: Proc. XI Intern. Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 29–30 Oct 2020. Voronezh, 2020, 370–372. (In Russ.)]
15. Шеремет А. Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2020. № 4. С. 136–141. [Sheremet A. N. Pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2020, (4): 136–141. (In Russ.)] https://elibrary.ru/falkno
16. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 5. С. 1337–1350. [Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2020, 10(5): 1337–1350. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110126
17. Изряднова О. И. Раздел 4. Реальный сектор экономики. *Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы*. Вып. 42. М.: Институт Гайдара, 2021. С. 213–413. [Izryadnova O. I. Section 4. Real Sector of the Economy. *Russian economy in 2020. Trends and prospects*, iss. 42. Moscow: Gaidar Institute, 2021, 213–413. (In Russ.)]
18. Юлдашева О. У., Наумов В. Н., Шубаева В. Г. Интегрированная модель покупательского пути при совершении онлайн-покупок. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2020. № 1. С. 56–61. [Yuldasheva O. U., Naumov V. N., Shubaeva V. G. Integrated model of the purchasing path when making online purchases. *Marketing i marketingovye issledovania*, 2020, (1): 56–61. (In Russ.)] https://elibrary.ru/opvomu
19. Karpunin K. D., Magomaev T. R., Veselova N. Y., Zubareva N. N., Kapustin P. P. Digital technologies for the development of marketing communications. *Imitation market modeling in digital economy: game theoretic approaches*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "New behaviors of market players in the digital economy", Moscow, 8 Jul 2021. Springer, 2022, vol. 368, 246–256. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_28
20. Щетинина Е. Д., Кучерявенко С. А., Климова Т. Б., Коннова А. В. Система факторов и причин возникновения турбулентности как меры хаотичности и неопределенности развития экономики. *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова*. 2016. № 7. С. 203–209. [Shchetinina E. D., Kucheryavenko S. A., Klimova T. B., Konnova A. V. System of factors and causes of turbulence as a measure of chaotic and uncertainty of economic development. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2016, (7): 203–209. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wbvzev
21. Старикова М. С., Пономарева Т. Н., Растопчина Ю. Л. Инструментарий оценки турбулентности внешней среды предприятия. *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова*. 2017. № 7. С. 187–193. [Starikova M. S., Ponomareva T. N., Rastopchina Yu. L. Tools for assessing the turbulence of the external environment of the enterprise. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2017, (7): 187–193. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_5940f01b1c4e61.66789404

© 2023. Korobeynikova O. M., Panova N. S., Shemet E. S.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Современные тренды российского финтеха

Коробейникова Ольга Михайловна
Волгоградский государственный технический университет, Россия, Волгоград
https://orcid.org/0000-0002-6506-8087
korobeinikov77@yandex.ru

Шемет Екатерина Сергеевна
Волгоградский государственный аграрный университет, Россия, Волгоград
https://orcid.org/0000-0003-1710-5100

Панова Наталья Сергеевна
Волгоградский государственный аграрный университет, Россия, Волгоград
https://orcid.org/0009-0004-7157-9053

Поступила 11.03.2023. Принята после рецензирования 25.04.2023. Принята в печать 18.05.2023.

Аннотация: Финтех является драйвером цифровой экономики и прогрессивных изменений в динамике социально-экономического развития, что подтверждается приверженностью ведущих российских и зарубежных компаний цифровым бизнес-моделям. В условиях нарастания неопределенностей внешней среды и санкционного давления на финансовый сектор особый интерес представляет оценка современных трендов финтеха и его суверенных перспектив. Цель – выявить текущие тренды и перспективы развития российского финтеха с учетом изменений внешней и внутренней среды. Предмет – тенденции развития российского финтеха. В работе использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Банка России, экспертные данные. Для оценки эмпирических данных использованы статистические и аналитические методы обработки данных. До 2022 г. рынок финтех в России выступал лидером в привлечении венчурного финансирования. В текущем развитии российского финтех-рынка выделено три волны рыночных шоков и показана четкая тенденция: каждый последующий шок преодолевается гораздо быстрее предыдущего, что указывает на присущую финтех-компаниям адаптивность к условиям внешней среды. В статье выделены взаимосвязанные тренды в сферах бизнеса, информационно-коммуникационных технологий и финтеха, характерные для современной российской экономики. Несмотря на высокую волатильность текущего периода и неопределенности перспектив национальной экономики, с точки зрения развития финтех-решений Россия остается конкурентоспособной, а развитие суверенных технологий и сервисов участниками IT- и финансового рынков при преференциальном регулировании со стороны Банка России представляется реальным и практически реализуемым.

Ключевые слова: финтех, цифровая экономика, финансы, инновации, финансовые сервисы, бизнес, электронная коммерция, банки

Цитирование: Коробейникова О. М., Панова Н. С., Шемет Е. С. Современные тренды российского финтеха. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 170–177. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-170-177

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Modern Trends in Russian Fintech

Olga M. Korobeynikova
Volgograd State Technical University, Russia, Volgograd
https://orcid.org/0000-0002-6506-8087
korobeinikov77@yandex.ru

Ekaterina S. Shemet
Volgograd State Agricultural University, Russia, Volgograd
https://orcid.org/0000-0003-1710-5100

Natalya S. Panova
Volgograd State Agricultural University, Russia, Volgograd
https://orcid.org/0009-0004-7157-9053

Received 11 Mar 2023. Accepted after peer review 25 Apr 2023. Accepted for publication 18 May 2023.

Abstract: Commitment of leading Russian and foreign companies to digital business models confirms that fintech is a driver for the digital economy and socio-economic development. Under growing exogenous uncertainties and

sanctions to the financial sector, assessing the current trends and prospects in fintech is of particular interest. The article uses statistical and analytical methods to evaluate the empirical data, gathered by the Federal State Statistics Service, the Bank of Russia, and different experts. Until 2022, the fintech market in Russia was the leader in attracting venture capital funding. The authors identified three waves of market shocks in the current development of the Russian fintech market. Fintech companies overcome each subsequent shock much faster than the previous one, which indicates a high inherent adaptability. The article highlights trends in business, fintech, information and communication technologies, typical for the modern Russian economy. Despite the high volatility of the current period, in terms of the fintech solutions development Russia remains competitive. The development of independent technologies and services by the IT and financial markets, preferentially regulated by the Bank of Russia, seems feasible and viable.
Keywords: fintech, digital economy, finance, innovation, financial services, business, e-commerce, banks

Citation: Korobeynikova O. M., Panova N. S., Shemet E. S. Modern Trends in Russian Fintech. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 170–177. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-170-177

Введение

Цифровая экономика положила начало созданию инфраструктурных, организационных, информационно-технологических, социально-психологических условий для масштабной цифровой трансформации [1]. Ответом на необходимость цифровизации как предпосылки укрепления конкурентных позиций на рынках присутствия и перспективных цифровых рынках стало создание финтех-компаний [2]. Цифровая трансформация стала общемировым трендом, который согласно отчету AppDynamics «Agents of Transformation 2021: The Rise of Full-Stack Observability» с 2019 г. ускорился в три раза[1].

В научной плоскости финтех является новым научным междисциплинарным направлением, в котором пересекаются теоретико-методологические подходы экономики, инноватики, финансов, финансового менеджмента, информационно-коммуникационных, социологических, психологических наук, права. В практической плоскости финтех представляет из себя совокупность финансовых институтов, использующих в своей деятельности современные инновационные методы, методики, инструменты, технологии. Накопленный зарубежный и российский практический опыт показывает, что отрасль финтех является драйвером цифровой экономики и прогрессивных социально-экономических изменений, что подтверждается приверженностью ведущих российских и зарубежных компаний цифровым бизнес-моделям [3]. Но зачастую традиционные теоретические понятия слабо верифицируются финтех-компаниями и не согласуются с практическими результатами деятельности инновационных компаний [4]. Возникают закономерные и неоднозначные вопросы с позиции разных наук, а также изменившейся геополитической реальности:

- можно ли рассматривать российский финтех обособленно от глобального финтеха и будет ли жизнеспособен суверенный финтех;
- какую роль может сыграть финтех в социально-экономическом развитии страны, обеспечении ее суверенитета и преодолении экономических санкций;
- какие риски для экономики и общества может нести активизация применения / замедление внедрения fintech-инноваций?

Эти и другие возникающие вопросы требуют не только научного обоснования применительно к разным областям и сферам, но и исследования практики развития российского финтеха. В условиях нарастания неопределенностей внешней среды и санкционного давления на финансовый сектор особый интерес представляет оценка современных трендов финтеха и его суверенных перспектив.

Объектом исследования являются российская отрасль финтеха и ее участники. Предметом выступают тенденции развития российского финтеха. Цель – выявить текущие тренды и перспективы развития российского финтеха с учетом изменений внешней и внутренней среды.

Вопросы теории и методологии финансовых рынков, цифровых финансовых сервисов, цифровой финансовой инфраструктуры рассматривали многие российские ученые и практики: А. В. Бабкин и др. [5], Ю. И. Коробов [6], T. N. Yudina [7], S. K. Volkov et al. [8] и др. Финансовые технологии как самостоятельное направление научных исследований изучали О. Ю. Свиридова, И. В. Некрасова [9], А. В. Батаев [10], M. S. Bali et al. [11], A. Lohachab et al. [12] и др. Отраслевые аспекты инноватизации финансового и других рынков разрабатывали

[1] Agents of transformation 2021: The rise of full-stack observability. *AppDynamics*. URL: https://appdynamics-wem.cisco.com/resources/reports/rise-of-full-stack-observability (accessed 27 Jan 2023).

О. Е. Акимова и С. К. Волков [13], О. М. Коробейникова и др. [14], А. В. Бабкин [15], B. Ramdani et al. [16] и др. Анализ трудов современных зарубежных ученых показал, что финансовым инновациям и финансовым технологиям посвящены исследования P. Masiukiewicz и P. Dec [17], M. G. Jacobides et al. [18], M. Feng и H. Guo [19], M. Elmquist et al. [20], S. C. Valverde и F. R. Fernández [21], M. Crouhy et al. [22] и др.

Систематизация накопленных знаний и комплексный подход представляются нам рациональными в качестве основы исследования. С одной стороны, при разработке темы требуется анализ трудов зарубежных исследователей и опыта глобальных участников финтех-рынка, с другой стороны, существует национальная специфика функционирования финтех-отрасли и ее нормативного урегулирования [23], а также практического применения финтех-инноваций, что обуславливает ориентацию на исследования отечественных ученых. Кроме того, отдельные финтех-инновации реализуются только в практике бигтехов, в российских условиях они применимы только для крупнейших и крупных участников финансового рынка – банков, страховых организаций, инвестиционных фондов [24].

Для достижения цели исследования использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Банка России о состоянии российского финтеха, а также экспертные данные. Для их оценки использованы статистические и аналитические методы обработки данных.

Результаты

Структура современного российского финтеха

Финтех рассматривается как система предоставления финансовых услуг и сервисов с использованием инновационных (сквозных цифровых) технологий[2]. В цифровой экономике это технологии обработки больших данных (Big Data), облачные технологии, роботизация, искусственный интеллект и машинное обучение, блокчейн, биометрия и другие технологии.

Российский рынок финтеха разделен на два сегмента, представленных финтех-компаниями, специализирующимися по основным направлениям деятельности:

1. Финтех-сервисы для частных и корпоративных клиентов, оказывающие услуги конечным потребителям в сферах цифрового банкинга (необанкинг), денежных переводов и электронных кошельков, альтернативного кредитования, бесшовной среды финансовых и бизнес-решений, открытых экосистем и маркетплейсов, криптовалюты и цифровых активов.

2. Инфраструктурные финтех-компании, предлагающие инфраструктурные решения, т. е. такие решения и сервисы, на основе которых возможно предоставление банковских услуг; создание и управление платформами хранения, обработки и защиты данных, в т. ч. персональных; телекоммуникации и готовые бизнес-решения.

Финтех-компании на российском рынке создаются либо как структурные подразделения крупных финансовых компаний в рамках собственных открытых или закрытых экосистем [14] либо как самостоятельные стартапы. Например, наиболее перспективные с точки зрения жизнеспособности стартапы, появившиеся в 2022 г. в России:

- Blanc – инновационный банк для предпринимателей с кастомными тарифами и учетом денежных потоков вместо расчетных счетов;
- PlatiGolosom – финтех-сервис платежей на базе эквайринговой платформы PayAnyWay с помощью голосовых ассистентов;
- Кошелёк.ру – Мобильное приложение и телеграм-бот для операций купли-продажи криптовалюты, обменных и депозитных операций с криптовалютой;
- Refin Online – финтех-сервис сравнения, онлайн-оформления и рефинансирования ипотечных кредитов по 28 банкам-партнерам;
- Payselection – финтех-сервис приема онлайн-платежей с каскадной моделью, когда за одну транзакцию отвечает большое количество банков;
- Ur-Li – сервис помощи предпринимателям по возврату долгов и устранению налоговых рисков с использованием искусственного интеллекта;
- MoneyGold – финтех-сервис онлайн-продажи и переработки золота с экспертной оценкой по фото и доставкой.

Логичным представляется разделить развитие финтех-отраслей на два этапа: финтех 1.0 (этап завершенный) и финтех 2.0 (этап текущий). На этапе финтех 1.0 присутствовала значительная активность и оптимизм инвесторов, которые были готовы предоставить венчурный капитал на самых привлекательных условиях, несмотря на риски. Текущий этап финтех 2.0 характеризуется тем, что на рынке преимущественно остаются лидеры в своих категориях. Можно прогнозировать, что в будущем отрасль пройдет через стадию консолидации и укрупнения участников рынка, а небольшие компании либо уйдут с рынка либо будут поглощены более крупными представителями отрасли. Ключевой предпосылкой для рыночного успеха будет способность и потенциал финтех-компании к масштабированию бизнеса и, как следствие, к монетизации сервисов

[2] Развитие финансовых технологий. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/fintech/ (дата обращения: 27.01.2023).

и генерированию денежных потоков. В отличие от периода финтех 1.0, на втором этапе бизнес-идея, несмотря на ее оценочную перспективность, окажется бесперспективной без возможности ее масштабирования. Таким образом, на этапе финтех 2.0 на смену количественного характера экспансии пришла качественная экспансия.

Динамика российского финтеха

Динамика российского финтеха определяется главным образом уровнем инвестиций в отрасль. Рассматривая российский рынок венчурных инвестиций, отметим высокую динамику сегмента финтех до 2022 г. По данным исследования аналитической компании Dsight «Венчурная Россия: итоги 2021 года»[3], общий объем венчурных инвестиций в России в 2021 г. вырос в 3,5 раза по сравнению с 2020 г. и составил $2,4 млрд, в т. ч. рост по стадиям: посевной – в 3 раза до $0,7 млн, зрелости – в 2,8 раза до $109,4 млн, экспансии – в 2,1 раза до $17,3 млн (табл.).

В 2021 г. на российском венчурном рынке состоялось 311 сделок, почти половина из которых была профинансирована иностранными и российскими частными фондами. Объем инвестиций от российских частных фондов в 2021 г. составил $1,2 млрд (рост в 5 раз по сравнению с 2020 г.), инвестиций от иностранных фондов в 2021 г. составил $645 млн (рост в 6 раз по сравнению с 2020 г.)[4]. Рынок финтеха является наиболее привлекательным сегментом венчурного финансирования, на что указывают объемы привлеченных в 2021 г. инвестиций: рынок финтеха – $395 млн; транспорт и логистика – $308 млн; сектор развлечений – $281 млн.

Табл. Динамика российского рынка венчурных инвестиций
Tab. Dynamics of the Russian venture capital market

Показатели	2020	2021	Прирост за период, раз
Общий объем венчурных инвестиций, млрд долл. США	0,68	2,40	3,50
В т. ч. по стадиям, млн долл. США:			
Посевная стадия	0,23	0,70	3,00
Стадия зрелости	39,07	109,40	2,80
Стадия экспансии	8,24	17,30	2,10
В т. ч. по фондам, млн долл. США:			
Российские частные фонды	240,00	1200,00	5,00
Иностранные фонды	107,50	645,00	6,00

Половину всех венчурных инвестиций 2021 г. обеспечили сделки размером более $100 млн, а крупнейшей сделкой 2021 г. стало привлечение $298 млн сервисом для торговли на бирже TradingView. Помимо этого сервиса крупнейшее финансирование получили: онлайн-кинотеатр Иви, компания в сфере кибербезопасности Acronis, сервис для пассажирских перевозок InDriver, производитель графеновых нанотрубок OCSiAl и система управления базами данных ClickHouse. Одним из наиболее активных инвесторов по количеству сделок в 2021 г. был фонд Baring Vostok. С февраля 2022 г. динамика венчурного рынка и рынка финтех изменилась из-за ухода иностранных компаний.

Рыночные шоки и их преодоление в российском финтехе

Российский финтех в последние годы развивался в беспрецедентных условиях перманентных шоков. Однако они не всегда действовали деструктивно. Первая волна шоков – кризис 2020–2021 гг., вызванный пандемией COVID-19, риски которого в финсекторе были не только преодолены и нивелированы, но и дали импульс развитию. Эксперты отрасли прогнозировали дальнейший активный рост рынка и реализацию наметившихся на рынке трендов по кратному росту финтеха, но сложившаяся геополитическая ситуация спровоцировала новую волну рыночных шоков, которая изменила качественную динамику финтеха.

Во время второй волны шоков с российского рынка стали уходить иностранные товарные бренды (IKEA, Uniqlo и др.), платежные финтех-сервисы (Apple Pay, Google Pay), международные платежные системы (Visa, Mastercard). Западные площадки закрыли возможности монетизации и рекламы для российских потребителей. Для преодоления шоков освободившуюся нишу рынка заняли уже готовые к подобному исходу российские финтех-компании и сервисы – Система быстрых платежей (СБП), Национальная система платежных карт (карты «Мир»), сервисы Yandex Pay, Tinkoff Pay. Возможности по рекламированию и монетизации контента переместились на национальные площадки и онлайн-сервисы (ВКонтакте, Telegram, онлайн-сервисы для чаевых и донатов). Российские участники финтех-рынка не только получили возможности заместить ушедших с рынка зарубежных

[3] Dsight. Венчурная Россия: итоги 2021 года. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EtoROLZsbbU (дата обращения: 16.01.2023).

[4] Российский венчурный рынок привлек рекордные $2,4 млрд инвестиций по итогам 2021 года. *RB.ru*. https://rb.ru/news/vc-market-russia-record/ (дата обращения: 16.01.2023).

участников, но и существенно улучшили собственные финтех-решения (от технических доработок до улучшения логистики: dark store, dark kitchen, расширение географии доставки и т. д.). Драйверами роста рынка финтех-сервисов стали потребительские сервисы доставки продуктов и товаров первой необходимости, готовой еды, а также онлайн-продажа аптечных товаров; вырос спрос на образовательные, юридические и иные онлайн-услуги.

Третья волна шоков на рынке финтеха связана с частичной мобилизацией военнообязанных сотрудников IT-компаний в сентябре 2022 г. Рынок среагировал на вызовы максимально быстро: часть персонала IT-отрасли получила право на отсрочку от мобилизации, часть была привлечена на удаленные работы, но определенная доля сотрудников безвозвратно (в текущем периоде) покинула российскую финтех-отрасль, что, безусловно, негативно отразится на ее динамике и перспективах.

На наш взгляд, на российском финтех-рынке прослеживается четкая тенденция: каждый последующий шок преодолевается гораздо быстрее предыдущего, что указывает на имманентно присущую финтех-компаниям адаптивность к условиям внешней среды. В ответ на любой внешний вызов финтех-рынок вырабатывает своевременный ответ и адекватную реакцию.

Тренды и перспективные направления российского финтеха

Мы оценили и ранжировали тренды с точки зрения потребностей пользователей услуг финансового рынка, выделили уникальные тенденции, присущие российскому финансовому рынку с учетом новых экономических реалий в международных отношениях. В целом как мы считаем, тренды российского финансового рынка совпадают и во многом будут совпадать с глобальными трендами, но из-за санкционного давления вопросы технологического суверенитета и необходимости создания стабильного механизма трансграничных транзакций будут иметь более высокий приоритет, чем в других странах. Проблемам российского технологического суверенитета в последнее время уделяется все большее внимание. Появился термин *техноэкономика*, под которым понимается «перенос части функций институтов на цифровые платформы, ускоренная платформизация экономики»[5], что по умолчанию подразумевает развитие финтех-платформ и финтех-сервисов.

При рассмотрении трендов учитывались как источники теоретических научных направлений, так и практикоориентированные источники, а также официальные прогнозы специалистов Банка России. Так, Ассоциация ФинТех проанализировала и выделила три десятка взаимопересекающихся трендов в сфере бизнеса, информационно-коммуникационных технологий и финтеха[6].

Перспективными трендами в сфере финансового бизнеса названы новые подходы к созданию цифровых продуктов, построению процессов и взаимодействию с клиентами. Клиентоориентированность бизнеса начала формироваться в устойчивый тренд уже несколько лет назад, когда широкую количественную экспансию финансовых сервисов сменила тактика качественного развития финансовых услуг в интересах конечного потребителя. С учетом расширяющихся технологических возможностей бизнеса клиентоориентированность является, перспективным направлением развития за счет создания цифровых продуктов, построения процессов и взаимодействия с клиентами. Так, ведущими бизнес-целями Ассоциация ФинТех считает: клиентоцентричность, иммерсивный клиентский опыт; персонализацию продуктов и сервисов; компонуемый бизнес; развитие экосистем и бигтехов; гибкость и адаптивность; дезинтермедиацию процессов; тотальную кибербезопасность; устойчивость бизнеса.

Технологическими (информационно-технологическими) трендами считаются новые технологии, позволяющие создавать новые бизнес-модели, значительно повышать эффективность и безопасность бизнес-процессов. Тренды можно разделить на четыре группы – инновационные решения, масштабирование, оптимизация, устойчивые технологии. В качестве информационно-технологических трендов Ассоциация ФинТех называет: суперприложения; адаптивный искусственный интеллект; метавселенные; отраслевые облачные платформы; платформенную инженерию; реализацию потенциала беспроводных технологий; цифровую иммунную систему; прикладную наблюдаемость данных; управление доверием, рисками и безопасностью искусственного интеллекта; устойчивые технологии.

Финтех-тренды, задающие направление дальнейшему развитию финтех-отрасли, позволяют трансформировать и развивать финансовый рынок в ключевых областях. По мнению экспертов Ассоциации ФинТех, ключевыми трендами выступают: тотальный искусственный интеллект, экосистемы идентификации,

[5] Технологический суверенитет – план действий. *Яндекс.Дзен*. https://dzen.ru/media/id/622f21473658256318bec116/tehnologicheskii-suverenitet--plan-deistvii-62dc3f178a00c02c1832bad6 (дата обращения: 23.07.2022).

[6] Исследование Ассоциации ФинТех: «3x10 трендов финансового рынка на 2023 год». *Ассоциация ФинТех*. https://www.fintechru.org/publications/issledovanie-assotsiatsii-fintekh-3x10-trendov-finansovogo-rynka-na-2023-god/ (дата обращения: 27.01.2023).

открытые интерфейсы (API), развитие экосистем платежных сервисов, трансграничные платежи, цифровые финансовые активы и децентрализованные финансы (DeFi), цифровые валюты центральных банков, цифровое регулирование, деглобализация финансов, устойчивые финансы.

Ключевыми областями развития финтеха в перспективе, как мы считаем, выступают структурное и технологическое совершенствование экосистем, совершенствование платежных технологий и финансовых сервисов.

1. Структурное и технологическое совершенствование экосистем. По данному направлению отметим долгосрочный тренд на развитие электронной коммерции – улучшение ее потребительских аспектов и повышение безопасности транзакций в этой сфере. Появляются так называемые Metaverse (метавселенные) как симбиоз виртуального и реального миров с возможностями монетизации на основе платежных технологий. Цифровые платформы привлекают участников игрового рынка с покупками и продажами игровых активов, позволяя реализовывать возможности монетизации. Банки и финтех-компании начинают конкурировать за собственное позиционирование в Metaverse, изучают новые риски и возможности их минимизации с помощью цифровых сервисов и технологий.

2. Совершенствование платежных технологий. Тренд, обеспечивающий развитие экосистем и логично вытекающий из него. Следует ожидать дальнейшего масштабирования бесконтактных платежей в режиме реального времени, т. е. технологий оплаты товаров и услуг через приложения на электронных устройствах плательщика и получателя. Для малого и микробизнеса, территориально удаленного от массового потребителя, особо актуальной является технология Tap to Phone, которая используется в качестве терминала для приема бесконтактных платежей при помощи смартфона на базе ОС Android с NFC-модулем. Технология способна обеспечивать экономию издержек, расширять присутствие финтех-компаний в регионах и повышать доступность высокотехнологичных платежей для потребителей. Отметим еще одно новое предложение на платежном рынке, которое впервые предлагает Visa – сервис early wage access, который предполагает выплаты заработной платы, рентных, процентных и иных доходов в любой момент пропорционально начислению этих доходов и отработанному времени без необходимости ожидания срока регулярного (ежемесячного) начисления зарплаты. Предлагаемый инструмент в ряде случаев позволит избежать привлечения заемных средств для покрытия дефицита личных бюджетов.

3. Совершенствование финансовых сервисов. Качество потребительской стороны связывается, в частности, с развитием направлений embedded finance (встроенные финансы) и Buy Now, Pay Later (BNPL, сервисы рассрочки). В рамках экосистем существенно расширились системные возможности предоставлять платежную часть сервиса для интеграции с неплатежным сервисом. Банки с помощью API и других каналов предлагают свои сервисы нефинансовым партнерам, а нефинансовые компании могут предоставлять финансовые (и в том числе платежные) сервисы через API, что, с одной стороны, устранило платежную монополию банков и образовало эффект синергии от сервисной бесшовности, а с другой стороны, усилило конкуренцию на платежном рынке. Примером embedded finance в нефинансовых сервисах стали платежи в мобильных приложениях (Яндекс.Такси, Uber и др.).

Сервисы BNPL, предоставляющие потребителям возможность упрощенно получать кредит в виде рассрочки платежа на месте покупки, усиливают свою актуальность в условиях падения потребительского спроса населения и поэтому являются логичным решением проблемы активизации деловой и потребительской активности. По данным BNPL-сервиса Мокка, для продавцов применение рассрочки означает высокий уровень конверсии продаж: так, в продажах при использовании BNPL конверсия составляет около 27 %, а рост объема BNPL-продаж у торговых точек в среднем составляет около 40 %[7].

4. Масштабирование цифровых платежных инструментов. В настоящее время наблюдается активное развитие сферы цифровых активов, которое, как мы прогнозируем, будет продолжено в двух направлениях. Во-первых, будет развиваться использование криптовалют в коммерческих операциях и приватных сферах. Однако ограничения на их легальное использование и риски, связанные с их хранением, оборотом и оценкой, преодолены не будут. Во-вторых, ожидается полномасштабное введение в официальный денежный оборот цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ). По мнению авторов, успешная практика функционирования ЦВЦБ способна положить начало мировой валютной системе нового типа, отличающейся от Ямайской валютной системы большей децентрализацией управления, прозрачностью и, возможно, справедливостью распределения ценности.

[7] Настоящее и будущее BNPL-сервисов глазами инвесторов. *ПЛАС*. 2022. № 1. URL: https://plusworld.ru/journal/2022/plus-1-2022/nastoyashhee-i-budushhee-bnpl-servisov-glazami-investorov/?utm_source=sendpulse&utm_medium=email&utm_campaign=anons-zhurnala-plas-01202&spush=a29yb2JlaW5pa292NzdAeWFuZGV4LnJ1 (дата обращения: 03.11.2022).

Заключение

Финтех-компании захватывают рынок и несут явную конкурентную угрозу менее технологически развитым банкам. Конкурентное давление на традиционные банки приводит к снижению прибыльности банковского сектора, и эта тенденция будет сохраняться и усиливаться.

Практика показывает, что финтех-компании способны очень быстро расширяться за счет охвата рисковых сегментов бизнеса, в которых банки присутствуют ограниченно либо не присутствуют вообще. Стартапы, предлагающие цифровые банковские сервисы, подвержены кредитным рискам (выдача необеспеченных кредитов), рискам биржевых портфелей, рискам ликвидности и др.

Экспансия финтех-компаний ставит новые задачи для национальных регуляторов рынка, т. к. сочетание высокой динамики роста с повышением роли финтех-услуг в функционировании финансового посредничества может сопровождаться общесистемными рисками. Финтех-компании и необанки не проходили стресс-тестирование и проверку на устойчивость в условиях экономических спадов, поэтому системы управления рисками и общая устойчивость таких участников рынка вызывает опасения. Вместе с тем должен быть усилен пруденциальный надзор в отношении традиционных банков, поскольку их текущие бизнес-модели могут оказаться менее устойчивыми по сравнению с финтех-моделями в долгосрочной перспективе. Глобальное регулирование наднациональных финтех-компаний затруднительно в силу сложности идентификации присутствия компании в определенной юрисдикции и принадлежности компании к конкретной юрисдикции.

Несмотря на высокую волатильность текущего периода, с точки зрения развития финтех-решений Россия остается конкурентоспособной. Российские финансовые технологии вобрали в себя лучший мировой опыт, поэтому развитие суверенных технологий и сервисов при преференциальном регулировании со стороны Банка России представляется реальным и практически реализуемым.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса: изменение бизнес-модели для организации нового поколения. М.: Альпина Паблишер, 2019. 264 с. [Weill P., Woerner S. *What's your digital business model?: Six questions to help you build the next-generation enterprise*. Moscow: Alpina Pablisher, 2019, 264. (In Russ.)]
2. Ковалев М., Головенчик Г. Цифровая трансформация банков. *Банковский вестник*. 2018. № 11. С. 50–60. [Kovalev M., Goloventchik G. Digital transformation of banks. *Bankovskii vestnik*, 2018, (11): 50–60. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vxphtg
3. Морозова И. А., Коробейникова О. М., Коробейников Д. А., Глазова М. В. Искусственный интеллект в управленческом учете коммерческих структур: новые возможности. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2020. № 2. С. 32–38. [Morozova I. A., Korobeynikova O. M., Korobeynikov D. A., Glazova M. V. Artificial intelligence in management accounting of commercial structures: new opportunities. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 2020, (2): 32–28. (In Russ.)] https://doi.org/10.18323/2221-5689-2020-2-32-38
4. Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Tyulin A. S., Kurianova I. V., Betskov A. V., Kilyaskhanov H. S. Automation digitalization blockchain: trends and implementation problems. *International Journal of Engineering and Technology(UAE)*, 2018, 7(3.14): 254–260. https://elibrary.ru/klsdwy
5. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–25. [Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Kosten D. G., Vorobyov Yu. N. Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2017, 10(3): 9–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.18721/JE.10301
6. Коробов Ю. И. Конкуренция на финансовых рынках в условиях цифровизации экономики. *Экономическая безопасность и качество*. 2019. № 3. С. 11–13. [Korobov Yu. I. Competition in financial markets in the context

of a digital economy. *Ekonomicheskaia bezopasnost i kachestvo*, 2019, (3): 11–13. (In Russ.)] https://elibrary.ru/esdpoh
7. Yudina T. N. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2019, 12(2): 7–18. https://doi.org/10.18721/JE.12201
8. Volkov S. K., Gushchina E. G. E., Vitalyeva E. M. Asynchrony formation 4.0 industry in the Russian regions. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2019, 19(2): 45–56. https://elibrary.ru/czwoix
9. Свиридов О. Ю., Некрасова И. В. Тенденции развития финтех-экосистемы в российской экономике. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2019. Т. 21. № 4. С. 197–206. [Sviridov O. Yu., Nekrasova I. V. Development trends of the fintech ecosystem in Russian economy. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 2019, 21(4): 197–206. (In Russ.)] https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.4.19
10. Батаев А. В. Перспективы внедрения облачных технологий в банковском секторе России. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2014. № 2. С. 156–165. [Bataev A. V. Prospects of introduction of cloud technologies in the banking sector of Russia. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2014, (2): 156–165. (In Russ.)] https://elibrary.ru/schrtl
11. Bali M. S., Gupta K., Malik S. Integrating IoT with blockchain: a systematic review. *IoT and Analytics for Sensor Networks. Lecture Notes in Networks and Systems*, eds. Nayak P., Pal S., Peng S. L. Springer, 2022, vol. 244, 355–369. https://doi.org/10.1007/978-981-16-2919-8_32
12. Lohachab A., Garg S., Kang B., Amin M. B., Lee J., Chen S., Xu X. Towards interconnected blockchains: a comprehensive review of the role of interoperability among disparate blockchains. *ACM Computing Surveys*, 2021, 54(7): 1–39. http://dx.doi.org/10.1145/3460287
13. Акимова О. Е., Волков С. К. Анализ особенностей реализации концепции «умный город» в хозяйственно-экономической практике зарубежных стран. *Проблемы современной экономики*. 2019. № 3. С. 259–263. [Akimova O. E., Volkov S. K. Conception of the "smart city" in the economic practice of foreign countries: analysis of the specific features in its realization. *Problems of modern economics*, 2019, (3): 259–263. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sbgyil
14. Коробейникова О. М., Коробейников Д. А., Дугина Т. А., Очеретяная Д. В. Экосистемный подход к цифровизации пассажирского общественного транспорта. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2022. № 1. С. 120–129. [Korobeynikova O. M., Korobeynikov D. A., Dugina T. A., Ocheretyanaya D. V. Ecosystem approach to digitalization of passenger public transport. *Scientific Bulletin: finance, banking, investment*, 2022, (1): 120–129. (In Russ.)] https://elibrary.ru/abejnl
15. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы, ред. А. В. Бабкин. СПб.: СПбПУ, 2017. 807 с. [*Digital transformation of the economy and industry: problems and prospects*, ed. Babkin A. V. St. Petersburg: SPbPU, 2017, 807. (In Russ.)] https://doi.org/10.18720/IEP/2017.4
16. Ramdani B., Rothwell B., Boukrami E. Open banking: the emergence of new digital business models. *International Journal of Innovation and Technology Management*, 2020, 17(05). https://doi.org/10.1142/S0219877020500339
17. Masiukiewicz P., Dec P. Financial services on informal economy. *Economics. Law. State*, 2019, (2): 18–31. https://elibrary.ru/zayjxf
18. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*, 2018, 39(8): 2255–2276. https://doi.org/10.1002/smj.2904
19. Feng M., Guo H. Research on the evaluation of high-quality economic development based on factor analysis. *Journal of Scientific & Industrial Research*, 2019, 78: 827–830.
20. Elmquist M., Gawer A., Le Masson P. Innovation theory and the (re-)foundation of management: facing the unknown. *European management review*, 2019, 16(2): 379–381. https://doi.org/10.1111/emre.12308
21. Valverde S. C., Fernández F. R. Financial digitalization: banks, fintech, bigtech, and consumers. *Journal of Financial Management, Markets and Institutions*, 2020, 80(1). http://dx.doi.org/10.1142/S2282717X20400010
22. Crouhy M., Galai D., Wiener Z. The impact of fintechs on financial intermediation: a functional approach. *The Journal of FinTech*, 2021, 01(01). https://doi.org/10.1142/S270510992031001X
23. Kuchina Ya. O. Regulating fintech in Russia: the issues raised from the absence of legal definition. *Pravosudie*, 2021, 3(1): 80–102. http://dx.doi.org/10.37399/26869241.2021.2.80-102
24. Кристенсен К. М., Скотт Е., Рот Е. Что дальше? Теория инноваций как инструмент предсказания отраслевых изменений. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 400 с. [Christensen C. M., Scott E., Roth E. *What's next? The theory of innovation as a tool for predicting industry changes*. 3rd ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2016, 400. (In Russ.)]

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS
This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Специфика предпринимательской деятельности в подсанкционной ресурсной экономике (кейс Исламской Республики Иран)

Леухова Мария Геннадьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-5891-2737

Корчагина Ирина Васильевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-3297-3259
korchagina-i@mail.ru

Поступила 30.03.2023. Принята после рецензирования 04.05.2023. Принята в печать 20.05.2023.

Аннотация: В новых условиях необходимо переосмысление представлений и моделей деятельности разных подсистем национальной экономики, в том числе малого и среднего предпринимательства. Большой интерес представляет исследование опыта Исламской Республики Иран как ресурсной страны, столкнувшейся с высоким уровнем экономических санкций. Цель – выявить особенности деятельности малых и средних предприятий Исламской Республики Иран. Использованы методы экономического анализа, системно-структурный подход. Материалами для исследования выступили публикации, документы органов власти, статистические сборники, публикации деловых СМИ Исламской Республики Иран. Установлено, что критерием классификации малых и средних предприятий является только численность работников. Вследствие высокой инфляции критерии выручки и активов не применяются, не учитывается отраслевая принадлежность. Показано, что значительная доля малых и средних предприятий развивалась путем замещения недоступных товаров и технологий, что обусловило появление определенных особенностей. Во-первых, малые и средние предприятия обеспечивают до трети ВВП Исламской Республики Иран, что существенно выше, чем в России и сопоставимо с США, однако они мало участвуют в экспорте. В то же время отставание малых и средних предприятий по производительности труда от среднего уровня ниже, чем в странах со зрелой рыночной экономикой, в том числе в России. В условиях санкций значительная часть малых и средних предприятий Исламской Республики Иран выпускают альтернативную импортной продукцию с высокой добавленной стоимостью в рамках мелкосерийного производства. Ее производители пользуются рыночной властью в условиях высокой инфляции. Однако экспортный потенциал этой продукции ограничен, импортируются преимущественно продукты питания, одежда, изделия из кожи. Особенностями поддержки малых и средних предприятий являются ориентация на создание цепочек добавленной стоимости, а не учреждение новых предприятий, а также развитие субконтрактных отношений.

Ключевые слова: предпринимательство, малые и средние предприятия, Исламская Республика Иран, технологический суверенитет, ресурсная экономика, экономические санкции, зарубежный опыт

Цитирование: Леухова М. Г., Корчагина И. В. Специфика предпринимательской деятельности в подсанкционной ресурсной экономике (кейс Исламской Республики Иран). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 178–188. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-178-188

full article

Specifics of Entrepreneurial Activities in the Sub-Sanctioned Resource Economy of the Islamic Republic of Iran

Maria G. Leukhova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-5891-2737

Irina V. Korchagina
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-3297-3259
korchagina-i@mail.ru

Received 30 Mar 2023. Accepted after peer review 4 May 2023. Accepted for publication 20 May 2023.

Abstract: In the new conditions, it is necessary to rethink the concepts and models of various subsystems of the national economy's activity, including small and medium-sized businesses, which makes study of the experience of the Islamic Republic of Iran as a resource country facing a high level of economic sanctions relevant. The aim of the article is to identify the features of the small and medium-sized enterprises' activities of the Islamic Republic

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

of Iran. The authors use methods of economic analysis, system-structural approach. The article establishes that the criterion for the classification of small and medium-sized enterprises is only the number of employees. Due to high inflation, the criteria of revenue and assets are not applied, industry affiliation is not taken into account. A significant proportion of small and medium-sized enterprises develop by replacing inaccessible goods and technologies, which leads to them having certain features. Firstly, small and medium-sized enterprises provide up to a third of the GDP of the Islamic Republic of Iran. At the same time, the falling behind of small and medium-sized enterprises in labor productivity is lower than in countries with mature market economies. Under the sanctions, a significant part of small and medium-sized enterprises of the Islamic Republic of Iran produce alternative imported products with high added value within the framework of small-scale production. However, the export potential of these products is limited. The specific ways of supporting small and medium-sized enterprises include the focus on the value chains creation (rather than the establishment of new enterprises) and the development of subcontract relations.
Keywords: entrepreneurship, small and medium enterprises, Islamic Republic of Iran, technological sovereignty, resource economy, economic sanctions, foreign experience

Citation: Leukhova M. G., Korchagina I. V. Specifics of Entrepreneurial Activities in the Sub-Sanctioned Resource Economy of the Islamic Republic of Iran. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 178–188. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-178-188

Введение

Радикальное преобразование внешних условий и многих внутренних факторов функционирования экономики России, произошедшее в 2022–2023 гг. и продолжающееся в среднесрочной перспективе, предполагает определенный пересмотр устоявшихся научных представлений и используемых на практике бизнес-моделей. Возникает необходимость переосмысления сложившейся в 2000–2010 гг. экономической системы, претерпевающей качественные трансформации. Важно не только понимать изменения особенностей и закономерностей экономической динамики, но и видеть стратегические инновационные перспективы развития, основанные на новых принципах.

Значительный потенциал в этом контексте может иметь изучение модельных объектов-аналогов, анализ сложившихся в них траекторий и моделей экономики. Иными словами, в новых экономических реалиях ответ на многие вопросы может подсказать изучение опыта стран, уже сталкивавшихся с высоким уровнем экономических санкций, например, Южно-Африканской Республики, Исламской Республики Иран (ИРИ) и др. Исследование экономических систем-аналогов, т.е. международный бенчмаркинг, не только обладает определенной прогностической ценностью, но также позволяет использовать лучшие практики деятельности в сложных внешних условиях.

Авторов исследования интересует такой важный компонент экономической системы, как предпринимательство на уровне малых и средних предприятий (МСП). Этот выбор детерминирован в первую очередь противоречием между потенциалом малого предпринимательства и его фактической ролью в современной России. С одной стороны, многие исследователи, начиная с Й. Шумпетера, отмечали принципиальное значение малого бизнеса не просто как части национального хозяйства, а как источника инноваций [1]. В классическом исследовании Д. Бёрча показан решающий вклад быстрорастущих МСП в создание рабочих мест [2]. Эти взгляды повлияли на теоретическое признание МСП в качестве движущей силы экономического прогресса, а также на политические установки многих стран мира на рост удельного веса предпринимательства в макроэкономических показателях. В документах стратегического планирования РФ, заявлениях руководства страны звучал и продолжает звучать мотив наращивания занятости, добавленной стоимости и инвестиций в сегменте МСП.

С другой стороны, по оценкам многих российских исследователей, экономическим «локомотивом» страны остаются крупные компании со значительным инвестиционным потенциалом, хорошим технологическим уровнем и производительностью труда существенно выше среднего [3]. На этом фоне большинство МСП характеризуются низкой факторной производительностью, технической отсталостью, засильем простейших торгово-посреднических видов деятельности, а инновационное предпринимательство в России развито крайне слабо [4]. Так, по мнению О. О. Комолова, ключевая роль малого бизнеса в развитии современной рыночной экономики – «миф» [5, с. 164]. Фактически малый бизнес значим только с точки зрения создания большого количества рабочих мест, но производительность и, как следствие, оплата труда серьезно уступают среднему уровню по стране.

На наш взгляд, сложившееся противоречие требует разработки стратегически новых подходов к изменению модели работы корпуса отечественных МСП. Для выполнения этой цели исследование опыта стран-аналогов будет иметь немаловажное значение. Именно этим обусловлен выбор полигона исследования – ИРИ, поскольку она отличается не только высоким уровнем внешних санкций, но и ресурсным характером экономики, т.е. зависимостью ВВП, доходов и экспорта от реализации нефти на мировом рынке[1].

Библиографический анализ показывает, что состояние, особенности и характеристики МСП ИРИ изучены в недостаточной степени, а в отечественной экономической литературе вообще практически не представлены. Достаточно часто исследователи рассматривают те или иные частные аспекты функционирования иранских МСП на микроэкономическом уровне по некоторой выборке. Например, в работе S. Sharfaei et al. представлены эмпирические оценки, в соответствии с которыми рыночные силы (неопределенность, динамизм, интенсивность конкуренции) оказывают статистически значимое влияние на результаты деятельности международных МСП (имеются в виду предприятия, созданные за пределами ИРИ, но имеющие юридическое лицо внутри этой страны) [6].

K. Talebi и M. Tajeddin изучали факторы, воздействующие на усвоение новых знаний и компетенций МСП ИРИ, работающих в сфере информационно-коммуникационных технологий [7]. Пример еще одной работы этого направления – статья S. Samadzad и M. Hashemi, где на основе анализа 20 кейсов ранжированы факторы успеха иранских МСП. Важнейшими признаны бизнес-среда, доступность капитала и государственная поддержка [8]. Стейкхолдерский подход к анализу процессов деятельности МСП в ИРИ реализован A. Jalali et al. В исследовании идет речь о положительных косвенных связях между организацией и заинтересованными сторонами за счет новаторства и готовности идти на риск [9]. S. Salouneh et al. выявили стратегии, которые используют предприниматели-женщины ИРИ [10].

МСП также рассматриваются иранскими и другими исследователями как источники инноваций, участники несырьевого экспорта. В частности, в исследовании H. Pourmirza et al. разработан стандарт оценки готовности МСП ИРИ к экспорту [11]. Особенности финансирования МСП в ИРИ за счет заемных средств в условиях высокой волатильности экономики изучались D. S. Dastjerdi et al. [12]. Работа N. Seyyedamiri et al. посвящена влиянию креативной рекламы на имидж бренда, а далее – на удовлетворенность и лояльность клиентов МСП ИРИ, работающих в сфере пищевой промышленности [13].

Факторы, влияющие на успех или неудачу иранских МСП (по результатам опроса самих предпринимателей), представлены в статье Z. Arasti et al. В частности, дана критическая оценка государственного регулирования предпринимательства, отягощенного проблемами несоблюдения прав и законных интересов МСП, высокой бюрократизации, общей нестабильности институционального порядка. Второй по значимости фактор – недостаток навыков, профессионального обучения менеджменту и предпринимательству (иранских студентов учат быть наемными работниками, а не работодателями). На МСП также существенно влияет инфляция, которая в ИРИ описывается двузначными цифрами [14]. Среди факторов успеха (применительно к строительным МСП) H. Sarvari et al. установили приоритет технологического развития, а также уровень управления человеческими ресурсами [15].

Безусловно, есть также работы, отражающие наиболее актуальную повестку цифровизации МСП ИРИ, например, внедрение электронной коммерции [16]. Современные иранские исследователи отмечают важность государственной поддержки и внедрения самых современных технологий на уровне МСП [17]. Достаточно традиционно для ресурсной (сырьевой) экономики выглядит исследовательский интерес к роли МСП в диверсификации структуры ВВП за счет развития туризма [18].

Безусловно, иранские исследователи не могли обойти своим вниманием тему воздействия пандемии COVID-19 на МСП и восстановления предпринимательской активности после пандемии. Например, A. Y. Farani et al. исследовали 72 действующих и 38 закрытых сельских МСП текстильной промышленности, чтобы идентифицировать основные виды ущерба и стратегии реакции предпринимателей на кризис [19]. В работе H. E. Van Auken et al. на материалах 185 МСП области[2] Эрдекан продемонстрировано, что размер и возраст предприятий в период коронавирусного кризиса имели отрицательную корреляцию с процессными инновациями [20], т.е. более «молодые» МСП проявляли бóльшую степень гибкости.

[1] Доля природных ресурсов в доходах и экспорте более 20 %, ресурсной ренты в валовом национальном продукте более 10 %. См.: Dobbs R., Oppenheim J., Kendall A., Thompson F., Bratt M., Van der Marel F. Reverse the curse: Maximizing the potential of resource-driven economies. *McKinsey*. URL: https://www.mckinsey.com/industries/metals-and-mining/our-insights/reverse-the-curse-maximizing-the-potential-of-resource-driven-economies (accessed 13 Jan 2023).

[2] Административно-территориальная единица второго уровня в ИРИ, местное название – шахрестан.

Таким образом, проведенный библиографический анализ показал, что для исследований иранских МСП в настоящее время характерен микроэкономический подход с выявлением тех или иных аспектов деятельности предпринимателей на определенных выборках. Преимущественно эти работы ставят своей целью определить те или иные причинно-следственные связи, характерные для исследуемой выборки (позитивный анализ), чтобы затем дать нормативные управленческие рекомендации. Вместе с тем макроэкономический аспект деятельности МСП Ирана, включая оценку их современного состояния, факторной производительности, тенденций развития, роли в экономике, изучен недостаточно, что не позволяет понять, как предпринимательство действует в специфических условиях ИРИ. В то же время в современных реалиях для российских исследователей и практиков важно понимать именно общую картину деятельности МСП в подсанкционной ресурсной экономике.

Некоторым исключением из общего корпуса текстов об иранском малом и среднем предпринимательстве являются работы [21–24]. A. R. Benis оценил влияние МСП на экономический рост ИРИ, показав, что их создание и деятельность положительно влияют на основные показатели экономики провинций[3]. Это отличает ИРИ от ряда других государств, с которыми она сравнивалась в исследовании [21]. В контексте нашего исследования важно, что этот вывод относится к периоду 2002–2005 гг. и не может быть экстраполирован на более поздние годы без дополнительного анализа. Между тем, в обзоре К. В. Роговой особо подчеркивается, что связь между МСП и экономическим ростом существенно различается в хронологическом и страновом разрезах [25]. Поэтому установленные закономерности недопустимо механически переносить на более поздние периоды.

Большой интерес представляет оценка факторов устойчивости иранских МСП под санкциями [22]. По данным опроса 486 фирм в 2019–2020 гг. было установлено, что по сравнению с малыми и средними предприятиями, более устойчивыми являются микропредприятия, а также МСП, управляемые относительно старшими по возрасту предпринимателями. Сокращение производства и фонда заработной платы отрицательно влияли на выживаемость в период санкций. Снижение затрат на исследования, разработки и маркетинг оказывали положительное влияние. Определенным ограничением данного исследования, на наш взгляд, выступает ориентация на краткосрочную выживаемость в ущерб возможному будущему развитию.

Также некоторое внимание уделено оценкам факторной производительности МСП ИРИ, т.е. продуктивности использования факторов экономического роста [23; 24]. A. Jalali рассматривал взаимосвязи между особенностями управления (принятие риска, проактивность, инновационность, т.е. организационный капитал) и продуктивностью использования ресурсов на выборке из нескольких сотен МСП. Автор пришел к выводу о положительном влиянии первых на производительность [23]. H. Setayesh et al. в своей работе установили, что на рост добавленной стоимости, создаваемой МСП, положительно влияет как собственно наращивание традиционных факторов производства (труд и капитал), так и инновационная активность. В то же время изменение степени открытости экономики ИРИ не оказывало какого-либо выраженного воздействия [24].

Таким образом, в большинстве исследований МСП ИРИ на определенной выборке выявляются и тестируются те или иные причинно-следственные связи, но иранское предпринимательство редко становится целостным объектом анализа. В результате достаточно хорошо изучены многие микроэкономические аспекты и взаимосвязи в деятельности иранских МСП, но общая картина предпринимательства в ИРИ остается достаточно туманной.

Что касается отечественных работ, то при поиске в Российском индексе научного цитирования в разделе «Экономика. Экономические науки» по дескриптору *Иран* обнаруживается 55 публикаций (глубина запроса – с 2010 г.). Однако ни одна из них не рассматривает состояние МСП в этой стране. В части работ представлен общий абрис состояния иранской экономики, но проблемы МСП отдельно не обсуждаются [26]. Вполне ожидаемо, что многие авторы проецируют воздействие санкционного давления на экономику ИРИ и практики его преодоления на современную Россию [27; 28].

В. И. Юртаев в своей работе представил основные установки иранской экономической политики: «формирование "экономики сопротивления", самодостаточной и способной противостоять давлению извне, опора на внутренний рынок» [27, с. 72–73]. Д. А. Ситкевич и И. В. Стародубровская рассматривают воздействие санкций на экономику ИРИ и бывшей Югославии, чтобы лучше понять риски для России [28]. В частности, для ИРИ ими обнаружена следующая закономерность: «в периоды ужесточения санкций темпы роста ВВП становились отрицательными, а во время их снятия начинался экономический бум» [28, с. 83].

[3] Административно-территориальная единица первого уровня в ИРИ, местное название – остан.

При этом полное экстраполирование этого опыта на нашу страну неверно вследствие неопределенности многих важных факторных параметров. Общий вывод авторов цитируемого исследования – санкционный сценарий характеризуется определенной последовательностью и логикой, начиная от глубокого экономического спада (но не макроэкономического коллапса) на начальном этапе к постепенному восстановлению и адаптации в среднесрочной перспективе. В долгосрочном периоде «начинают сказываться долговременные последствия санкций, связанные с технологическим отставанием. Это демонстрирует, в частности, опыт Ирана» [28, с. 91]. Однако авторы этого исследования практически не уделили внимания общему состоянию МСП в ИРИ.

В работе E. Rasoulinezhad и F. Motamedi Sedeh, авторы стремятся дать практические рекомендации для России, исходя из опыта *экономики устойчивости* в ИРИ. Они отмечают важность диверсификации экономики, более активного использования возможностей рынков Азии, глобального Юга и др. [29]. Но и в этой работе не уделено отдельного внимания возможностям МСП. К числу исследований отдельных видов экономической деятельности и отраслей иранской экономики можно отнести работу А. В. Розенберга, который использовал сценарный анализ, чтобы предварительно оценить уязвимость российской банковской системы перед лицом санкций по типу иранских [30].

Таким образом, необходимы дальнейшие исследования состояния, особенностей, динамики МСП в ИРИ, направленные на лучшее понимание того, какие характеристики присущи МСП в ресурсной экономике с высоким уровнем экономических санкций.

Методы и материалы

В исследовании использованы традиционные методы анализа состояния и динамики социально-экономических систем, включая расчет статистических показателей, методы управленческой и финансовой диагностики МСП. Также использован логико-структурный анализ и системный подход, формально-юридический анализ нормативных документов ИРИ, связанных с вопросами МСП.

Материалами исследования являются документы и материалы Статистического центра ИРИ[4]; сохраненные в кэше Google[5] копии страниц сайта Центрального банка ИРИ, министерства промышленности, горного дела и торговли ИРИ[6]. Также используются данные министерства сельского хозяйства ИРИ, размещенные на сайте Правительства ИРИ[7], Организации малых предприятий и промышленных парков ИРИ[8]. Использованы материалы Портала данных Ирана[9] – основной мировой базы данных социально-экономической информации по ИРИ, которую ведут Совет по исследованиям в области социальных наук, Принстонский университет и Сиракузский университет (США). Наряду с этим привлекались публикации из рубрики *МСП в Иране* одного из наиболее авторитетных иранских деловых изданий – «Financial Tribune»[10].

Результаты

Критерии включения предприятий в число МСП в ИРИ

В большинстве случаев для отнесения предприятий к малым или средним используются граничные значения таких показателей, как численность персонала, выручка (оборот) и величина активов. Важно отметить, что вследствие очень больших межстрановых различий по производительности и фондовооруженности труда более представителен первый из указанных индикаторов. Именно он применяется в ИРИ, причем разные органы власти используют несколько отличающиеся методики и подходы.

Министерство промышленности, горного дела и торговли, Министерство сельского хозяйства ИРИ оперируют единой категорией *малые и средние предприятия*, численность персонала которых должна составлять менее 50 человек. Организация малых предприятий и промышленных парков Исламской Республики Иран ограничивает МСП интервалом численности персонала 5–50 человек. Более сложная градация МСП установлена Статистическим центром ИРИ и Центральным банком ИРИ. Численность персонала 1–9 человек соответствует микропредприятию, 10–49 – малому, 50–99 – среднему предприятию. Крупными считаются предприятия, на которых занято 100 человек и более.

[4] Statistical Centre of Iran. URL: https://www.amar.org.ir/ (accessed 20 Feb 2023).

[5] Официальный сайт Центрального банка ИРИ на момент выполнения исследования недоступен после DDoS-атаки, проведенной хакерской группой «Анонимус» 21 декабря 2022 г.

[6] Government of the Islamic Republic of Iran. Ministry of Industry, Mine and Trade. URL: https://en.mimt.gov.ir/ (accessed 19 Feb 2023).

[7] Government of the Islamic Republic of Iran. URL: https://irangov.ir/ (accessed 19 Feb 2023).

[8] سازمان صنایع کوچک و نواحی صنعتی ایران [Иранская организация малых предприятий и индустриальных парков]. URL: https://isipo.ir/### (accessed 20 Feb 2023); Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

[9] Iran Data Portal. URL: https://irandataportal.syr.edu/ (accessed 8 Sep 2022).

[10] SMEs in Iran. *Financial Tribune*. URL: https://financialtribune.com/tags/smes-in-iran (accessed 8 Sep 2022).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-178-188

Для включения предприятия в число МСП в ИРИ не используются критерии выручки (как во многих странах) и активов (как в ЕС и США). Вероятно, это обусловлено высоким уровнем инфляции (в последние 10 лет индекс потребительских цен в ИРИ находился в интервале 30–50 %), при котором пришлось бы слишком часто пересматривать значения критериев. Также иранские критерии не учитывают отраслевую принадлежность (как в США и КНР).

При межстрановом анализе обнаруживается, что иранские представления о том, какая численность работников соответствует малому или среднему предприятию, в целом коррелируют с мировой практикой (табл. 1[11]).

Иранские критерии МСП принимают европейский опыт, граничные значения численности персонала практически идентичны. По сравнению с российскими критериями, практика ИРИ жестче, численность сотрудников для разных категорий МСП установлена ниже. Наиболее логичное объяснение иранского подхода – использование рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития, которые также применил в своей политике поддержки предпринимательства ЕС (на что и указывают иранские источники[12]). Ограничение численности коллектива среднего предприятия значением в 100, а не 250 человек, скорее всего, обусловлено доминированием технологически простых видов деятельности (строительство, сельское хозяйство, текстильная, кожевенная промышленность и др.), где 200–250 занятых уже свидетельствуют о достаточно большом размере бизнеса.

Удельный вес МСП в основных экономических показателях Исламской Республики Иран

Наиболее существенной характеристикой вклада предпринимательства в национальную экономику является доля МСП в ключевых показателях, таких как занятость, экспорт или валовая добавленная стоимость. В таблице 2[13] представлено сравнение удельного веса МСП ИРИ и других стран по важнейшим экономическим индикаторам. 2019 г. выбран в качестве базового не только учитывая доступность статистических данных по разным странам, но и в целях нивелирования влияния внеэкономических шоков 2020–2022 гг.

Доминирование МСП в общем числе зарегистрированных предприятий, безусловно, является тривиальным фактом для любой страны с рыночной или смешанной экономикой. Более важным является тот вклад, который МСП вносят в создание добавленной стоимости. И здесь показатель ИРИ вполне сопоставим с такими странами, как США и Турция (около трети ВВП). Несмотря на наличие крупных сырьевых компаний, иранские МСП обеспечивают около 34 % ВВП страны, что существенно выше, чем в России. Отсюда вытекает вывод о достижимости и реалистичности повышения вклада малого предпринимательства в экономический рост даже в весьма сложных условиях. В то же время позиции МСП в иранском экспорте достаточно скромны (около 10 %) и сопоставимы с аналогичными показателями Турции и России, несмотря на то, что в ИРИ декларируются попытки увеличить этот показатель[14].

Табл. 1. Сравнение значений критерия МСП *численность персонала* в ИРИ и других странах, человек
Tab. 1. Comparison of the values of the SME criterion *staff number* in Iran and other countries, people

Страна	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия
ИРИ	Менее 10	10–50	50–100
Российская Федерация	Менее 16	16–100	101–250
Европейский Союз	Менее 10	11–50	51–250
Китай	Зависит от отрасли, 5–100	Зависит от отрасли, 50–300	Зависит от отрасли, 200–2000
США	Не определено	Зависит от отрасли, до 50 в розничной торговле, но до 1500 в добыче полезных ископаемых	Не определено
Индия	Критерий численности персонала для выделения МСП не применяется		
Бразилия			

[11] Сост. по: Страны, кроме ИРИ: работа [31]; Здесь и далее данные по ИРИ получены в Statistical Centre of Iran...

[12] См., например: سازکتکوچکومتوسط [Малый и средний бизнес]. URL: https://parsmodir.com/db/theory/sme.php (accessed 19 Feb 2023).

[13] Данные по всем странам, кроме ИРИ, получены из SDBS Structural Business Statistics (ISIC Rev. 4): Number of SMEs and large firms. *OECD.Stat*. URL: https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=81354 (accessed 12 Feb 2023).

[14] Exports by Iranian SMEs exceed $1.6b in Mar.-Dec. *Tehran Times*. URL: https://www.tehrantimes.com/news/444023/Exports-by-Iranian-SMEs-exceed-1-6b-in-Mar-Dec (accessed 17 Feb 2023).

Табл. 2. Удельный вес МСП в макроэкономических показателях ИРИ и других стран, 2019 г., %
Tab. 2. Share of small and medium enterprises in the macroeconomic indicators of Iran and other countries, 2019, %

Показатель	ИРИ	Россия	США	Япония	Германия	Турция
Общее количество зарегистрированных предприятий	98,4	–	97,2	99,4	99,8	99,5
Общая численность занятых в экономике	44,0	40,5	50,4	81,4	64,0	61,1
Уставный капитал	22,0	–	38,0	40,0	44,0	65,5
Валовая добавленная стоимость (валовой внутренний продукт)	34,0	22,8	36,2	52,0	49,0	37,7
Экспорт	10,0	8,5	32,0	38,8	31,1	8,0

По мнению авторов, диссонанс между ролью МСП ИРИ в ВВП и экспорте, нехарактерный для стран со зрелой рыночной экономикой, объясняется как сырьевым характером экономики, так и санкционным режимом. С одной стороны, ИРИ преимущественно экспортирует сырье, что гораздо проще, чем создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью. С другой стороны, местные МСП чаще замещают недоступную или малодоступную импортную продукцию, попадающую под товарные ограничения, особенно с учетом того факта, что потребность в ней внутри самой ИРИ может быть не столь велика. Однако на внешнем рынке это предложение недостаточно конкурентоспособно. МСП ИРИ экспортируют в основном продукты питания, ковры, изделия из кожи, полимеры, пластмассы и химикаты[15].

По удельному весу МСП в занятости ИРИ отстает от ряда стран со зрелой рыночной экономикой, но этот показатель ИРИ сопоставим с США и опережает Россию. МСП создают около 44 % рабочих мест. Это отражает существенную роль государственного сектора и крупных компаний в качестве работодателей в экономике ИРИ (что в принципе коррелирует с отечественной действительностью). Однако, говоря о вопросах занятости на МСП, как полагают авторы, важно учесть факторную производительность, т.е. продуктивность использования фактора производства *труд*. Как частично отмечено выше, производительность труда по всему кругу МСП обычно несколько ниже, чем в среднем по экономике. На рисунке представлено отношение доли МСП в ВВП по отношению к его доле в занятости. Чем выше этот показатель, тем в меньшей степени производительность труда в МСП отстает от среднего по экономике уровня.

По рассматриваемому показателю МСП ИРИ лидируют, опережая даже Германию, где предпринимательство активно работает в отраслях с высокой добавленной стоимостью. Россия же занимает наихудшие позиции. В РФ производительность труда в МСП не достигает и 60 % от среднего уровня. Такой *иранский феномен* логично связать с двумя факторами. Во-первых, в условиях санкций часть товарных рынков может стать рынками продавца, где доминирует не покупатель. Соответственно, МСП, производящие определенную продукцию, в ряде случаев могут устанавливать достаточно высокие цены. Во-вторых, внутрииранское производство продукции, замещающее часть импортной, нередко мелкосерийное, что объективно сказывается на себестоимости и ценовой политике. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что создание МСП производств, связанных с импортозамещением и технологическим суверенитетом, позволяет ИРИ иметь достаточно высокую относительную производительность труда в этом сегменте экономики.

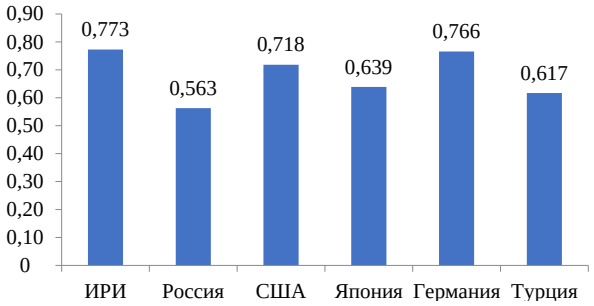


Рис. Отношение удельного веса МСП в занятости к удельному весу МСП в ВВП ИРИ и других стран
Fig. Ratio of the small and medium enterprises in employment to the share of small and medium enterprises in GDP of Iran and other countries

[15] SMEs Share in Non-Oil Exports Meager. *Financial Tribune*. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/103722/smes-share-in-non-oil-exports-meager (accessed 17 Feb 2023).

Система поддержки промышленного бизнеса и предпринимательская инфраструктура Исламской Республики Иран

Лейтмотивом *экономики устойчивости* в условиях санкций является создание широкого круга собственных производств промышленного оборудования, материалов производственного назначения, химической продукции, электроники. В этой связи нельзя не обратить внимания на существенное улучшение позиций ИРИ как в глобальном инновационном индексе (Global Innovation Index, GII), так и глобальном индексе предпринимательства (Global Entrepreneurship Index, GEI). В первом из них ИРИ поднялась со 106 места в 2015 г. до 60 места в 2021 г., а во втором – с 94 места в 2015 г. до 64 места в 2019 г.[16] Существенный прогресс более чем очевиден.

Центральное звено в поддержке промышленного МСП ИРИ – это Организации малых предприятий и промышленных парков ИРИ. Ниже представлена структура основных направлений деятельности данной организации.

1. Содействие промышленно-технологическому развитию МСП:
- развитие бизнес-кластеров (с созданием единой цепочки создания стоимости);
- сервисные центры по развитию бизнеса;
- промышленные парки, индустриальные зоны, особые экономические зоны;
- бизнес-клиники;
- рынок обмена технологиями (профессиональное посредничество в передаче технологий от науки к бизнесу);
- центры обмена технологий с зарубежными странами (например, иранско-южнокорейский);
- развитие системы субподрядного обмена (Subcontracting and Partnership eXchange);
- программа развития швейного производства в сельской местности;
- Программы акселерации технологических стартапов;
- финансирование магистерских и докторских (PhD) диссертаций, которые содействуют технологическому развитию МСП (например, «Альтернативные способы асфальтирования улиц городов и промышленных зон»).

2. Нефинансовая поддержка МСП.
- образовательные курсы по предпринимательству;
- индустриальные туры для изучения лучшего опыта.

3. Содействие ненефтяному экспорту МСП.
- сопровождение и поддержка МСП для начала экспорта;
- содействие участию в выставках;
- поддержка экспортных консорциумов (сетевых объединений МСП, которые стремятся выйти на мировой рынок с 3 и более участниками);
- софинансирование получения международных и зарубежных сертификатов, подтверждения соответствия международным стандартам.

Направления поддержки промышленных МСП в ИРИ разнообразны. Присутствуют как вполне традиционные, рекомендуемые международными институтами, так и несколько нестандартные направления. Важным стратегическим приоритетом организации является создание целостной устойчивой взаимосвязанной экономической системы с максимальной кооперацией внутри страны и созданием возможностей для выхода на внешний рынок. Большое значение отводится кластерам МСП, но не самим по себе, а как основе для формирования цепочек создания добавленной стоимости. Если сравнительно сложную производственную задачу не может решить одно малое предприятие, то при объединении нескольких предприятий в цепочку это становится возможным. Иными словами, стимулирование создания таких цепочек (включая софинансирование трансакционных издержек взаимодействия) ориентировано на получение синергетического эффекта.

Еще одна интересная особенность – это развитие системы субподрядного обмена, своеобразной биржи заказов на те или иные товары, работы, услуги, которые потенциально могут предоставить МСП. Это открывает новые производственные возможности как для производителей, так и для потребителей, позволяет экономить валютные ресурсы. В целом для стимулирования МСП ИРИ характерна ориентация на продвижение ненефтяного экспорта, хотя в полной мере достичь этой цели не удалось. Наряду с этим отметим, что в ИРИ считают необходимым иметь специального профессионального посредника между спросом и предложением, не рассчитывая только на прямое взаимодействие университетов с компаниями.

В Организации малых предприятий и промышленных парков ИРИ зарегистрировано 43650 промышленных МСП, 78 % из которых ведет активную деятельность. Около 1100 МСП являются действующими экспортерами[17]. При этом 27 % МСП – резиденты промышленных парков, работающие

[16] Mapping of the existing innovation ecosystem in the I. R. of Iran. November 2021. *UNDP*. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-01/UNDP-IRN-Mapping-of-Existing-Innovation-Ecosystem-in-Iran-2021.pdf (accessed 20 Feb 2023).

[17] 1,170 SMEs Revived Since March. *Financial Tribune*. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/106903/1170-smes-revived-since-march (accessed 12 Jan 2023).

в сфере производства стали и изделий из металла. 22 % действуют в нефтехимии, 17 % – в пищевой промышленности, 6 % – в целлюлозно-бумажной промышленности, 5 % – в текстильной промышленности[18]. Таким образом, усилиями данной организации создан существенный сегмент МСП в обрабатывающей промышленности, включая довольно сложное нефтехимическое производство, что позволяет увеличить добавленную стоимость в экономике за счет переработки нефти. Это говорит о перспективности дальнейшего изучения иранской политики развития производственных МСП.

Заключение

Исследование малого и среднего предпринимательства Исламской Республики Иран позволило выделить ряд особенностей, которые могут представлять интерес в контексте поиска новых стратегических приоритетов развития этого класса хозяйствующих субъектов в России, которая, как и ИРИ, находится под экономическими санкциями и зависит от добычи полезных ископаемых.

Выделение МСП в Иране ведется только по признаку численности персонала, что обусловлено высоким уровнем инфляции, препятствующим фиксации количественных граничных значений выручки и активов. При этом не учитываются отраслевые признаки МСП.

Несмотря на ресурсный характер экономики ИРИ, МСП занимают в ней существенное место, по ряду параметров сопоставимое с развитыми странами, а аналогичные показатели России они значительно опережают. Наиболее интересен, на наш взгляд, тот факт, что соотношение удельного веса МСП в ВВП и занятости в ИРИ лучше, чем у стран со зрелой рыночной экономикой и России. Следовательно, отставание МСП по производительности труда (которое является обычным явлением) от среднего по экономике уровня в ИРИ менее выражено.

Это обусловлено сравнительно высокой товарностью и стоимостью продукции части МСП, которая замещает недоступную, подсанкционную. С одной стороны, такие МСП работают на «рынке продавца» и в условиях высокой инфляции могут применять рыночную власть. С другой стороны, мелкосерийное производство объективно имеет более высокую себестоимость, что отражается на цене. Тем не менее можно констатировать, что существенная часть иранских МСП выпускает продукцию с достаточно высокой добавленной стоимостью.

На это в значительной степени направлена система и инфраструктура поддержки МСП. Исламская Республика Иран стремится не просто добиться создания большого количества новых малых и средний предприятий, но и объединить их в цепочки создания стоимости для получения синергетического эффекта, выраженного в виде выпуска конечной продукции. Для этого софинансируются, в частности, трансакционные издержки взаимодействия. Интерес представляет также система субконтрактации – своеобразной биржи заявок для максимального использования возможностей национальных товаропроизводителей, а также институт профессионального посредника между инновационным спросом и предложением.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 355 с. [Schumpeter J. *The theory of economic development*. Moscow: Progress, 1982, 355. (In Russ.)]
2. Birch D. *Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work*. N. Y.: Free Press, 1987, 244.
3. Орехова С. В., Кислицын Е. В. Совокупная производительность факторов в промышленности России: малые vs крупные предприятия. *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20. № 2. С. 127–144. [Orekhova S. V., Kislitsyn E. V. Total factor productivity in the Russian industry: small vs large enterprises. *Journal of the New Economy*, 2019, 20(2): 127–144. (In Russ.)] https://doi.org/110.29141/2073-1019-2019-20-2-8

[18] 1,100 Iranian SMEs exporting domestic products to global markets. *Tehran Times*. URL: https://www.tehrantimes.com/news/439116/1-100-Iranian-SMEs-exporting-domestic-products-to-global-markets#:~:text=TEHRAN%20%E2%80%93%20More%20than%2033%2C000%20small,Parks%20Organization%20(ISIPO)%20announced (accessed 16 Jan 2023).

4. Корчагин Р. Л. Специфика эволюции технологического предпринимательства в развивающихся и переходных странах. *Инновации*. 2020. № 12. С. 63–70. [Korchagin R. L. Specifics of evolution technological entrepreneurship in developing and transitional countries. *Innovation*, 2020, (12): 63–70. (In Russ.)] https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.266.12.008
5. Комолов О. О. Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике. *Экономическое возрождение России*. 2015. № 4. С. 156–167. [Komolov O. O. Big and small business: role and place in the modern economy. *Economic Revival of Russia*, 2015, (4): 156–167. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vhgsvb
6. Sharfaei S., Ong J. W., Ojo A. O. The impact of industry forces on international SME performance in Iran: the mediating effect of competitive advantage. *Administrative Sciences*, 2022, 12(4). https://doi.org/10.3390/admsci12040132
7. Talebi K., Tajeddin M. The adoption of new and innovative knowledge by small and medium enterprises of Iran: opportunities and constraints for growth. *African Journal of Business Management*, 2011, 5(1): 39–49.
8. Samadzad S., Hashemi M. Analyzing success factors of small and medium enterprises (SMEs): a study in Iranian context. *International journal of Innovation in Management, Economics and Social Science*, 2022, 2(1): 43–51. https://doi.org/10.52547/ijimes.2.1.43
9. Jalali A., Jaafar M., Ramayah T. Organization-stakeholder relationship and performance of Iranian SMEs: Examining the separate mediating role of innovativeness and risk-taking. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, 2020, 13(3): 417–436. https://doi.org/10.1108/IMEFM-11-2018-0407
10. Salouneh S., Saketi P., Purmahdi K. Investigating strategies for growth Iranian women's small and medium enterprises market. *Consumer Behavior Studies Journal*, 2020, 7(1): 47–71. (In Persian) https://doi.org/10.34785/J018.2020.732
11. Pourmirza H., Roosta A., Heidarzadeh K., Abdolvand A. Development of export readiness evaluation pattern for Iranian small and medium size enterprises. *Journal of Business Management Perspective*, 2020, 19(41): 79–100. (In Persian) https://doi.org/10.52547/jbmp.19.41.79
12. Dastjerdi D. S., Tayebi S. K., Elahi N. The effect of economic growth rate uncertainty on financing small and medium enterprises in Iran. *International Journal of Business and Development Studies*, 2020, 12(1): 57–71. https://doi.org/10.22111/ijbds.2020.5437
13. Seyyedamiri N., Karimi A., Khosravi S. S., Ghamkhar S. Creative advertising and business performance: an investigation of small and medium-sized enterprise in the traditional Iranian food industry. *Journal of Foodservice Business Research*, 2021, 24(1): 74–100. https://doi.org/10.1080/15378020.2020.1848261
14. Arasti Z., Zandi F., Bahmani N. Business failure factors in Iranian SMEs: do successful and unsuccessful entrepreneurs have different viewpoints? *Journal of Global Entrepreneurship Research*, 2014, 4. https://doi.org/10.1186/s40497-014-0010-7
15. Sarvari H., Chan D. W. M., Alaeos A. K. F., Olawumi T. O., Aldaud A. A. A. Critical success factors for managing construction small and medium-sized enterprises in developing countries of Middle East: evidence from Iranian construction enterprises. *Journal of Building Engineering*, 2021, 43. https://doi.org/10.1016/j.jobe.2021.103152
16. Hakaki A., Nikabadi M. S. A hybrid fuzzy approach to success in e-commerce adoption in Iranian manufacturing SMEs. *Asian Academy of Management Journal*, 2022, 27(1): 175–197. https://doi.org/10.21315/aamj2022.27.1.8
17. Naddaf M., Ebrahimi A., Jamali A. Identifying key factors in the technology development of Iranian non-government sector. *Iranian Journal of Trade Studies*, 2015, 14(56): 195–233. (In Persian)
18. Mahdinia M. H., Daneshvar M. R. M. Assessment of innovative strategies to improve the tourism sector in Iran. *SN Business & Economics*, 2022, (2). https://doi.org/10.1007%2Fs43546-022-00365-5
19. Farani Y. A., Fatemeh S., Gholamrezai S., Azadi H., Nazemi N. Impacts of COVID-19 pandemic on micro and small enterprises: evidence from rural areas of Iran. *Frontiers in Public Health*, 2022, 10. https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.844825
20. Van Auken H. E., Ardakani M. F., Carraher Sh., Avorgani R. K. Innovation among entrepreneurial SMEs during the COVID-19 crisis in Iran. *Small Business International Review*, 2021, 5(2). https://doi.org/10.26784/sbir.v5i2.395
21. Benis A. R. The impact of small and medium-sized enterprises on economic growth in Iran. *Global Journal of Management and Business Research*, 2014, 14(2): 59–65.
22. Cheratian I., Goltabar S., Farzanegan M. R. Firms persistence under sanctions: micro-level evidence from Iran. *The World Economy*, 2023, 00: 1–42. https://doi.org/10.1111/twec.13378
23. Jalali A. The mediating role of entrepreneurial orientation between relational capital and firm performance: evidence from Iranian SMEs. *International Journal of Asian Business and Information Management*, 2023, 14(1). https://doi.org/10.4018/IJABIM.318338

24. Setayesh H., Memarnejad A., Kiani K. H., Torabi T. Explaining the factors affecting the growth of small and medium-sized enterprises' value added in Iranian economy. *The Journal of Economic Studies and Policies*, 2020, 6(2): 189–206. (In Persian)
25. Рогова К. В. Современные представления о взаимосвязи деятельности малых и средних предприятий с региональным экономическим развитием. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 378–394. [Rogova K. V. Effect of regional economic development on small and medium-sized enterprises: modern concept of the dependency. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 378–394. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-378-394
26. Козырев Н. И. Иранская экономика: вчера, сегодня, завтра. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2016. № 2. С. 129–147. [Kozyrev N. I. Iranian economy: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir*, 2016, (2): 129–147. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wknuxv
27. Юртаев В. И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 2. С. 66–80. [Yurtaev V. I. Iran in situation of the sanction regime transformation. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2017, 10(2): 66–80. (In Russ.)] https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-66-80
28. Ситкевич Д. А., Стародубровская И. В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии. *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 3. С. 77–98. [Sitkevich D. A., Starodubrovskaya I. V. Short- and long-term effects of sanctions: evidence from Iran and Yugoslavia. *Issues of Economic Theory*, 2022, (3): 77–98. (In Russ.)] https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98
29. Rasoulinezhad E., Motamedi Sedeh F. The Iranian model of the resistance economy: lessons and recommendations for Russia. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 28(8): 132–142. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-8-132-142
30. Розенберг А. В. Предварительный анализ уязвимости крупнейших российских банков: иранский сценарий антироссийских санкций. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2022. Т. 16. № 4. С. 15–20. [Rozenberg A. V. Iranian scenario of anti-Russian sanctions – preliminary analysis of the vulnerability of the major Russian banks. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2022, 16(4): 15–20. (In Russ.)] https://doi.org/10.14529/em220402
31. Рогова К. В. Сравнительный анализ критериев малых и средних предприятий в экономике стран мира. *Молодежь и наука*: Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Тагил, 27 мая 2022 г.) Нижний Тагил: НТИ УрФУ, 2022. С. 519–521. [Rogova K. V. Comparative analysis of the criteria for small and medium-sized enterprises in the world economy. *Youth and science*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Nizhny Tagil, 27 May 2022. Nizhny Tagil: STI UFU, 2022, 519–521. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/miteax

© 2023. Родин Е. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Специфика конкуренции и прогноз развития проектной деятельности в строительной отрасли

Родин Евгений Владимирович
ООО «Жилсфера», Россия, Москва
iprodin@mail.ru

Поступила 23.03.2023. Принята после рецензирования 28.04.2023. Принята в печать 21.06.2023.

Аннотация: Целью исследования является анализ процессов в строительной отрасли под воздействием изменений последних лет для выявления наиболее конкурентоспособной стратегии и прогноза дальнейшего развития рынка. Статья может представлять интерес для игроков строительного рынка в области государственных закупок. Конкуренция в строительной отрасли остается очень высокой и усиливается с течением времени, в связи с чем множество игроков покидают рынок. Среди основных факторов успеха можно выделить управление доходами, портфель заказов, клиентскую базу, высокую специализацию. Анализ конкуренции в проектной деятельности на строительном рынке в области госзакупок базировался на модели конкуренции М. Портера, что является новым подходом к систематизации информации на данном рынке. На основе опроса экспертов отрасли были выявлены основные факторы успеха на рынке, находящемся на фазе зрелости жизненного цикла индустрии. Выявленные факторы успеха являются новым знанием, которое может быть использовано как для улучшения работы текущих участников рынка, так и для захода на рынок новых игроков.

Ключевые слова: государственные закупки, конкуренция, стратегия конкурентной борьбы, модель М. Портера, строительный рынок, проектная деятельность

Цитирование: Родин Е. В. Специфика конкуренции и прогноз развития проектной деятельности в строительной отрасли. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 189–196. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-189-196

full article

Project Activities in the Construction Industry: the Specifics of Competition and the Development Forecast

Evgeny V. Rodin
Limited Liability Company “Zhilsfera”, Russia, Moscow
iprodin@mail.ru

Received 23 Mar 2023. Accepted after peer review 28 Apr 2023. Accepted for publication 21 Jun 2023.

Abstract: The purpose of the study is to analyze the construction industry processes under the influence of recent changes to identify the most competitive strategy and forecast further market development. The article might be of interest to the construction market players in the field of public procurement. Competition in the construction industry remains very high and intensifies over time, which is why many players are leaving the market. Among the main success factors in the market are revenue management, order portfolio, customer base, and high specialization. The author analyzes the competition in construction market project activities in the field of public procurement on the basis of the M. Porter’s 5 factors of competition. Based on a survey of industry experts, the main success factors in the market are identified. The success factors are new knowledge that can be used both to improve the work of current market participants and to help new players to enter the market.

Keywords: public procurement, competition, competitive strategy, M. Porter’s model, construction market, project activity

Citation: Rodin E. V. Project Activities in the Construction Industry: the Specifics of Competition and the Development Forecast. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 189–196. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-189-196

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Введение

Рассмотрим определение конкуренции. «Конкуренцию уместно представить как способ использования суверенными экономическими агентами права на успех, всегда имеющий относительный характер и обусловленный приобретением, воспроизведением, укреплением ими относительно лучших, более выгодных, жизненных, прежде всего, профессиональных позиций» [1, с. 46].

На сегодняшний день конкуренция на строительном рынке остается условно высокой [2, с. 79]. С одной стороны, многие участники рынка ушли в 2021–2022 гг. в связи со сложной экономической ситуацией в стране, низким спросом на строительные объемы, последствиями пандемии. С другой стороны, сказалось высокое влияние на ситуацию имеющих доступ к административному ресурсу организаций, которые могут получать необходимые объемы работ на более привлекательных условиях, практически минуя применение конкурентных способов ведения тендерной борьбы [3, с. 63]. Крупные проектные и архитектурные бюро, имеющие мощный административный ресурс, постепенно выдавливают с рынка даже успешно развивающиеся компании, формируя монопольное пространство [4, с. 127].

Следует также отметить следующие факторы, способствовавшие уходу с рынка развивающихся проектных организаций:

- недостаточная компетентность руководящего состава;
- ограниченные возможности развития профессиональных навыков специалистов, непосредственно вовлеченных в производственный процесс;
- затрудненный доступ к новым технологиям и инструментам, оптимизирующим и автоматизирующим процессы в проектной деятельности.

Целью исследования является анализ процессов в строительной отрасли под воздействием изменений, происходящих в последние годы, для выявления наиболее конкурентоспособной стратегии и прогноза его дальнейшего развития. Исследование основывается на источниках, раскрывающих основные тенденции в области конкуренции, конкурентных игр и основных сил, влияющих на конкуренцию в отрасли, в т. ч. в сфере госзакупок на выполнение работ по подготовке проектной и рабочей документации на строительном рынке.

Для анализа процессов, происходящих в отрасли под воздействием изменений последних лет (пандемия, экономический кризис 2022 г., стандартизация технических заданий и т. д.), автором проведен сравнительный анализ материалов исследований экспертов в области теории конкуренции. Рассмотрены работы таких ученых, как Ю. Б. Рубин [1], М. Е. Портер [5], Р. М. Грант [6], А. Диксит [7], Е. В. Бурденко [8], В. В. Мельников [9; 10], С. А. Дубовик [11], Г. Г. Дерябина и Н. В. Трубникова [12] и др. Также проанализированы нормативные акты и федеральные законы.

Научная новизна работы заключается в создании нового знания в отношении конкуренции и понимания развития строительной отрасли при помощи сравнительного анализа теории и практических данных участников рынка. Основой анализа стал личный опыт автора статьи и опрос, проведенный автором в феврале 2023 г. методом глубинных личных интервью среди экспертов индустрии (владельцы и топ-менеджеры компаний, 12 человек). Также в исследовании используется прогностический анализ поведения субъектов рынка под воздействием растущей конкуренции.

Анализ конкуренции в проектной деятельности на строительном рынке в области госзакупок проводился на основе 5 факторов конкуренции М. Портера, что является новым подходом к систематизации информации на данном рынке. На основе опроса экспертов отрасли были выявлены основные факторы успеха на этом сильно конкурентном рынке, находящемся на фазе зрелости жизненного цикла индустрии. Выявленные факторы успеха являются новым знанием, которое может быть использовано как для улучшения работы текущих участников рынка, так и для захода на рынок новых игроков.

Результаты

В проектной деятельности на рынке строительных услуг можно выделить два рынка: открытый и закрытый. К открытому рынку относятся государственные закупки и тендерные (коммерческие) площадки, для участия в которых необходим опыт выполнения аналогичных работ и деловая репутация. Закрытый рынок ограничен доступом компаний к административному ресурсу. Прямое обращение государственных организаций к компаниям-исполнителям, минуя какие-либо торги; заключение договора с единственным поставщиком по «аварийному» контракту для ликвидации последствий аварий для экономии времени возможно лишь при условии доступа компании к административному ресурсу. При этом основная масса заказов на разработку проектной документации, включая государственные закупки, распределяется по закрытым каналам. Это означает, что закупки осуществляются у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Для осуществления проектной деятельности в первую очередь необходимо зарегистрировать предприятие, получить лицензии на деятельность

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-189-196

и подобрать помещение. Далее требуется собрать рабочую группу. В ее состав входят руководитель и администратор проекта; главный инженер; специалисты генерального плана; архитекторы; инженеры-конструкторы; инженеры по электрике, системам водопровода и канализации, слаботочным системам, смежным разделам проектной документации; бухгалтерия; юристы; техники. Затем необходимо организовать материально-техническое обеспечение. Руководитель организации должен иметь управленческие навыки и позаботиться о поиске контрактов.

Ключевыми факторами успеха проектной компании в строительной отрасли являются: грамотное управление доходами, наличие оборотных средств, тарифная политика, стабильный портфель заказов, развитие клиентской базы, высокая специализация и компетентность главного инженера, главного архитектора и инженеров-проектировщиков.

Согласно стратегии конкурентной борьбы, описанной Р. М. Грантом, прибыль, получаемая компаниями в отрасли, определяется ценностью продукта для клиентов, интенсивностью конкуренции, рыночной силой участников отрасли по отношению к их поставщикам и покупателям [6, с. 63].

Некоторые отрасли стабильно приносят высокие прибыли, в то время как другие едва могут покрыть стоимость капитала. Уровень прибыльности отрасли не является лишь результатом отраслевых влияний, он определяется систематическим влиянием отраслевой структуры [6, с. 64]. Например, монополия Microsoft на рынке операционных систем позволила ей получить доход на собственный капитал почти в 30 %, в то время как в сельскохозяйственном секторе долгосрочная рентабельность собственного капитала составляет около 3,0 %, что зачастую ниже стоимости капитала [6, с. 64]. Однако большинство отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг находятся где-то посередине.

М. Портер разработал наиболее известную и широко используемую модель для анализа конкуренции внутри отраслей [5, с. 38]. Рассмотрим влияние каждой из конкурентных сил по отношению к строительному рынку.

1. Соперничество между существующими компаниями

Соперничество между существующими компаниями определяет общий уровень конкуренции в отрасли [5, с. 38]. Конкуренция может быть как ценовой, сосредоточенной на стоимости услуг, так и сосредоточенной на рекламе и инновациях.

Концентрация компаний на рынке измеряется коэффициентом концентрации, т. е. совокупной долей рынка основных производителей [6, с. 72]. На рынках, где доминирует одна компания (например, Altria Group на рынке бездымного табака в США), доминирующая компания определяет цены на рынке. В ситуации олигополии ведущие компании принимают решения в отношении цен параллельно, как, например, на рынке безалкогольных напитков (Coca-Cola и Pepsi). В этом случае конкуренция сосредоточена на рекламе, продвижении, разработке продукта. При усилении конкуренции координация цен становится практически невозможной, и увеличивается вероятность снижения цен.

Однако в проектной отрасли наблюдается жесткая конкуренция и агрессивная ценовая политика, которая является следствием приспособления к изменяющемуся спросу и ведет к сокращению количества конкурентов. В данной ситуации компаниям рекомендуется стратегия получения максимального дохода без реинвестирования [12, с. 1973].

Концентрация проектных организаций на строительном рынке крайне высока, что подтверждается данными Национального объединения изыскателей и проектировщиков. В едином реестре сведений о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования и их обязательств насчитывается 71393 организация[1]. Классификация проектных организаций в данной отрасли включает в себя: благоустройство, многоквартирные дома, промышленные здания, объекты социального назначения, инженерные сети, индивидуальное жилищное строительство, земельные участки и др.

Уровень ценовой конкуренции компаний зависит от того, насколько они похожи по своему происхождению, целям, затратам и стратегиям [4, с. 19–21]. Например, трудности, с которыми сталкивается ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти) при согласовании и обеспечении соблюдения квот на добычу среди своих стран-членов, усугубляются их различиями с точки зрения целей, производственных затрат, политики и религии.

При схожести предложения конкурирующих компаний покупатели легко переключаются между ними, а компании начинают снижать цены для увеличения продаж. Там, где продукты конкурирующих фирм практически неотличимы, продукт является товаром, а цена – единственной основой для конкуренции [4, с. 117]. В отраслях, где продукты сильно дифференцированы (парфюмерия, фармацевтика, рестораны, услуги управленческого консалтинга),

[1] Единый реестр сведений о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования и их обязательствах. https://reestr.nopriz.ru/ (дата обращения: 20.02.2023).

конкуренция, как правило, сосредоточена на качестве, продвижении бренда и обслуживании клиентов, а не на цене.

В строительной отрасли компании и продукты схожи, что повышает конкуренцию на рынке. Продукт в конечном итоге можно оценить, применяя следующие метрики [9, с. 71–77]:

- предложенная цена;
- портфолио (опыт реализации проектов-аналогов) потенциального исполнителя;
- гибкость исполнителя в части готовности внесения изменений в проект на любом этапе;
- срок реализации;
- скорость реакции на замечания и предложения заказчика;
- квалификация и компетенции штата подрядчика;
- применение исполнителем технологий;
- портрет руководителя проекта и главного инженера (вовлеченность в развитие компании, ведение инновационного развития и хозяйственной деятельности, что в условиях кризиса дает более высокие результаты в плане гибкости и развития, скорости принятия решений).

Следует отметить, что у крупных организаций с высокой выручкой есть дополнительные налоговые обязательства перед бюджетом в связи с применением ими общей системы налогообложения. У мелких проектных организаций таких дополнительных обязательств при применении упрощенной системы налогообложения может не быть, что незначительно, но способствует их конкурентоспособности.

Барьеры для выхода – это затраты, связанные с выходом из отрасли. Там, где ресурсы являются долговечными и специализированными, и где сотрудники имеют право на защиту рабочих мест, барьеры для выхода могут быть значительными. При соответствующей бюджетной маржинальности уход из проектной деятельности строительного рынка не является целесообразным. Но учитывая вышеизложенные факты, зачастую это случается из-за падения маржинальности и является вынужденным выходом из ситуации.

2. Угроза со стороны новых участников

В случае повышенной прибыльности в отрасли, она становится особенно привлекательной для новых компаний. При отсутствии барьеров для входа количество конкурирующих компаний может привести к снижению прибыльности отрасли до себестоимости [5, с. 41]. Тем не менее, в большинстве индустрий существуют барьеры, которые ограничивают вход на рынок для новых компаний [5, с. 51]. Основными барьерами входа в строительную отрасль являются: конкуренция; перераспределенный рынок; низкая маржинальность / рентабельность; высокие первоначальные инвестиции; кассовые разрывы проектов; огромное количество потенциальных изменений в ходе реализации проекта, которые заказчик отказывается оплачивать [6, с. 70].

Закрытость реального рынка, отсутствие возможности планирования финансовых потоков и трудовых ресурсов мешает игрокам зайти в данную сферу. Низкая маржинальность проектов на открытом рынке, особенности построения взаимоотношений между заказчиком и исполнителем, особенности понятийных отношений в строительной отрасли приводят к несоответствию подписанного договора и технического задания. Серьезную проблему в сфере градостроительного проектирования составляют длинные кассовые разрывы, которые характеризуются большими периодами времени, проходящего между заключением контрактов (и получением авансовых платежей) и окончательными расчетами с проектировщиком.

Несмотря на все трудности ведения бизнеса в сложившихся условиях, в настоящее время в проектную деятельность пытаются войти новые игроки. Ввиду отсутствия портфолио и базы реализованных проектов-аналогов, их основным конкурентным преимуществом является демпинг . В частности, новые игроки рынка в 95 % случаев стараются снижать цену до порога рентабельности на всех тендерных процедурах, надеясь заполучить первый контракт. В конечном итоге это существенно усложняет условия участия в подобных конкурсах для других игроков рынка [7, с. 299]. Впоследствии действия демпингующих компаний разрушают рынок. Они не доводят проекты до конца [13, с. 271] или разрабатывают проектную документацию некачественно, систематически нарушая сроки выполнения работ [8, с. 2449], что влечет за собой расторжение контракта и внесение поставщика в реестр недобросовестных поставщиков [14, с. 575].

Также следует отметить, что итогом подобного поведения новичков на рынке является искажение понимания заказчиком действительной стоимости услуг в этой сфере [15, с. 4]. Заказчик берет средневзвешенные показатели по массиву коммерческих предложений, сопоставляя результаты тендеров, и формирует низкие начально-максимальные цены для захода в дальнейшем [10, с. 54–61].

В итоге в части проектов начальная смета искусственно повышается заказчиком, который, используя административный ресурс, привлекает к реализации исключительно приближенных подрядчиков. В другой части проектов потенциальные исполнители вынуждены соревноваться на тендерных процедурах в крайне невыгодных для себя условиях, не имея конкурентных альтернатив [16, с. 90].

В случае применения организациями инновационных технологий возможны некоторые улучшения и ускорение процессов производства [17, с. 20–21], но глобально это не используется на рынке проектирования РФ. К тому же ресурсы на внедрение новых технологий доступны далеко не всем организациям отрасли.

На первичном этапе заказчик проекта не представляет себе продукт, который он получит по итогу сотрудничества, поэтому опирается исключительно на критерии отбора подрядчика для этой работы. Поэтому заказчик вынужден заранее (до начала выполнения работ) оценить своего потенциального контрагента, не имея ни малейшего представления о качестве продукта, который он получит.

Можно сделать вывод, что крупные игроки рынка имеют существенные преимущества перед новичками [7, с. 235]. Соответственно, крупные игроки используют свой опыт, квалификацию и деловую репутацию, стараясь максимально монетизировать данные параметры и предложить наиболее выгодные для себя условия.

Данные факты ставят крупных исполнителей в сфере проектирования гораздо выше, несмотря на завышенную ценовую политику, и создают непростые условия для поиска заказов мелким проектным бюро. Крупные проектировщики зачастую обладают ценнейшим в данной отрасли ресурсом: собственными мощными отделами продаж и административным ресурсом.

Однако наиболее эффективные барьеры для входа в строительную отрасль создаются государством. Это стандартизированные технические задания без возможности корректировки [18, с. 154]; проекты договоров, которые исполнитель обязан акцептовать; регулярные проверки от органов исполнительной власти, которые носят формальный характер, но отнимают большое количество времени. Также барьером являются единые критерии оценки в госзакупках, которые рассчитаны на компании, имеющие аналогичный опыт, но не всегда обладающие квалификацией для реализации подобного проекта [8, с. 2449]. Помимо этого, влияния оказывают: нормативы, СНиП, СанПиН, которые технически устарели, но носят обязательный характер к исполнению; постоянные изменения в действующей нормативно-правовой базе, которые необходимо регулярно отслеживать [19, с. 3].

3. Влияние заменителей

Существование на рынке товаров-заменителей повышает чувствительность потребителя к цене продукта [20, с. 36], что приводит к их переходу на продукты из смежных отраслей при повышении цен внутри отрасли [6, с. 69]. Отсутствие близких заменителей продукта, как в случае бензина или сигарет, означает, что потребители относительно нечувствительны к цене.

Чем сложнее продукт и чем более дифференцированы предпочтения покупателей, тем меньше степень замещения покупателями на основе разницы в ценах [5, с. 60]. Однако производственный процесс проектирования является стандартизированным, соответственно, процессы проектирования унифицированы.

4. Рыночная сила покупателей

Чувствительность покупателей к ценам и их рыночная позиция в отрасли влияют на их способность снижать цены, что зависит от нескольких факторов [5, с. 74]:

- размер и значимость товара в стоимости конечного продукта повышает чувствительность покупателей к цене, которую они платят [21, с. 60];
- незначительные отличия товаров внутри отрасли увеличивают вероятность переключения покупателей между поставщиками на основе цены;
- критичность качества продукта или услуги для покупателя уменьшает чувствительность покупателей к ценам.

Следующие факторы влияют на рыночную позицию покупателей по отношению к продавцам:

- размер и концентрация покупателей относительно поставщиков – при уменьшении количества покупателей и увеличении размера их закупок, цена их потери для поставщика увеличивается;
- информация для покупателей – при высоком уровне осведомленности покупателей о поставщиках, их ценах и затратах, переговорная сила покупателей увеличивается.
- возможность вертикальной интеграции – альтернативой поиску другого поставщика или покупателя является самостоятельная работа.

Учитывая высокую конкуренцию и ситуацию в отрасли, у компаний, не имеющих богатого портфолио и сильного административного ресурса [8, с. 2448], нет достаточного количества достойных аргументов для ведения переговоров на равных. Им крайне сложно переубеждать, объяснять, просвещать заказчика практически по каждой позиции потенциального проекта. Большинство проектных организаций вынуждено применять максимальную гибкость, идти на уступки заказчику.

Заказчики в строительной отрасли искусно используют свое высокое положение в переговорных процессах. Причиной этому является то, что заказчик отлично понимает фактическую ситуацию на рынке. Он может с легкостью манипулировать

в переговорных процессах на всех этапах проекта, а именно: применять в одностороннем порядке понижающие коэффициенты; продавливать свои условия в договорах; минимизировать заявленные изначально сроки; включать дополнительные работы на первоначальных условиях, не оплачивая их впоследствии; задерживать оплату и подписание закрывающей документации.

Также следует учитывать, что в большинстве случаев общение между заказчиком и подрядчиком происходит невербально. При таком способе не всегда возможно донести до заказчика верный алгоритм действий при реализации проекта, упомянуть все детали, что также формирует неверное представление о получаемом продукте.

Заказчики в сфере проектных услуг строительной отрасли сильно различаются. Часть заказчиков, выбирая подрядчика, опирается исключительно на ценовое предложение, а при реализации проекта основывается только на потенциальной экономии [22, с. 6]. Другие заказчики руководствуются только количеством сотрудников, которое есть у подрядчика и практически не интересуются их квалификацией и компетенциями [23, с. 90]. Третьих волнуют только сроки и т. д. Крайне непросто найти сбалансированный подход на рынке проектных услуг.

5. Сила поставщиков в отрасли

Наиболее важными факторами в данном анализе являются легкость, с которой компании отрасли могут переключаться между разными поставщиками ресурсов и относительная переговорная сила каждой стороны [6, с. 75].

Поставщиками в строительной отрасли являются производители материалов; подрядные организации, предоставляющие работников; ресурсные организации, поставляющие свет, газ, водоснабжение, водоотведение; проектные организации. Для оптимизации расходов на поставщиков [11, с. 10] приходится прибегать к услугам фрилансеров и граждан из стран СНГ (Беларусь, Казахстан и т. д.).

Заключение

Конкуренция в строительной отрасли остается очень высокой и усиливается с течением времени. Основная масса заказов на разработку проектной документации идет по закрытым каналам, в связи с чем множество игроков покидают рынок. Среди основных факторов успеха можно выделить управление доходами, портфель заказов, клиентскую базу, высокую специализацию.

Среди основных конкурентных сил, оказывающих влияние на строительный рынок, можно выделить следующие:

1. Соперничество между существующими компаниями остается крайне жестким, компании и продукты отрасли похожи, однако маржинальность проектов по закрытым каналам является достаточно высокой и выход с рынка для компаний, работающих в данных каналах, нецелесообразен.

2. Соперничество с новыми участниками. Закрытость реального рынка и низкая маржинальность на открытом рынке мешает заходить в строительную отрасль новым участникам. Наиболее эффективные барьеры для входа создаются государством.

3. Угроза со стороны товаров-заменителей. Производственный процесс проектирования стандартизирован, поэтому у отрасли нет товаров-заменителей.

4. Рыночная сила покупателей. Заказчики в строительной отрасли имеют преимущество в переговорном процессе. Проектные организации находятся в зависимом положении по отношению к заказчикам и вынуждены применять максимальную гибкость.

5. Рыночная сила поставщиков. Поставщики (проектировщики) не имеют большого влияния на проектную организацию. Существует взаимозаменяемость.

Работа проектных организаций, достигших состояния конкурентной устойчивости в строительной отрасли, остается достаточно маржинальной и разнообразной. Однако ввиду сужения рынка проектных работ и строительства исключительно крупных объектов, в значительной части на рынке останутся лишь крупные девелоперы, которые идут по пути выполнения проектных работ собственными силами, сокращая возможности для малых предприятий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Рубин Ю. Б. Управление собственным бизнесом. 17-е изд. М.: Синергия, 2021. 1104 с. [Rubin Yu. B. *Managing your own business*. 17th ed. Moscow: Sinergiia, 2021, 1104. (In Russ.)]
2. Хайновская С. С. Конкурентные преимущества предприятия. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 10-2. С. 79–82. [Khainovskaia S. S. Competitive advantages of the company. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2019, (10-2): 79–82. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11655

3. Кириллова О. Ю., Хальфин Р. М., Малышев Г. К. Общественный контроль как инструмент предотвращения недобросовестной конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок. *Российское конкурентное право и экономика*. 2021. № 1. С. 60–67. [Kirillova O. Yu., Khalfin R. M., Malyshev G. K. Public control as a tool of combating unfair competition in the sphere of public procurement. *Russian competition law and economy*, 2021, (1): 60–67. (In Russ.)] https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-60-67
4. Толпегина О. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности, 4-е изд. М.: Юрайт, 2023. 620 с. [Tolpegina O. A. *Comprehensive economic analysis of economic activity*. 4th ed. Moscow: Iurait, 2023, 620. (In Russ.)]
5. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 608 с. [Porter M. *Competitive strategy*. Moscow: Alpina Biznes Buks, 2005, 608. (In Russ.)]
6. Grant R. M. *Contemporary strategy analysis*. John Wiley & Sons, 2016, 672.
7. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 464 с. [Dixit A., Nalebuff B. *The art of atrategy. A Game theorist's guide to success in business and life*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2017, 464. (In Russ.)]
8. Бурденко Е. В., Лазарев А. В., Лазарева А. Р. Формирование конкуренции при организации государственных закупок. *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 10. С. 2445–2456. [Burdenko E. V., Lazarev A. V., Lazareva A. R. Promotion of competition in the public procurements. *Kreativnaya ekonomika*, 2020, 14(10): 2445–2456. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.14.10.110895
9. Мельников В. В. Государственные и муниципальные закупки. Часть 1: Эволюция способов закупок в Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2018. 165 с. [Melnikov V. V. *State and municipal procurement. Part 1: evolution of procurement methods in the Russian Federation*. Moscow: INFRA-M, 2018, 165. (In Russ.)]
10. Мельников В. В. Государственные и муниципальные закупки. Часть 2: Государственные закупки и экономическая политика. М.: ИНФРА-М, 2022. 169 с. [Melnikov V. V. *State and municipal procurement. Part 2: public procurement and economic policy.* Moscow: INFRA-M, 2022, 169. (In Russ.)]
11. Дубовик С. А. Закупки на 100 %. Инструменты снижения цен и получения лучших условий у сложных поставщиков. СПб.: Питер, 2020. 384 с. [Dubovik S. A. *Procurement. Tools to reduce prices and get the best conditions from complex suppliers*. St. Petersburg: Piter, 2020, 384. (In Russ.)]
12. Дерябина Г. Г., Трубникова Н. В. Роль мультинациональных предприятий в развитии подрывных технологических инноваций на примере табачной промышленности. *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 9. С. 1967–1988. [Deryabina G. G., Trubnikova N. V. The role of multinational enterprises in the development of disruptive technological innovations on the example of the tobacco industry. *Kreativnaya ekonomika*, 2020, 14(9): 1967–1988. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.14.9.110818
13. Панфилова Е. Е. Участие в госзакупках в качестве поставщика товаров (услуг) как способ повышения конкурентоспособности организации. *Московский экономический журнал*. 2021. № 2. С. 270–278. [Panfilova E. E. Participation in public procurement as a supplier of goods (services) as a way to improve the competitiveness of the organization. *Moscow economic journal*, 2021, (2): 270–278. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10065
14. Умнова М. Г. Оценка рисков компаний-поставщиков при участии в госзакупках. *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. Т. 9. № 4. С. 567–578. [Umnova M. G. Risk assessment of supplier companies participating in public procurement. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2019, 9(4): 567–578. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41537
15. Ден Д. Применение антидемпинговых мер при организации торгов для обеспечения государственных и муниципальных нужд. *Юридические исследования*. 2018. № 8. С. 1–8. [Den D. Specifics of national treatment's application to foreign counterparties of public legal institution. *Legal Studies*, 2018, (8): 1–8. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ylpwqp
16. Шмелева М. В. Принцип конкуренции в государственных закупках. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2018. № 1. С. 86–91. [Shmeleva M. V. Principle of competition in public procurement. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2018, (1): 86–91. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ywqsrz
17. Гаврилов Л. П. Инновационные технологии в коммерции и бизнесе. М.: Юрайт, 2019. 372 с. [Gavrilov L. P. *Innovative technologies in commerce and business*. Moscow: Iurait, 2019, 372. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/myqreb
18. Казанцев Д. А. Конкурентные закупки. Методология и нормативное регулирование. М.: ИНФРА-М, 2022. 324 с. [Kazantsev D. A. *Competitive procurement. Methodology and regulatory regulation*. Moscow: INFRA-M, 2022, 324. (In Russ.)]

19. Кузьмина Т. В. Государственные закупки. *Вестник науки и образования*. 2017. № 10. С. 56–60. [Kuzmina T. V. Public procurement. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2017, (10): 56–60. (In Russ.)]
20. Лавренова Г. А., Сысоев С. И. Формирование конкурентных преимуществ современного предприятия. *Экономинфо*. 2018. Т. 15. № 4. С. 34–39. [Lavrenova G. A., Sysoev S. I. Formation of competitive advantages of a modern enterprise. *Ekonominfo*, 2018, 15(4): 34–39. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ypsclb
21. Перов В. А., Шибанова А. А. Осуществление государственных и муниципальных закупок неконкурентными способами (закупки у единственного поставщика): оценка экономической эффективности. М.: ИНФРА-М, 2022. 219 с. [Perov V. A., Shibanova A. A. *Implementation of state and municipal procurement by non-competitive methods (procurement from a single supplier): assessment of economic efficiency*. Moscow: INFRA-M, 2022, 219. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/1870598
22. Назаров И. Г. Реализация принципа обеспечения конкуренции при осуществлении закупок: научно-практический аспект. *Новый юридический вестник*. 2018. № 5. С. 4–7. [Nazarov I. G. Implementation of the principle of ensuring competition in procurement: scientific and practical aspect. *Novyi iuridicheskii vestnik*, 2018, (5): 4–7. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ynmvid
23. Шмелёва М. В. Система государственных закупок как механизм обеспечения экономного и результативного использования бюджетных средств. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2021. № 1. С. 83–92. [Shmeleva M. V. Public procurement system as a mechanism for ensuring economical and efficient use of budget funds. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn*, 2021, (1): 83–92. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-83-92

© 2023. Соколовская М. В., Замиралова Е. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Функциональный подход к сохранению целостности системы менеджмента качества организаций в процессе их объединения и интеграции в комплекс

Соколовская Марина Владимировна
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0002-3236-2263
sokolovskaya-marina@yandex.ru

Замиралова Елена Владимировна
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0001-5409-8478

Поступила 28.02.2023. Принята после рецензирования 30.03.2023. Принята в печать 06.05.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблематике сохранения целостности систем менеджмента качества при интеграции разноуровневых образовательных организаций в единый образовательный комплекс. Цель – разработка и апробация функционального подхода объединения двух разноуровневых образовательных организаций с условием сохранения целостности имеющихся систем менеджмента качества. Применены методы анализа, синтеза, обобщения и сравнения информации; системный анализ и выявление причинно-следственных связей. Также использован процессный и системный подходы, внутренние аудиты, самооценка, экспертная оценка, ранжирование. Рассматривается понятие *целостность* и смежные с ним понятия, обосновывается авторская позиция о его содержании. Предложен функциональный подход, отражающий комплексное последовательное использование этапов сохранения целостности систем менеджмента качества с соблюдением всех правил внесения изменений в системы менеджмента и принципов интеграции образовательных организаций. Приводится пример практической реализации подхода при объединении двух образовательных организаций – университета и колледжа. Апробация методического инструментария проведена на примере Красноярского государственного медицинского университета и Фармацевтического колледжа. Работа имеет практическое применение в совершенствовании деятельности организаций не только в сфере образования, но и в других сферах экономики. Представленный опыт и анализ позволили определить основные категории изменений в системах менеджмента качества при интеграции организаций, разработать синергетическую модель организации, а в дальнейшем могут помочь совершенствованию объединенной системы менеджмента качества.

Ключевые слова: интеграция, объединение, образовательная организация, университет, колледж, синергетическая модель, система менеджмента качества, сохранение целостности, функциональный подход

Цитирование: Соколовская М. В., Замиралова Е. В. Функциональный подход к сохранению целостности системы менеджмента качества организаций в процессе их объединения и интеграции в комплекс. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 197–207. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-197-207

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Preserving the Integrity of Organizations' Quality Management System during Unification and Integration: Functional Approach

Marina V. Sokolovskaya
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0002-3236-2263
sokolovskaya-marina@yandex.ru

Elena V. Zamiralova
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0001-5409-8478

Received 28 Feb 2023. Accepted after peer review 30 Mar 2022. Accepted for publication 6 May 2023.

Abstract: The article addresses the problems of preserving the integrity of quality management systems during integration of educational organizations into a single educational complex. The purpose of the article is to develop and test a functional approach of combining two educational organizations of different levels that preserves the integrity of existing quality management systems. The authors use methods of analysis, synthesis,

generalization and comparison as well as system analysis, identification of cause-and-effect relationships, process and system approach, internal audits, self-assessment, expert assessment, ranking. The article considers the concept of integrity and related concepts. The authors propose a functional approach that uses several stages to maintain the integrity of quality management systems in compliance with all the rules for making changes to management systems and the principles of educational organizations integration. The approach is tested on a university and a college. The analysis identified the main categories of changes in organizations' quality management system during integration and developed a synergetic model of the organization. The results can help improve the integrated quality management system in the future, not only in the field of education, but also in other areas of the economy.
Keywords: integration, unification, educational organization, university, college, synergetic model, quality management system, maintaining integrity, functional approach

Citation: Sokolovskaya M. V., Zamiralova E. V. Preserving the Integrity of Organizations' Quality Management System during Unification and Integration: Functional Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 197–207. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-197-207

Введение

Целостность является одним из неотъемлемых свойств любой системы, и ее рассмотрение началось задолго до создания первых теорий систем. Любая система менеджмента качества (СМК) должна обладать этим свойством. В международном стандарте ISO 9001:2015 и его российском аналоге ГОСТ Р ИСО 9001-2015 содержится требование: «организация должна рассматривать целостность СМК»[1].

Теоретической и методологической базой работы послужили фундаментальные и прикладные исследования по вопросам менеджмента качества в образовательных организациях; работы в области менеджмента качества и интегрированных систем менеджмента, касающиеся образования. Были применены такие методы, как анализ, синтез, обобщение и сравнение информации; системный анализ механизмов интеграции СМК; выявление причинно-следственных связей; процессный и системный подходы; внутренние аудиты СМК. Проведено более десяти внутренних аудитов по всем структурным подразделениям и процессам, входящим в область применения СМК вновь созданного образовательного комплекса.

В связи с тем, что в объединяемых образовательных организациях (университете и колледже) уже применялись стандарты ИСО серии 9000, то в исследовании применялись различные самооценки, в том числе и на базе стандартов ГОСТ Р ИСО 9001-2015 и ГОСТ Р ИСО 9004-2019[2]. Последняя самооценка проводилась в университете в 2023 г. с помощью анкет, разработанных на основе двух вышеуказанных стандартов. В роли экспертов (анкетируемых) выступили около 20 % сотрудников университета, в т. ч. руководители структурных подразделений, специалисты по СМК, деканы факультетов, заведующие кафедрами, председатели цикловых методических комиссий, ведущие преподаватели. Проводя самооценку, эксперты-сотрудники обсуждали ответы и, в случае большого расхождения во мнениях, методом обсуждения приходили к единой (средней) оценке.

Результаты

Каким образом можно реализовать требование п. 6.3 стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015, в том числе при интеграции СМК? Для того, чтобы это определить, авторами было рассмотрено понятие *целостность* по отношению к принципам управления. Словари русского языка определяют данный термин следующим образом:

- свойство объектов как совокупности составляющих их элементов, организованных в соответствии с определенными принципами[3];
- внутреннее единство, относительная автономность, независимость от окружающей среды[4];
- внутреннее единство объекта, его относительная автономность, независимость от окружающей среды[5].

[1] ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. *Кодекс*. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200124394 (дата обращения: 23.11.2022).

[2] ГОСТ Р ИСО 9004-2019. Менеджмент качества. Качество организации. Руководство по достижению устойчивого успеха организации. *Кодекс*. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200167117 (дата обращения: 23.11.2022).

[3] Новая философская энциклопедия. *Институт Философии Российской Академии Наук*. URL: http://iph.ras.ru/elib/3338.html (дата обращения: 23.11.2022).

[4] Большой энциклопедический словарь. URL: https://sanstv.ru/dict/целостность (дата обращения: 23.11.2022).

[5] Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3660 (дата обращения: 23.11.2022).

В статье [1] автор пишет о целостности системы как о вкладе каждого элемента системы в реализацию целевой функции системы. Целостность – это наличие в системе свойства обеспечивать согласованное и бесконфликтное (не противоречащее друг другу) функционирование входящих в эту систему элементов, в совокупности направленное на достижение поставленных перед системой целей.

Резюмируя вышеизложенные определения, можно сказать, что наиболее распространенным определением *целостности* является внутреннее единство объектов, способных обеспечивать согласованное функционирование элементов системы. Применяя данный термин к проблеме объединения организаций при наличии уже построенных и сертифицированных СМК, можно сказать, что целостность – это внутреннее единство объединенных объектов, способных обеспечивать согласованное функционирование элементов интегрируемых систем.

Было принято решение проанализировать процесс сохранения целостности СМК на примере образованного комплекса при присоединении одной организации к другой. С 2012 г. происходило объединение Красноярского государственного медицинского университета с Фармацевтическим колледжем. Обе организации имели уже разработанные, внедренные и сертифицированные СМК. При объединении возникла проблема в интеграции двух СМК, в частности в согласованном и успешном функционировании элементов; в согласованной работе персонала; в отсутствии структур управления подразделений по всем направлениям совместной работы; в управлении неоднородным хозяйственным комплексом.

При интеграции разноуровневых образовательных организаций с сертифицированными СМК возникают вопросы, требующие разрешения. Например, отсутствие единого механизма управления разработкой и реализацией СМК вновь образованного комплекса при интеграции сертифицированных СМК (ее элементов); сложности в выборе единого подхода к управлению документированной информацией; отсутствие единой системы открытого менеджмента; сложности при интегрировании совместных мероприятий; сложности в управлении основной деятельностью организации и слиянии части процессов, например, 2.2 Проектирование и разработка образовательных программ, 2.7 Реализация основных образовательных программ.

В первую очередь для того, чтобы сохранить целостность интегрируемых СМК, необходимо было внести изменения в подходы к менеджменту объединенных образовательных организаций и выстроить единую систему. Основываясь на теоретической базе современного менеджмента [2; 3], в частности, рассматривая теории организации, систем, управления и синергетики, был разработан план-проект интеграции с условием сохранения целостности объединяемых систем, культур, процессов [4–9]. Была проведена глубокая работа по интеграции основных составляющих СМК, представленная в виде синергетической модели организации (рис. 1). Суть данной модели заключается в необходимости развития на принципах синергии [10–12].

Синергетическая модель образовательного комплекса базируется на принципе целостности и построена на основе закона единства и целостности систем управления. Согласно закону, система управления должна обладать организационным и функциональным единством. Функциональная целостность означает, что система управления должна реализовывать все функции управления, необходимые для достижения целей системы. Единство системы управления означает, что она образует собой единую систему, а не сумму частей, фрагментов, блоков. Таким образом, вся система управления должна быть построена на основе единых принципов, подходов и интересов. Однако это не подразумевает унификацию, единообразие звеньев, уровней и подходов в управлении. Также синергетическая модель показывает интеграционные процессы головной и присоединяемой организаций, основные изменения, выявленные в процессе интеграции, результаты данной интеграции. Общая задача двух организаций – сохранить уникальные системы каждой образовательной организации в целом и дать возможность колледжу в составе университета приобрести новый импульс для развития и совершенствования.

Существенные изменения СМК произошли в организационной структуре, в актуализации / разработке регламентных документов. Установлено, что документация СМК присоединенной организации актуализировалась в большей мере (более 88 %), в отличие от документации головной организации (около 42 %). Основные изменения документации произошли на 1 уровне, уровне высшего руководства – было затронуто 100 % документации. На 2 уровне, включающем стандарты организации и регламенты процессов, изменения составляли порядка 70 %. На 3 уровне, в который входят должностные инструкции, положения о подразделениях, положения / инструкции по видам деятельности и др., изменения составили 40 %. На 4 уровне, включающем записи (формы планов, отчетов, журналов, актов, справок, протоколов и др.), изменилось 25 % документации. Также изменения затронули и процессы СМК. Например, в процессах менеджмента и обеспечивающих процессах произошло слияние, а основные процессы были разведены по уровням образования [13].

Рис. 1. Синергетическая модель организации
Fig. 1. Synergetic model of the organization

Что касается изменений в составе основного персонала, то особенно остро ощущалась проблема сокращения сотрудников присоединяемой организации. Было сокращено более 15 % сотрудников, 30 % сотрудников переведены в другие структуры головной организации. Сокращению и переводу в большей степени подверглись сотрудники высшего и среднего звена. Также возникла проблема обособленности интересов структур разных уровней образования (недостаток кадров, имеющих ученые степени и звания в присоединяемой организации), отсутствие единой корпоративной культуры, лояльности к университету.

Это объясняется необходимыми штатными изменениями, которые традиционно возникают при объединении двух и более образовательных организаций. Причинами является, в том числе, исключение дублирования функционала в организациях, перераспределении полномочий и пр. Однако в данном вопросе необходимо быть предельно аккуратными и последовательными и применять типовые оценки трудовых ресурсов.

Обозначенные изменения не могли не отразиться на многих составляющих периода интеграции и явились доказательством того, что присоединяемая организация подвергалась наибольшим изменениям при объединении.

Рассматривая сохранение целостности СМК при объединении организаций, можно отметить еще одну проблему – целевые показатели не достигаются при реализации запланированных действий. В этой связи можно говорить о потере целостности СМК либо ее отсутствии. Поэтому для сохранения целостности при внесении определенных изменений организация должна определить для себя некий алгоритм / процедуру выполнения намеченных действий [14; 15]. Нами был определен следующий алгоритм:

1) Планирование изменений в СМК при объединении организаций, в том числе составление списка изменений.

2) Ранжирование списка изменений на категории.

3) Проведение оценки степени возможного влияния каждой категории изменений на целостность СМК.

4) Разработка плана мероприятий по сохранению целостности СМК в отношении каждой категории изменений.

Любая деятельность начинается с процесса планирования [16; 17], в том числе и деятельность при объединении организаций по сохранению целостности СМК. В таблице 1 представлен алгоритм сохранения целостности объединяемых СМК и мероприятия по составлению плана интеграции и отчета о функционировании и целостности СМК.

Табл. 1. Алгоритм действий по сохранению целостности объединяемых СМК при планировании изменений
Tab. 1. Algorithm for preserving the merging quality management systems' integrity during unification planning

Мероприятия	Ответственные
Анализ необходимых и планируемых изменений в ходе интеграции двух СМК	Высшее руководство, служба качества
Решение о внесении изменений в каждую СМК, целях изменений, сроках их внесения, составе проектной группы	Высшее руководство, ответственный по СМК
Разработка плана по интеграции СМК университета и колледжа	Проектная группа
Реализация плана интеграции и анализ его выполнения	Проектная группа
Корректировка плана интеграции с учетом анализа выполненных мероприятий / результатов (периодически, не реже 1 раза в квартал)	Проектная группа
Анализ влияния предстоящих изменений на целостность каждой СМК и корректировка плана интеграции (по мере необходимости)	Проектная группа
Проведение мониторинга результатов выполнения плана с точки зрения сохранения целостности двух СМК при формировании единой системы менеджмента образовательного комплекса	Ответственный по СМК
Отчет о новом статусе СМК образовательного комплекса и состоянии целостности СМК	Ответственный по СМК

Алгоритм построен с учетом методологии PDCA (планируй – делай – контролируй – улучшай). Рекомендуется постепенно готовиться к осуществлению деятельности по объединению двух СМК для сохранения целостности этих систем, разрабатывая соответствующие механизмы и условия их применения [1; 18–22].

В рассматриваемой организации были проведены основные изменения СМК при объединении образовательных организаций, проведен их анализ и составлен основной перечень изменений (табл. 2). При этом вносимые изменения могут быть представлены в виде проектного менеджмента со всеми его характеристиками. Период реализации таких изменений составил около 10 лет.

Анализ изменений в СМК, представленный в таблице 2, отражает только основные из вносимых изменений. Каждое изменение декомпозируется на подкатегории в зависимости от масштаба изменений в организации, например: укрупнение либо ликвидация организации; изменение численности сотрудников; увеличение / уменьшение объема оказываемых услуг / продукции и др. Завершающим этапом таких изменений были внутренние аудиты процессов СМК образовательного комплекса.

Следующим шагом после идентификации категорий изменений и их ранжирования необходимо провести оценку степени возможного влияния каждой категории изменений на целостность СМК. В данном направлении предложена соответствующая шкала (табл. 3).

Согласно интерпретации таблицы 3, нами определено четыре уровня влияния категории изменений на целостность СМК, а также процент внесенных изменений. Уровень влияния определяется по *значительным* и *незначительным* изменениям и по частоте вносимых изменений. Чем чаще проводятся изменения и меньше их доля, тем ниже уровень влияния изменения на целостность системы менеджмента.

Исходя из всего вышесказанного, деятельность по сохранению целостности СМК образовательных организаций при внесении определенных изменений в процессе их объединения и интеграции состоит из ряда шагов. В соответствии с этим необходимо комплексно и поэтапно использовать все перечисленные составляющие данного процесса [23–27]. В этом и заключается функциональный подход к сохранению целостности СМК при объединении организаций (рис. 2).

Согласно данному функциональному подходу, необходимо придерживаться не только плана и сроков по интеграции СМК образовательных организаций, но и соблюдать определенные правила внесения этих изменений [28–33], в частности:

- регулярно контролировать ход интеграции;
- обеспечивать преемственность, а также распределение и закрепление ответственности сотрудников всех уровней;
- обеспечивать адекватное перераспределение функций и ресурсов при объединении двух и более образовательных организаций;
- пересматривать и разрабатывать матрицы распределения ответственности и четко распределять обязанности между сотрудниками / подразделениями (особенно в подразделениях образовательной организации, которые подверглись слиянию, либо в которые добавился новый функционал при ликвидации структур).

Табл. 2. Анализ вносимых в СМК изменений при объединении (интеграции) двух образовательных организаций
Tab. 2. Analysis of changes to the quality management systems when unifying (integrating) two educational organizations

Категории изменений	Подкатегории	Ключевые свидетельства изменений
Изменение области применения СМК	1.1 Добавление элемента области применения СМК 1.2 Удаление элемента области применения СМК	Скорректированная область применения СМК образовательного комплекса
Изменение организационной структуры	2.1 Изменение организационной структуры с введением в состав нового структурного подразделения и новых сотрудников 2.2 Изменение организационной структуры с введением в состав нового структурного подразделения и ротацией кадров 2.3 Изменение организационной структуры с ликвидацией структурного подразделения и сокращением / ротацией штата сотрудников	Штатное расписание с изменениями, скорректированная структура управления образовательного комплекса, скорректированные организационные структуры подразделений
Изменение состава процессов	3.1 Объединение процессов 3.2 Разделение процессов 3.3 Упразднение процессов	Реестр процессов СМК образовательного комплекса, скорректированная схема взаимодействия процессов
Изменение в документации СМК	4.1 Актуализация документов 4.2 Разработка документов 4.3 Упразднение документов 4.4 Интеграция документов (полная, частичная)	Новая номенклатура дел образовательного комплекса, скорректированный перечень документов и записей объединенной СМК
Изменения, обусловленные увеличением спектра предоставляемых образовательных услуг	6.1 Расширение возможностей образовательных траекторий обучающихся колледжа 6.2 Разработка и реализация совместных образовательных программ дополнительного профессионального образования	Расширенный спектр образовательных услуг в области основного и дополнительного образования
Изменения в составе основного персонала	7.1 Сокращение персонала присоединяемой организации 7.2 Ротация кадров в объединенных организациях 7.3 Увеличение штата сотрудников головной организации	Обновленный штатный состав образовательного комплекса

Табл. 3. Шкала для определения вероятности влияния категории изменений на целостность каждой из СМК образовательной организации
Tab. 3. Scale for determining the probability of changes impacting the integrity of the quality management systems

Вероятность влияния категории изменений на целостность СМК	Вносимые изменения, %	Уровень влияния на целостность СМК	Интерпретация / частота влияний категории изменений
Высокая	>70 %	Существенный	Значительные изменения, вносимые в документацию, процессы при реорганизации организации
Средняя	30–50 %	Средний	Изменения, вносимые при внедрении новых подходов, проектов
Низкая	10–30 %	Несущественный	Незначительные изменения методов управления образовательной организации
Нулевая (либо очень низкая)	<10 %	Невлияющий	Незначительные изменения, вносимые ежемесячно в документацию образовательной организации

Рис. 2. Применение функционального подхода по сохранению целостности СМК при объединении и интеграции образовательных организаций
Fig. 2. Functional approach to preserving the quality management systems' integrity when unifying (integrating) of organizations

При этом необходимо соблюдать следующие принципы при интеграции СМК образовательных организаций:

- отсутствие автономности осуществляемых действий, мероприятий;
- применение *комплексности* при планировании действий, мероприятий;
- установление взаимодействия и связей с другими видами деятельности, подразделениями, должностными лицами [1].

Далее было принято решение провести исследование по оценке СМК интегрированного образовательного комплекса. Система менеджмента каждой образовательной организации перед объединением имела разные уровни зрелости и развития. Была проведена самооценка образовательного комплекса, которая проводилась по стандартам ИСО серии 9000. Также были проанализированы результаты внутренних аудитов как инструмента мониторинга текущего состояния СМК за период совместной работы университета и колледжа как единой организации.

Результаты оценки текущего состояния системы менеджмента образовательного комплекса показали следующее.

1. Стандарт ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Самооценка показала, что существующая СМК образовательного комплекса имеет определенные положительные стороны: система менеджмента документирована на высоком уровне, разработанные документы доводятся до сведения заинтересованных сторон, процессы результативны, внедрены инструменты мониторинга и измерения, сотрудники осведомлены о своих обязанностях и выполняют требования СМК. В область *отлично* попали все разделы стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015, но не все подразделы и подпункты стандарта. Наиболее высокие показатели, на уровне 10 баллов, выявлены по пунктам 5.3 Функции, ответственность и полномочия организации; 7.5 Документированная информация; 8.7 Управление несоответствующими результатами процессов; 9.1 Мониторинг, измерение, анализ и оценка; 9.2 Внутренний аудит; 9.3 Анализ со стороны руководства. Также высокие показатели отмечены по подпунктам 5.1.2 Ориентация на потребителя; 8.5.2 Идентификация и прослеживаемость; 8.5.4 Сохранение.

2. Стандарт ГОСТ Р ИСО 9004-2019. Самооценка также показала положительные стороны, а именно: на основе политики разрабатываются оперативные цели и задачи различных уровней управления образовательного комплекса; осуществляется планирование ресурсов объединенных структурных подразделений; потребности и ожидания заинтересованных сторон учитываются при планировании интегрированных процессов СМК; имеют место плановые мероприятия, события и встречи по обмену информацией; внедрена система признания положительных результатов по итогам реализации предложений, поступающих из структур как головной, так и присоединенной организации.

3. Стандарт ГОСТ Р ИСО 19011-2021[6]. По результатам проведенных внутренних аудитов процессов и структурных подразделений в соответствии с рекомендациями данного стандарта и другими подходами [34–36] выявлено, что проведена полная интеграция научно-педагогического потенциала головной организации и его структурных подразделений, про-

[6] ГОСТ Р ИСО 19011-2021. Оценка соответствия. Руководящие указания по проведению аудита систем менеджмента. *Кодекс*. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200179216 (дата обращения: 08.12.2022).

изошло расширение круга партнеров, увеличение внебюджетных доходов. Прослеживается использование лучших практик при совместной работе учебных учреждений. Например, в разработке стандартов, карт процессов, целевых показателей головная организация переняла опыт присоединяемой. Также повысился престиж университета в части международной образовательной деятельности. Это связано с получением международного сертификата соответствия СМК требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015 в 2021 г., свидетельств о международной аккредитации по программам 31.05.01 Лечебное дело, 31.05.02 Педиатрия и 31.05.03 Стоматология. Также роль сыграло получение профессионально-общественной аккредитации в 2022 г. по программам 33.05.01 Фармация, 37.05.01 Клиническая психология, 30.05.03 Медицинская кибернетика. Установлено, что требуется более активное внедрение и продвижение риск-ориентированного подхода в СМК образовательного комплекса[7] [37–39].

Заключение

Согласно закону единства и целостности систем управления, система менеджмента должна обладать такими качествами, как организационное и функциональное единство. Функциональная целостность представляет собой систему управления, реализующую все функции менеджмента, необходимые для достижения целевых показателей и стратегических целей всей системы. Единство системы управления говорит о том, что она образует собой целостную систему, а не отельные фрагменты или части. Это значит, что полную систему управления объединенной образовательной организации, образовательного комплекса, необходимо строить на базе единых интересов, методов, подходов, принципов. Однако из этого не следует, что требуется унифицировать или вводить единообразие по уровням, звеньям или подходам в управлении.

Объединенный образовательный комплекс должен опираться не только на уже сложившиеся принципы управления головной организации, но и использовать в управлении лучшие методики работы присоединенной образовательной организации (в нашем случае – колледжа). Период внесения изменений может длиться 3 года и более в зависимости от различных факторов, в частности от руководства, уровней зрелости образовательных организаций и гибкости систем менеджмента.

В соответствии с этим, приведенные перечни правил и методов обеспечения целостности СМК образовательных организаций (университета + колледжа) являются далеко не исчерпывающими. Представленный опыт по интеграции двух СМК и сохранению их целостности может быть распространен не только на организации в сфере образования, но и на организации / регионы в любой сфере экономики при условии адаптации к социально-экономическим условиям конкретной организации / региона.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. В. Соколовская – первичная количественная обработка данных, теоретический анализ по проблеме исследования, сбор эмпирических данных, редактирование текста статьи. Е. В. Замиралова – дизайн исследования, целевые установки работы.
Contribution: M. V. Sokolovskaya performed primary data processing and theoretical analysis, collected empirical data, edited the article. E. V. Zamiralova designed the research and determined purpose of the study.

Литература / References

1. Качалов В. А. Что такое целостность СМК и как ее сохранять? *Методы менеджмента качества*. 2010. № 2. С. 26–31. [Kachalov V. A. Quality management system integrity and how to preserve it. *Methods of Quality Management*, 2010, (2): 26–31. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pjcbvb
2. Менеджмент в образовании, ред. С. Ю. Трапицын. М.: Юрайт, 2019. 440 с. [*Management in education*, ed. Trapitsyn S. Yu. Moscow: Iurait, 2019, 440. (In Russ.)]
3. Vasetskaya N. O. Management of university educational activities in the quality management system. *Components Of Scientific And Technological Progress*, 2022, (8): 55–59. https://www.elibrary.ru/mfdizt
4. Кислухина И. А. Интеграция предприятий лесопромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 1. С. 150–163. [Kislukhina I. A. The integration of timber enterprises of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. *Ekonomika regiona*, 2018, 14(1): 150–163. (In Russ.)] https://doi.org/10.17059/2018-1-12

[7] ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. *Кодекс*. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200170125 (дата обращения: 08.12.2022).

5. Масленников М. И. Модель развития вертикально и горизонтально интегрированных структур в металлургии. *Экономика региона*. 2012. № 3. С. 179–189. [Maslennikov M. I. Model of development of vertically and horizontally integrated structures in metallurgical engineering. *Ekonomika regiona*, 2012, (3): 179–189. (In Russ.)] https://doi.org/10.17059/2012-3-17
6. Smuts J. C. *Holism and evolution*. London: Macmillan and Co., 1926, 361.
7. Parakhina V. N., Boris O. A., Timoshenko P. N. Integration of social and innovative activities into industrial organization. *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth*. Springer Cham, 2017, 225–242. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45462-7_25
8. Lyapina I. R., Zaytsev A. G., Mashegov P. N., Skobliakova I. V., Trubin A. E. Institutionalization of integration processes in education and formation of regional system of innovational entrepreneurship. *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Springer Cham, 2017, 227–233. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60696-5_28
9. Орлова Т. Н. Практика организации деятельности в образовательной организации в условиях интеграции общего и дополнительного образования. *Современная школа России. Вопросы модернизации*. 2022. № 2-1. С. 96–98. [Orlova T. N. Activities organization practice in educational organization in conditions of integration of general and additional education. *Sovremennaia shkola Rossii. Voprosy modernizatsii*, 2022, (2-1): 96–98. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wzsenp
10. Кадничанская М. И., Рудакова А. А. Особенности управления в сфере образования: системный подход. *Симбирский научный вестник*. 2022. № 2. С. 41–45. [Kadnichanskaya M. I., Rudakova A. A. Features of management in the field of education: a systematic approach. *Simbirskii nauchnyi vestnik*, 2022, (2): 41–45. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ealpup
11. Кохан Н. В., Старшинин А. В. Логистический подход в управлении образовательной организацией. *Вестник педагогических инноваций*. 2022. № 1. С. 13–21. [Kokhan N. V., Starshinin A. V. Logistic approach in the management of an educational organization. *Journal of Pedagogical Innovations*, 2022, (1): 13–21. (In Russ.)] https://doi.org/10.15293/1812-9463.2201.02
12. Кожевникова К. Ю., Ивашова М. В., Мальцев О. В. Современные модели управления образовательной организацией и определение их эффективности. *Наука и образование в обеспечении устойчивого развития человеческого потенциала в условиях перехода к цифровой экономике*: VIII Росс. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Пермь, 25–26 мая 2021 г.) Пермь: ПГГПУ, 2021. С. 135–139. [Kozhevnikova K. Yu., Ivashova M. V., Maltsev O. V. Modern models of educational organization management and determination of their effectiveness. *Transition to a digital economy: science and education in ensuring sustainable human development*: Proc. VIII Russ. Sci.-Pract. Conf. with Intern. Participation, Perm, 25–26 May 2021. Perm: PSHPU, 2021, 135–139. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/dtsupy
13. Соколовская М. В., Замиралова Е. В. Опыт интеграции систем менеджмента качества образовательных организаций при создании образовательного комплекса. *Глобальный научный потенциал*. 2015. № 12. С. 24–27. [Sokolovskaya M. V., Zamiralova E. V. Experience of integrating quality management systems of educational organizations when creating an integrated educational facility. *Global Scientific Potential*, 2015, (12): 24–27. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vlhxdj
14. Серебрякова Н. А., Исаенко И. И., Дорохова Н. В. Кластеризация как перспективное направление развития инновационной инфраструктуры региона. *Регион: системы, экономика, управление*. 2020. № 3. С. 69–77. [Serebryakova N. A., Isaenko M. I., Dorokhova N. V. Clustering as a promising direction for the development of innovative infrastructure in the region. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2020, (3): 69–77. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-50-3-69-77
15. Pieri F. Vertical organization of production and firm growth. *Industrial and Corporate Change*, 2018, 27(1): 83–106. https://doi.org/10.1093/icc/dtx019
16. Емельяненко Ю. Р., Гончарова О. В. Построение модели образовательного пространства ДОО на основе кластерного подхода. *Управление дошкольным образовательным учреждением*. 2021. № 9. С. 16–24. [Emelyanenko Yu. R., Goncharova O. V. Building a model of the educational space of a preschool educational institution based on the cluster approach. *Upravlenie doshkolnym obrazovatelnym uchrezhdeniem*, 2021, (9): 16–24. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/msbgmq
17. Уткина Е. А. Объединение компаний в вертикально-интегрированную корпорацию и формирование организационной структуры компании. *Актуальные вопросы права, экономики и управления*: XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 февраля 2018 г.) Пенза: Наука и просвещение, 2018. Ч. 1. С. 228–232. [Utkina E. A. Merger of companies into a vertically integrated corporation and the organizational structure

of the company. *Topical issues of law, economics and management*: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 5 Feb 2018. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2018, pt. 1, 228–232. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yrwfpu

18. Соколовская М. В., Буянкина Р. Г., Попова О. М., Никулина С. Ю. Критерии эффективности внутренних аудитов образовательной организации. *Сибирское медицинское обозрение*. 2014. № 6. С. 95–100. [Sokolovskaya M. V., Buyankina R. G., Popova O. M., Nikulina S. Yu. Criteria of efficiency of the internal audit in the educational organization. *Siberian Medical Review*, 2014, (6): 95–100. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/thehkh
19. Соколовская М. В., Замиралова Е. В., Клобертанц Е. П., Казакова Е. Н., Буянкина Р. Г. Применение функционального подхода к оценке внутренних аудитов системы менеджмента качества образовательного комплекса. *Сибирское медицинское обозрение*. 2015. № 3. С. 93–96. [Sokolovskaya M. V., Zamiralova E. V., Klobertants E. P., Kazakova E. N., Buyankina R. G. Application of the functional approach to the assessment of internal audit of quality management system in the educational complex. *Siberian Medical Review*, 2015, (3): 93–96. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ubencj
20. Сорокин А. В., Аниськина Н. Н. Опыт постановки системы менеджмента качества на основе интеграции процессов в объединении компаний. *Качество и жизнь*. 2018. № 4. С. 77–80. [Sorokin A. V., Aniskina N. N. Experience of setting quality management system based on the integration of processes in the association of companies. *Quality and life*, 2018, (4): 77–80. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vvwwui
21. Попова Л. Ф. Механизмы интеграции системы менеджмента качества и системы управления промышленными предприятиями. *Актуальные проблемы управления в условиях цифровизации: теория и практика*: VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 3 июля 2018 г.) Саратов, 2018. С. 127–130. [Popova L. F. Mechanisms for integrating the quality management system and the industrial enterprise management system. *Actual problems of management in the context of digitalization: theory and practice*: Proc. VIII All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 3 Jul 2018. Saratov, 2018, 127–130. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ynedid
22. Кузнецова Н. Н., Имангуллова Л. М., Бирюкова Л. И. Современные тенденции интеграции систем менеджмента качества в зарубежной практике. *Финансовая экономика*. 2019. № 8. С. 270–276. [Kuznetsova N. N., Imangullova L. M., Biryukova L. I. Modern trends in the integration of management systems in foreign practice. *Financial Economy*, 2019, (8): 270–276. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qncyke
23. Белов В. В., Моудио М. Ф. Е. Соотношение между функциональным и процессным подходами к управлению бизнес-процессами. *Математическое и программное обеспечение вычислительных систем*, ред. А. Н. Пылькин. Рязань: Коняхин А. В. (BookJet), 2019. Т. 2. С. 82–87. [Belov V. V., Moudio M. F. E. Correlation between constructive and technological approaches to business process management. *Mathematical and software support for computing systems*, ed. Pylkin A. N. Ryazan: Koniakhin A. V. (BookJet), 2019, vol. 2, 82–87. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wwcaws
24. Созонова Н. А. Функциональный и процессный подходы к управлению организацией. *Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России*. 2020. № 6. С. 132–136. [Sozonova N. A. Functional and process approaches to organization management. *Inzhenernye kadry – budushchee innovatsionnoi ekonomiki Rossii*, 2020, (6): 132–136. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/kbdird
25. Герасимов Б. Н. Технологизация процессов организации на основе функционального подхода. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 2. С. 13–20. [Gerasimov B. N. Technologization of the processes of the organization based on functional approach. *Economy and business: theory and practice*, 2019, (2): 13–20. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10357
26. Душкин Р. В. Интеллектуализация управления техническими системами в рамках функционального подхода. *Программные системы и вычислительные методы*. 2019. № 2. С. 43–57. [Dushkin R. V. Intellectualization of the management of technical systems as part of a functional approach. *Software systems and computational methods*, 2019, (2): 43–57. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2454-0714.2019.2.29192
27. Моисеева Т. В. Анализ современных субъектно-ориентированных подходов к управлению. *Вестник Челябинского государственного университет*а. 2021. № 3. С. 80–88. [Moiseeva T. V. Analysis of modern subject-oriented approaches to management. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, (3): 80–88. (In Russ.)] https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10309
28. Поздняков М. П. Анализ применения функционального и процессного подходов в управлении нефтяной организацией в рамках нефтяных промыслов нефтедобывающих организаций. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2020. № 2. С. 74–76. [Pozdniakov M. P. Analysis of the application of functional and process approaches in the management of an oil organization within the oil fields of oil-producing organizations. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, 2020, (2): 74–76. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qajeou

29. Гаджиахмедов Э. Т. Функциональный и процессный подходы к управлению организацией. *Студенческий вестник*. 2019. № 3-2. С. 14–16. [Gadzhiakhmedov E. T. Functional and process approaches to organization management. *Studencheskii vestnik*, 2019, (3-2): 14–16. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yvmedr
30. Хлыстова Е. А., Губанихина Е. В. Функциональный подход к диагностике эффективности управления образовательной организацией. *Актуальные проблемы современной педагогической науки: взгляд молодых исследователей*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Арзамас, 6–9 апреля 2021 г.) Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 148–151. [Khlystova E. A., Gubanihina E. V. Functional approach to diagnosing the effectiveness of managing an educational organization. *Actual problems of modern pedagogical science: the view of young researchers:* Proc. All-Russ. Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Arzamas, 6–9 Apr 2021. Arzamas: Arzamasskii filial NNSU im. N. I. Lobachevskogo, 2021, 148–151. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mcjtvh
31. Хаванская С. А., Лебедева Т. С. Применение системы менеджмента качества в образовательной организации среднего профессионального образования. *Неделя науки СПбПУ*: науч. конф. с Междунар. уч. (Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 г.) СПбПУ: ИПМЭиТ, 2019. Ч. 3. С. 107–109. [Khavanskaia S. A., Lebedeva T. S. Application of a quality management system in an educational organization of secondary vocational education. *Week of science SPbPU*: Proc. Sci. Conf. with Intern. Participation, St. Petersburg, 18–23 Nov 2019. St. Petersburg: SPbPU, 2019, vol. 3, 107–109. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/gwzlvl
32. Ансофф И. Х. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 519 с. [Ansoff I. H. *Strategic management*. Moscow: Economics, 1989, 519. (In Russ.)]
33. Куликов А. В., Широкова Г. В. Внутрифирменные ориентации и их влияние на рост: опыт российских малых и средних предприятий. *Российский журнал менеджмента*. 2010. Т. 8. № 3. С. 3–34. [Kulikov A. V., Shirokova G. V. Intra-company orientations and their impact on growth: the experience of Russian small and medium-sized enterprises. *Russian Management Journal*, 2010, 8(3): 3–34. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mvnrsx
34. Замиралова Е. В. Рекомендации по реализации новых требований стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015 о проведении внутреннего аудита системы менеджмента качества. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 8. С. 78–82. [Zamiralova E. V. Recommendations for the implementation of the new requirements of the GOST R ISO 9001-2015 standard on conducting an internal audit of the quality management system. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2018, (8): 78–82. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vsgdea
35. Система менеджмента качества организации, ред. В. В. Левшин. Новосибирск: СибАК, 2018. 208 с. [*Organization quality management system*, ed. Levshin V. V. Novosibirsk: SibAC, 2018, 208. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xzjkwd
36. Pelantová V., Šlaichová E. The contribution to the integration of management systems oriented to the sustainable and TQM. *Amfiteatru Economic*, 2017, 19(11): 951–965.
37. Прокофьева Е. Н. Процесс управления рисками образовательной организации. *Инновационные подходы к решению проблем «Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы»*: Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 19–20 октября 2018 г.) Казань: КГТУ, 2018. 415–418 с. [Prokofieva E. N. Process of management of risks of the educational organization. *Innovative approaches to addressing the challenges of the "Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030"*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 19–20 Oct 2018. Kazan: KSTU, 2018, 415–418. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/jrqtid
38. Рамперсад Х. К. Универсальная система показателей деятельности. Как достигать результатов, сохраняя целостность. М.: Альпина Бизнес букс, 2004. 352 с. [Rampersad H. K. *Total performance scorecard: redefining management to achieve performance with integrity*. Moscow: Alpina Biznes buks, 2004, 352. (In Russ.)]
39. Andreeva S., Velikanova S., Chernykh O., Kozhushkova N., Samarokova I., Arakcheeva Z. The risk-based thinking in managing documents as assets. *International Journal of Economic Perspectives*, 2017, 11(2). https://www.elibrary.ru/zoikwp

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Внутренний аудит университетов на основе аджайл-метода с использованием дистанционных технологий в современных условиях

Соколовская Марина Владимировна
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0002-3236-2263

Логинова Ирина Олеговна
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0002-9551-1457

Буянкина Римма Геннадьевна
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого,
Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0002-9928-7173
buyankinar@mail.ru

Поступила 17.11.2022. Принята после рецензирования 20.12.2022. Принята в печать 24.01.2023.

Аннотация: Статья посвящена применению аджайл-аудита с использованием дистанционных технологий в сфере образования в период пандемии. Цель – применение новой методики при проведении внутреннего аудита в организации в меняющихся условиях, обусловленных периодом пандемии. Рассмотрено понятие и принципы проведения аджайл-аудита; функциональные взаимоотношения, возникающие при проведении аджайл-аудита; возможность использования дистанционных технологий. Использовался аджайл-метод и дистанционные технологии как вариант ответа на современный вызов пандемии. Предложен смешанный метод проведения внутреннего аудита с применением аджайл-методики и дистанционных технологий. На основе данной методики и собственного опыта в проведении внутренних аудитов разработан функциональный подход к применению аджайл-аудита с элементами дистанционных технологий.

Ключевые слова: образовательная организация, внутренний аудит, метод аджайл, аджайл-аудит, дистанционные технологии, функциональный подход, пандемия COVID-19

Цитирование: Соколовская М. В., Логинова И. О., Буянкина Р. Г. Внутренний аудит университетов на основе аджайл-метода с использованием дистанционных технологий в современных условиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 208–216. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-208-216

full article

Internal Audit of Universities in Modern Conditions Based on the Agile Method Using Remote Technologies

Marina V. Sokolovskaya
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0002-3236-2263
sokolovskaya-marina@yandex.ru

Irina O. Loginova
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0002-9551-1457

Rimma G. Buyankina
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0002-9928-7173

Received 17 Nov 2022. Accepted after peer review 20 Dec 2022. Accepted for publication 24 Jan 2023.

Abstract: The article is devoted to the application of agile audit during the pandemic using remote technologies. The purpose of the article is to apply new methodology to internal audit in an organization in the changing conditions caused by the pandemic period. The authors consider the concept and principles of conducting agile audit, functional relationships arising during the agile audit, and the possibility of using remote technologies. The agile method and

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

remote technologies are used as an answer to the modern challenges of the pandemic. A mixed method of conducting internal audit using the agile methodology and remote technologies is proposed. Based on this methodology and experience in conducting internal audits, the authors develop a functional approach to the agile audit with elements of remote technologies as an option in changing conditions. The research has practical application in improving the processes and activities of organizations in the field of education.
Keywords: educational organization, internal audit, agile method, agile audit, remote technology, functional approach, COVID-19

Citation: Sokolovskaya M. V., Loginova I. O., Buyankina R. G. Internal Audit of Universities in Modern Conditions Based on the Agile Method Using Remote Technologies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 208–216. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-208-216

Введение

Вызовы, обусловленные пандемией COVID-19, переориентировали всю систему менеджмента качества образовательных организаций на работу в новой реальности, требующей сочетания традиционных и инновационных форм работы. Для сохранения функциональности и устойчивости организации на первый план вышли гибкость, скорость и изменение направлений в работе [1–3], что отразилось на принципах работы организаций и усиление внимания к обеспечению стабильного качества оказания услуг. Такие изменения подталкивают организации к поиску все новых путей развития и совершенствования своей деятельности.

Одним из инструментов обеспечения устойчивого развития организаций в сфере образования являются современные системы менеджмента качества (СМК), соответствующие требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015[1]. Особенно важен этот инструмент для сетевых организаций и организаций с большой численностью персонала, т. к. сложность управления возрастает с уровнями подчинения. Для того, чтобы выстроить четкую систему оценки качества образования, организации используют один из инструментов управления качеством – внутренние аудиты [4; 5].

На основе проанализированного опыта проведения внутренних аудитов в образовательной организации, основных теоретических подходов и ситуации в вузе, обусловленной пандемией COVID-19, авторы делают вывод о необходимости введения новых методов проведения аудитов. В нашем случае, инновационными методами были избраны аджайл-метод и дистанционные технологии как вариант ответа на современный вызов пандемии COVID-19 [6–8]. Проблема проведения внутреннего аудита в меняющихся условиях с внедрением дистанционных технологий, комбинированных с аджайл-методикой, является достаточно новой для российского образования.

Теоретической и методологической базой работы послужили фундаментальные и прикладные исследования по вопросам менеджмента качества в образовательных организациях, работы отечественных ученых в области менеджмента качества и интегрированных систем менеджмента, касающиеся образования. В процессе исследования были применены такие научные методы, как анализ и синтез, обобщение и сравнение, расчетный метод, выявление причинно-следственных связей. Также внедрены аджайл-метод, комбинированный с дистанционными технологиями, методика scrum.

Руководством ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации было принято решение применить дистанционные технологии еще и в связи с тем, что в конечную версию указаний по проведению аудита систем менеджмента ГОСТ Р ИСО 19011-2021[2] были включены изменения, касающиеся удаленных аудитов, т. е. такой вариант допускается и к внешним, и к внутренним аудитам.

Программа аудита предусматривала проведение 2 плановых аудитов в 78 структурных подразделениях в смешанном формате с применением дистанционных технологий и внеплановый аудит в 10 структурных подразделениях.

Результаты

Внутренний аудит является одним из инструментов развития, совершенствования процессов, направлений деятельности, который позволяет организации решать многие задачи, в частности контролировать

[1] ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200124394 (дата обращения: 20.10.2022).

[2] ГОСТ Р ИСО 19011-2021. Оценка соответствия. Руководящие указания по проведению аудита систем менеджмента. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200179216 (дата обращения: 20.10.2022).

ведение документированной информации, составлять отчеты, а также организовывать и повышать эффективность управления процессами. Внутренний аудит применяется в качестве инструмента внутреннего контроля, который помогает реализовать разнообразные контролирующие мероприятия, анализировать функционирование системы менеджмента качества в организации, а также своевременно выявлять и актуализировать варианты политики организации и совершенствовать направления деятельности организации [9]. При помощи внутреннего аудита также осуществляется контроль над процессами, их оценка и быстрое изменение, если существует такая необходимость [9–11].

Под внутренним аудитом понимается предоставление независимых и объективных гарантий и консультаций, направленных на совершенствование деятельности организации. Таким образом, внутренний аудит направлен на помощь в достижении целевых показателей руководства. Для того чтобы повысить эффективность процессов контроля, корпоративного управления и управления рисками, необходимо осуществлять системный подход к последовательному и непрерывному анализу рисков организации и всех процессов менеджмента, что позволит повысить эффективность контроля и корпоративного управления, а также управления рисками [6; 12; 13].

Следует отметить, что в период до пандемии процесс внутреннего аудита можно было считать результативным и эффективным [14; 15]. Однако период пандемии существенно повлиял на эти показатели. Несмотря на переход части персонала на удаленную работу, одной из важных составляющих деятельности в образовательных организациях стало администрирование процессов и перераспределение ресурсов для дистанционного формата работы [3].

Известно, что для имиджа организации необходимо использовать лучшие практики и эффективные модели управления [2], которые являются одними из самых важных инструментов в инновационной активности и поглощают комплекс взаимосвязанных процедур [9]. В этой связи при сохранении традиционных форматов работы внутренних аудиторов (планирование, контролирующие мероприятия, отчетность) необходимо было адаптироваться к новым, инновационным формам работы. Традиционные формы работы аудита распределяются на логически-взаимосвязанные этапы, при этом соблюдается их последовательность. Окончательный результат формируется в конце аудита.

Дистанционные технологии широко известны. В большей степени они применяются на всех уровнях образования для преподавания дисциплин (модулей), практик и обеспечения различных форм контроля успеваемости обучающихся. В то же время аджайл-метод в образовании не применялся. Эта методика применяется для сферы ИТ, в частности ИТ-разработок. Возможности его применения в современных системах управления обусловлены тем, что в фокусе этого подхода лежит самоорганизованность и ответственность персонала, развитие компетенций и лидерских качеств [16].

Аджайл – это методика управления аудитом, основная суть которой заключается в делении аудита на мелкие части. Каждая будет завершена к назначенному сроку, а не к окончательной стадии всего аудита. Аджайл-процесс – это некая возможность достижения цели, при которой все составляющие аудита располагаются в определенных местах и соблюдаются необходимые нормативные требования [17]. Айджал метод – это метод повышения эффективности и достижения гибкости в меняющихся условиях. Метод построен на конкретных принципах, устанавливающих специфику командной работы в ходе аудита:

- инструменты и процессы – это менее важная составляющая, чем взаимодействие людей;
- стремление к переменам является более важной частью соблюдения первоначального плана;
- согласование условий контракта второстепенно по отношению к сотрудничеству с потребителем;
- работающий продукт превыше полной разработанной документации [18; 19].

Представленные принципы хорошо соотносятся с изменяющимися условиями пандемии и позволяют гибко реагировать на изменения. Кроме того, они ориентированы на коммуникацию сотрудников [18; 20], а также постановку задач, оценку результатов, поиск решений и подходят для мини-проектов и краткосрочных перспектив [13].

В связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией значительно возросло использование в образовательном процессе университета дистанционных образовательных технологий. В 2021 г. кафедры университета, учебные отделения и часть сотрудников из различных структурных подразделений тоже перешли на дистанционный формат работы.

В нашем случае в 2021 г. программой аудита было определено проведение 2 плановых аудитов у 78 структурных подразделений в смешанном формате с применением дистанционных технологий. Также от высшего руководства поступил запрос о проведении внепланового аудита в 10 структурных подразделениях в кратчайшие сроки. Перед нами стояла задача провести запланированный аудит в рамках образовательного процесса и обеспечить безопасную работу аудиторских команд в университете в период пандемии. Поэтому возникла необходимость в применении новой методики для достижения гибкости в меняющихся условиях.

Для выполнения поставленных целей и решения задач в определенные сроки было решено запустить проект «Пилотный аджайл-аудит». В результате чего были установлены основные принципы работы аудиторов университета, в частности:

- принцип «не проверяй лишнее»;
- обсуждение выводов на месте, получение обратной связи от проверяемых;
- инициирование устранения выявленных несоответствий до окончания аудита в проверяемом подразделении;
- проведение аудита небольшими командами;
- принцип кросс-функциональности;
- принцип работы в концепции лидерства;
- ускоренные циклы проверок;
- быстрое формирование финальных отчетов.

Трансформируя внутренний аудит в аджайл-аудит, было решено уделить внимание обучению внутренних аудиторов новому подходу в проведении аджайл-аудита. Для этого были организованы мастер-классы с практической отработкой ситуационных задач по внутреннему аудиту.

На сегодняшний день аджайл-аудит в университете применяется в ответ на меняющиеся условия, а именно при изменении направлений проверок, незапланированных заданиях от руководства, дистанционной работе, возникающих рисках.

Правильно организованный внутренний аудит предполагает сохранение эффективности даже при отсутствии аудитора в структурном подразделении, при этом основой являются верная постановка задач и стремление к их реализации [21; 22].

Документация высокого качества является критерием правильно проведенной стандартизации процессов и последовательности действий внутри организации. Но такие процедуры обычно занимают большое количество времени. В период пандемии 2020–2021 гг. нами были актуализированы основные стандарты по СМК и положение «О внутренних аудиторах» с акцентом на гибкость при проведении аудита, основные принципы в работе аудиторов, описание возможностей проведения аудита в ответ на меняющиеся условия.

В отличие от традиционного аудита, аджайл-аудит может использовать спринты (короткие регулярные циклы работы длиной не более четырех недель), при этом все перечисленные составляющие отрабатываются параллельно в диапазоне 1–2 недель. Поэтому аудит нами был разбит на такие циклы-спринты.

Следующий этап заключался в четком распределении ролей, зон ответственности и обязанностей при проведении аудита с помощью подхода scrum (с англ. – схватка). Scrum – это методика, которая помогает командам работать совместно, agile – техника, которая предполагает объединение ряда команд, работающих вместе. Хотелось бы отметить, что аудиторская команда и является такой командой, т. е. данные роли в основном являются дополнительными к должностным инструкциям сотрудников. Единственное отличие – в scrum-команде должно быть не более 5 членов. В аудите такое количество сотрудников в команде также является наиболее часто применимым, что является еще одним плюсом применения гибких методик в аудите. В нашем случае в каждой scrum-команде состояло по 3 человека.

Мы приняли роли, взяв за основу Agile Manifesto[3] (документ, содержащий описание ценностей и принципов гибкой разработки). Руководитель аудиторской проверки – это сотрудник, несущий ответственность за результат и качественный итог; scrum-мастер – лицо, четко контролирующее сроки и отслеживающее выполнение задач. Он постоянно контактирует с руководителем проекта и командой. Остальные члены команды – аудиторы.

Аудиторы фиксировали выполнение / невыполнение требований внутренних стандартов университета. Аудиторы проверяли выполнение требований стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Внутренний аудит СМК был проведен согласно *программе аудита*, которая составлялась с применением элементов дистанционных технологий и аджайл-методики с обязательным определением спринтов и использованием планов аудитов. Также при составлении программы аудита учитывались приказ ректора № 58 от 08.02.2021 г. «О проведении внутреннего аудита в деканатах Университета, учебно-методическом управлении»; № 159-осн. от 10.03.2021 «О проведении внутреннего аудита на кафедрах», № 587-осн. от 01.10.2021 «О проведении внутреннего аудита в подразделениях, входящих в состав аппарата проректора по учебной работе».

При планировании дистанционного аудита была правильно сформирована аудиторская выборка и тщательно продуманы процедуры аудита, с помощью которых можно оценить, достигаются ли поставленные цели. Главным аудитором была разработана программа аудита, учитывающая существующий уровень технического и цифрового развития университета, а также проведено четкое разделение аудиторов на небольшие команды и установка спринтов сроком не более 2 недель.

В результате был изменен формат работы: переход с работы офлайн на дистанционную (онлайн). Произошел переход из парадигмы предоставления гарантий

[3] Agile-манифест разработки программного обеспечения. URL: http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html (дата обращения: 08.10.2022).

в парадигму предоставления консультаций. Проводимые консультации с уполномоченными по СМК в подразделениях (обсуждалась программа аудита, порядок взаимодействия с аудиторами и проект отчета о проведенном аудите) потребовали больше трудозатрат на этапе планирования.

Во время аудита также проводились stand up (с англ. – стоя.) встречи (собрания) со всей аудиторской командой. Вся информация, собранная во время собрания, фиксировалась scrum-мастером. Основная идея stand up собрания – быстрота и функциональность. Руководитель аудита проводил собрания стоя, в наименее комфортных условиях, поэтому члены команды были расположены говорить кратко и по сути. На выступление каждого члена команды отводилось не более 2 минут.

На таких встречах scrum-мастером задавались вопросы каждому члену команды, в частности:

1. Каковы результаты, достигнутые с предыдущей встречи в рамках спринта (5 дней)?
2. Что планируется выполнить до следующей встречи?
3. Каковы изменения процесса?
4. Что мешает в процессе работы и нужна ли помощь?

В результате руководитель имеет возможность применить свои знания в новом направлении, ощутить себя проектным менеджером и поднять свою репутацию в организации.

Аудиты были проведены на 64 кафедрах, в 3 деканатах, 3 отделениях, 8 цикловых методических комиссиях фармацевтического колледжа, учебно-методическом управлении, которые обеспечивают процессы обучения университета. Также аудит проводился в 9 структурных подразделениях, входящих в состав обеспечивающих процессов. Охват подразделений, входящих в область распространения СМК составил 68,4 %, а это 13 процессов из 19.

На кафедрах проверка документов осуществлялась в системе МониКа (мониторинг кафедр на сайте университета) или по скан-образцам документов, необходимых для аудита, которые предоставляли проверяемые подразделения. При необходимости получения дополнительных материалов или недостаточности предоставленных материалов по запросу внутреннего аудитора они выкладывались проверяемым подразделением на сетевой ресурс.

В нашей аудиторской деятельности используются различные инструменты, которые обеспечивают и поддерживают процесс аудита [20; 23]. В аудиторской проверке мы использовали чек-листы (контрольные листки), адаптированные под номенклатуру дел подразделений нашего университета и процессов, в которых эти подразделения задействованы.

Для каждого проверяемого подразделения или процесса разрабатывается индивидуальный чек-лист по ряду основных характеристик (табл. 1). Он должен содержать номер и наименование номенклатурного дела (либо критерия аудита), оценку результатов проверки каждого номенклатурного дела (критерия) и примечание о том, куда аудитор может внести сведения о свидетельствах аудита.

В конце подводится итог по количеству ответов по столбцам. Далее по количеству баллов по столбцам (баллы умножаются на количество ответов) подводится итоговый расчет баллов (их максимальное количество). Процент успешности прохождения аудита в подразделении рассчитывается по формуле:

$$ПУ = \frac{\sum фб}{\sum ка} * 100\ \%,$$

где ПУ – процент успешности прохождения аудита, $\sum фб$ – фактическое количество набранных баллов, $\sum ка$ – количество критериев аудита.

Каждый аудитор либо команда аудиторов производит расчет процента успешности прохождения аудита в присутствии сотрудников подразделения, озвучивая конечные результаты. Документ заверяется подписью всех участников аудита.

Использование авторской таблицы расчета успешности прохождения аудита позволяет увидеть результат на месте, гибко реагировать на изменение процента успешности (в случае быстрого предоставления аудитируемой стороной недостающей документации, информации) в отличие от существующих общепринятых чек-листов.

С целью обеспечения повышения эффективности деятельности университета создано Управление по цифровым и информационным технологиям. Повышение эффективности достигается посредством внедрения информационных технологий, цифровых инструментов работы, автоматизации процессов, создания современной информационной среды, обеспечения бесперебойного функционирования и развития инфраструктуры цифровых и информационных технологий.

Используя эти технологии, стало возможным беспрепятственно проводить внутренние аудиты кафедр университета дистанционно. Например, электронный план и отчет о работе кафедры, планы по научно-исследовательской работе, отчеты по лечебной работе, индивидуальные планы и отчеты каждого сотрудника кафедры можно посмотреть в разделе МониКа (мониторинг кафедр) на сайте университета. Мы сравнивали информацию со штатным расписанием, проверяли заполнение граф на сайте и заполнение индивидуального

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-208-216

Табл. 1. Шаблон протокола внутреннего аудита
Tab. 1. The template of internal audit protocol

№ п \ п	Критерии аудита	Оценка				Примечание (свидетельства аудита)
		3	2	1	0	
1.						
2.						
3.						
Итого: количество ответов по столбцам						
Количество баллов по столбцам						
Фактическое количество баллов / максимально возможная сумма баллов						%

Оценка критериев аудита проводится по следующим параметрам:

- 3 балла – документация соответствует требованиям СМК и полностью выполняется.
- 2 балла – документация соответствует требованиям СМК, но выполняется не полностью.
- 1 балл – документация не полностью соответствует СМК и не выполняется.
- 0 баллов – документация не соответствует требованиям процесса и СМК.

плана работы сотрудниками кафедр. Обращали внимание на измеряемые цели в области качества в плане всей кафедры и декомпозицию этих целей в планах сотрудников кафедры.

Также на сайте университета хорошо прослеживается работа с ординаторами. В документах каждого ординатора на сайте находится индивидуальный план на 2 года обучения, основные документы (диплом об образовании, свидетельство о первичной специализированной аккредитации и др.). Размещены рефераты или презентации по теме специальности ординатора. Количество рефератов в учебном году определяет отдел ординатуры и развития профессиональной карьеры. Образцы рецензий на реферат / презентацию также разработаны сотрудниками этого отдела, количество рецензий всегда соответствует количеству рефератов / презентаций. Эволюционные формуляры с мест прохождения практики ординатором расположены в отдельной папке документов.

Некоторые трудности возникали при работе с документами аспирантов. На сайте университета не предусмотрено размещение документов аспирантов и докторантов. Поэтому список документов по аспирантам и докторантам мы получали в виде сканов.

В университете принято, что за месяц до начала аудита правильность заполнения журналов по пожарной безопасности, электробезопасности и охране труда проверяют специалисты в подразделениях и ставят отметку о проверке журналов. Также архивариус университета дает сведения о наличии актов о списании документов и передаче дел в архив (протоколов заседания) каждой кафедры по наличию актов из реестра архива.

Результаты аудита номенклатуры дел кафедр на соответствие требованиям внутренних разработанных стандартов организации заносились в разработанную таблицу 1 (чек-лист). Затем проводился анализ результатов внутреннего аудита с комплексным и последовательным использованием инструментов управления качеством (контрольных листков, диаграммы Парето, диаграммы Исикавы, ABC-анализ, древовидная диаграмма) [24; 25].

В результате проведенного аудита с применением дистанционных технологий и аджайл-методики, 52 кафедры из 64 прошли внутренний аудит на отлично (100 %), содержание номенклатуры дел на кафедрах, отделениях и цикловых методических комиссиях – более 70 % (табл. 2).

Кафедры лечебного и медико-психолого-фармацевтического (МПФ) факультетов в 2021 г. прошли внутренний аудит с результатами 2020 г. Кафедры педиатрического факультета и института последипломного образования (ИПО) несколько снизили свои показатели (на 2,4 % и 0,4 % соответственно). Стоматологический факультет в 2021 г. имел показатели лучше предыдущего года (на 1,2 %).

В итоге проведенной в 2021 г. работы нами был разработан функциональный подход к использованию аджайл-аудита в меняющихся условиях. Согласно данному подходу, реализация процесса управления осуществляется путем делегирования

Табл. 2. Результаты офлайн-аудита 2020 г. и онлайн-аудита 2021 г.
Tab. 2. Results of offline audit of 2020 and online audit of 2021

Факультеты	2020	2021
Лечебный	99,0	99,0
Педиатрический	99,4	97,0
Стоматологический	95,9	97,1
ИПО	100	99,6
МПФ	99,6	99,6

полномочий исполнителям, которые находятся на разных уровнях организационной структуры, построенной в соответствии со строгой иерархической подчиненностью [20]. Подход заключается в следовании четко определенным этапам работы, апробированным при проведении аудита с применением авторской методики:

1. Решение о внедрении аджайл-аудита с элементами дистанционных технологий (приказ с распределением зон ответственности).
2. Актуализация документации с применяемыми методиками и технологиями.
3. Обучение аудиторов новым принципам и технологиям в работе.
4. Разработка плановой документации с элементами заявленных технологий (приказ о проведении аудита, программа аудита, планы аудита).
5. Распределение ролей и обязанностей в scrum-командах.
6. Деление аудита на спринты.
7. Переход с офлайн на онлайн-консультации с уполномоченными за СМК в подразделениях.
8. Запуск пилотного проекта аджайл-аудита с применением дистанционных технологий.
9. Stand up встречи аудиторской команды в рамках спринтов.
10. Оценка результатов внутренних аудитов с комплексным применением инструментов управления качества.

Заключение

В условиях пандемии COVID-19 службы внутреннего аудита усовершенствовали процесс планирования и отчетности, уменьшили бюджет времени на проведение аудиторских проверок. Команда по аудиту сосредоточила усилия на более сложных заданиях, требующих первоочередного выполнения. У аудиторов появилась возможность координировать работу с аудируемыми и получать промежуточные результаты на постоянной основе. Также члены аудиторской команды получили возможность делиться мнением и быстро решать вопросы и проблемы. Главную выгоду от более тесного взаимодействия во всех аспектах аудита получили менее опытные участники – им представилась возможность продемонстрировать свою компетентность в рамках постоянных stand up встреч.

Функциональный подход к применению аджайл-метода уменьшил временные затраты на проведение проверок, позволил провести аудит в несколько этапов, минимизировать трудозатраты, отследить своевременность сдачи документов, повысить эффективность коммуникаций, а также сократить бюджет на проведение аудита без потери качества. Исследование имеет практическое применение для совершенствования процессов и направлений деятельности организаций в сфере образования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. В. Соколовская – теоретический анализ, сбор материалов, первичная количественная обработка данных, написание раздела «Результаты». И. О. Логинова – дизайн исследования, целевые установки, написание разделов «Введение» и «Заключение». Р. Г. Буянкина – сбор материалов, первичная количественная обработка данных, написание раздела «Результаты», оформление.
Contribution: M. V. Sokolovskaya performed theoretical analysis and primary quantitative data processing, collected materials, wrote the Results section. I. O. Loginova designed the study, determined aims of the study, wrote the Introduction and Conclusion sections of the article. R. G. Buyankina collected the materials, performed primary quantitative data processing, wrote the Results section, edited the layout of the article.

Литература / References

1. Александров С. Л. Аудит возможностей организации. *Методы менеджмента качества*. 2022. № 4. С. 20–27. [Alexandrov S. L. Audit of the organization's capabilities. *Methods of Quality Management*, 2022, (4): 20–27. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yjqdcr
2. Алтухова Н. В., Кулинич И. Н. Организация службы внутреннего аудита: теория, практика и современные российские реалии. *Финансовый менеджмент*. 2020. № 5. С. 79–89. [Altukhova N. V., Kulinich I. N. The internal audit system formation: theory, practice and modern Russian realities. *Financial Management*, 2020, (5): 79–89. (In Russ.)] https://elibrary.ru/cbnfqv
3. Белов В. В., Моудио М. Ф. Е. Соотношение между функциональным и процессным подходами к управлению бизнес-процессами. *Математическое и программное обеспечение вычислительных систем*: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: ИП Коняхин А. В. (BookJet), 2019. Т. 2. С. 82–87. [Correlation between constructive and technological approaches to business process management. *Mathematical and software*

support for computing systems: interuniversity collection of scientific papers. Ryazan: IP Koniakhin A. V. (BookJet), 2019, vol. 2, 82–87. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wwcaws

4. Созонова Н. А. Функциональный и процессный подходы к управлению организацией. *Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России*. 2020. № 6. С. 132–136. [Sozonova N. A. Functional and process approaches to organization management. *Engineering personnel – the future of Russia's Innovative Economy*, 2020, (6): 132–136. (In Russ.)] https://elibrary.ru/kbdird
5. Юнусова Д. А. Организация внутреннего аудита в компании. *Финансово-экономический журнал*. 2020. Т. 36. № 1. С. 16–19. [Yunusova D. A. Performing internal audit in the company. *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 2020, 36(1): 16–19. (In Russ.)] https://doi.org/10.21779/2500-1930-2021-36-1-41–45
6. Бузуртанова Л. В., Шадиева П. М. Особенности проведения внутреннего аудита в условиях пандемии: российская практика. *Информационные технологии как основа эффективного инновационного развития*: Междунар. науч.-практ. конф. (Таганрог, 10 января 2021 г.) Уфа: Аэтерна, 2021. С. 67–70. [Buzurtanova L. V., Shadieva P. M. Features of internal audit in a pandemic: Russian practice. *Information technology as a basis for effective innovative developmen*t: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Taganrog, 10 Jan 2021. Ufa: Aeterna, 2021, 67–70. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xizzbd
7. Елкина Л. Г., Сухова Н. А., Яковлева А. А. Интеграция процессного подхода и Agile-технологии проектного менеджмента в бережливом производстве. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2020. № 1. С. 51–57. [Елкина Л. Г., Сухова Н. А., Яковлева А. А. Integration of the process approach and agile-technology of project management in lean manufacturing. *Software systems and computational methods*, 2020, (1): 51–57. (In Russ.)] https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.13
8. Карпов С. В. Agile – аудит. *Проблемы современного социума глазами молодых исследователей – XII*: XII Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов. (Волгоград, 20 мая 2020 г.) Волгоград: Волгоградский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2020. С. 92–95. [Karpov S. V. Agile – audit. *Problems of Modern Society through the eyes of Young Researchers – XII*: Proc. XII All-Russ. Sci.-Prac. Conf. of Teachers, Students, Undergraduates and Postgraduates. Volgograd, 20 May 2020. Volgograd: Volgograd branch of the PRUE, 2020, 92–95. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qdasei
9. Гаврикова Н. В., Чегнов И. С. Организация и внедрение внутреннего аудита СМК на предприятии. *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 66-3. С. 109–113. [Gavrikova N. V., Chegnov I. S. Organization and implementation of internal audit of the QMS at the enterprise. *Trends in the development of science and education*, 2020, (66-3): 109–113. (In Russ.)] https://doi.org/10.18411/lj-10-2020-120
10. Герасимов Б. Н. Технологизация процессов организации на основе функционального подхода. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 2. С. 13–20. [Gerasimov B. N. Technological equipment of the processes in the systems of the organization management. *Economy and Business*, 2019, (2): 13–20. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10357
11. Щедрина А. С., Бжассо А. А. Способы организации и методика построения внутреннего контроля и аудита в организации в современных условиях. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 9-2. С. 255–258. [Shchedrina A. S., Bzhasso A. A. Methods of organization and methodology of building internal control and audit in the organization in modern conditions. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, (9-2): 255–258. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-9-2-255-258
12. Косаренко Н. Н., Филиппова А. В. Правовые основы аудита и плановых проверок в организациях высшего образования. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2022. № 3. С. 99–103. [Kosarenko N. N., Filippova A. V. Legal grounds for audit and scheduled inspections in higher education institutions. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2022, (3): 99–103. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jzqbwz
13. Костенко Е. П. Современные тренды в управлении персоналом: отечественный и зарубежный опыт. *Вопросы регулирования экономики*. 2018. Т. 9. № 4. С. 107–123. [Kostenko E. P. Main trends in human resource management: national and foreign experience. *Journal of economic regulation*, 2018, 9(4): 107–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.107-123
14. Горчакова Е. Н. Оценка уровня зрелости внутреннего аудита организации. *Стандарты и качество*. 2019. № 2. С. 94–97. [Gorchakova E. N. Assessment of maturity level of internal audit of the organization. *Standards and Quality*, 2019, (2): 94–97. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yvfedb
15. Душкин Р. В. Интеллектуализация управления техническими системами в рамках функционального подхода. *Программные системы и вычислительные методы*. 2019. № 2. С. 43–57. [Dushkin R. V. Intellectualization of the management of technical systems as part of a functional approach. *Software systems and computational methods*, 2019, (2): 43–57. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2454-0714.2019.2.29192

16. Моисеева Т. В. Анализ современных субъектно-ориентированных подходов к управлению. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3. С. 80–88. [Moiseeva T. V. Analysis of modern subject-oriented approaches to management. *Bulletin of chelyabinsk state university*, 2021, (3): 80–88. (In Russ.)] https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10309
17. Изварина Н. Ю., Мурза Б. Р., Макарова А. А. Использование аджайл методики при проведении внутреннего аудита. *Применение бухгалтерского учета, анализа и аудита в управлении предприятием*. Ростов н/Д: Донской государственный технический университет, 2021. С. 67–74. [Izvarina N. Yu., Murza B. R., Makarova A. A. The use of the agile methodology for internal audit. *Application of accounting, analysis and audit in enterprise management*. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2021, 67–74. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xwodca
18. Васильева А. Д., Буторин А. А., Котегова Л. А. Технология управления проектами на основе методологии Agile. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 1. С. 118–124. [Vasilyeva A. D., Butorin A. A., Kotegova L. A. Project management technology based on the Agile methodology. *Journal of Altai academy of economics and law*, 2021, (1): 118–124. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/vaael.1579
19. Чуланова О. Л. Технология управления проектами и проектными командами на основе методологии гибкого управления проектами Agile. *Вестник Евразийской науки*. 2018. Т. 10. № 1. [Chulanova O. L. Technology for project management and project teams based on Agile's flexible project management methodology. *The Eurasian Scientific Journal*, 2018, 10(1). (In Russ.)] https://elibrary.ru/xnhvzb
20. Соколовская М. В., Буянкина Р. Г., Попова О. М., Никулина С. Ю. Критерии эффективности внутренних аудитов образовательной организации. *Сибирское медицинское обозрение*. 2014. № 6. С. 95–100. [Sokolovskaya M. V., Buyankina R. G., Popova O. M., Nikulina S. Yu. Criteria of efficiency of the internal audit in the educational organization. *Siberian medical review*, 2014, (6): 95–100. (In Russ.)] https://elibrary.ru/thehkh
21. Тарануха С. Н. Удаленный внутренний аудит с использованием информационных технологий как инструмент оценки соответствия в условиях новой реальности. *Транспортное дело России*. 2021. № 1. С. 110–112. [Taranuha S. N. Remote internal audit using information technologies as a tool for assessing compliance in the new reality. *Transport business of Russia*, 2021, (1): 110–112. (In Russ.)] https://elibrary.ru/hzroid
22. Халитова А. З. Риск-ориентированный подход к организации и проведению внутреннего аудита организации. *Академическая публицистика*. 2022. № 6-2. С. 136–140. [Khalitova A. Z. Risk-oriented approach to the organization and conduct of internal audit of the organization. *Academic journalism*, 2022, (6-2): 136–140. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pjefgz
23. Пальчикова М. Ю. Организация внутреннего аудита в организации: проблемы и тенденции развития. *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020. № 4. С. 93–95. [Pal'chikova M. Yu. Organization of internal audit in the organization: problems and development trends. *Scientific electronic journal Meridian*, 2020, (4): 93–95. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sbrwxx
24. Соколовская М. В., Замиралова Е. В., Клобертанц Е. П., Казакова Е. Н., Буянкина Р. Г. Применение функционального подхода к оценке внутренних аудитов системы менеджмента качества образовательного комплекса. *Сибирское медицинское обозрение*. 2015. № 3. С. 93–97. [Sokolovskaya M. V., Zamiralova E. V., Klobertants E. P., Kazakova E. N., Buyankina R. G. Application of the functional approach to the assessment of internal audit of quality management system in the educational complex. *Siberian medical review*, 2015, (3): 93–97. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ubencj
25. Синдеева Л. Л. Внутренний аудит организации: теоретический аспект. *Аллея науки*. 2022. № 6. С. 86–92. [Sindeeva L. L. Internal audit of the organization: theoretical aspect. *Alley of Science*, 2022, (6): 86–92. (In Russ.)] https://elibrary.ru/mxaybk

© 2023. Черепанов А. В., Рехтина Г. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Генезис маркетинга в контексте усиления его роли в управлении сотрудниками организаций

Черепанов Аркадий Владимирович
Новосибирский государственный аграрный университет, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0001-5874-2320

Рехтина Галина Александровна
Новосибирский государственный аграрный университет, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-9730-403X
galrekhtina@yandex.ru

Поступила 28.02.2023. Принята после рецензирования 06.04.2023. Принята в печать 13.04.2022.

Аннотация: В статье представлено понимание сущности маркетинга с учетом усиления его роли в управлении сотрудниками организаций. Предмет – концепция кадрового менеджмента, взаимосвязь маркетинга персонала, маркетинга человеческих ресурсов и маркетинга человеческого капитала. Цель – проанализировать генезис маркетинга сотрудников организаций и разработать авторскую формулировку понятия *маркетинг человеческого капитала*. Применяются методы анализа теоретических источников, систематизации и обобщения ранее опубликованных результатов. Проведена систематизация элементов маркетинга сотрудников в зависимости от концепции кадрового менеджмента. К элементам маркетинга были отнесены: цель, задачи, направления маркетинга, объект и субъект управления. Приводится авторское видение сущности маркетинга человеческого капитала. Восприятие руководством организации людей, работающих в организации, через призму маркетинга человеческого капитала выстраивает отношение к сотрудникам как к внутренним клиентам, источникам формирования активов компании, а к кандидатам на вакантные позиции – как к потенциальному потребителю. Статья является частью исследования, проводимого авторами на протяжении последних лет.

Ключевые слова: сотрудники, аспекты управления, маркетинг, маркетинг персонала, составляющие маркетинга персонала, маркетинг человеческих ресурсов, кадровый менеджмент, человеческий капитал

Цитирование: Черепанов А. В., Рехтина Г. А. Генезис маркетинга в контексте усиления его роли в управлении сотрудниками организаций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 217–229. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-217-229

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

The Genesis of Marketing in the Context of Strengthening its Role in Managing Employees

Arkadii V. Cherepanov
Novosibirsk State Agrarian University, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0001-5874-2320

Galina A. Rekhtina
Novosibirsk State Agrarian University, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-9730-403X
galrekhtina@yandex.ru

Received 28 Feb 2023. Accepted after peer review 6 Apr 2023. Accepted for publication 13 Apr 2022.

Abstract: The article presents an understanding of the essence of marketing, taking into account its increased role in the management of employees. The subject of the article is the concept of personnel management and the connection between personnel marketing, human resource marketing, and human capital marketing. The purpose of the article is to analyze the genesis of employees marketing and develop a definition of the human capital marketing concept. Methods of analysis of theoretical sources, systematization and generalization of previously published results are used. The article systemizes the employee marketing elements depending on the concept of personnel management. The author's vision of the essence of human capital marketing is given. The perception of the organization's management of people in the organization through the prism of human capital marketing builds an attitude towards employees as internal clients, sources of the company's assets; candidates for vacant positions are viewered as potential consumers. The article is part of the research conducted by the authors over the past years.

Keywords: employees, management aspects, marketing, personnel marketing, components of personnel marketing, human resources marketing, personnel management, human capital

Citation: Cherepanov A. V., Rekhtina G. A. The Genesis of Marketing in the Context of Strengthening its Role in Managing Employees. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 217–229. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-217-229

Введение

В настоящее время под влиянием усиливающейся конкуренции и турбулентности на рынках, изменений в мировоззрении потребителей и других факторов традиционная система управления персоналом переориентируется на принципиально иные системы и процессы, основанные прежде всего на использовании информации и знаний в управлении организациями [1].

Формирование и развитие таких знаний, нематериальных активов, осуществляется под непосредственным влиянием на процессы формирования и развития интеллектуального капитала, в управлении которым важнейшей функцией выступает маркетинг. Однако в научной литературе и практике понимание маркетинга в отношении сотрудников организации окончательно не утвердилось. Это предопределило выбор темы исследования и позволило сформулировать цель – проанализировать изменение роли маркетинга в управлении сотрудниками организации и разработать авторскую формулировку понятия *маркетинг человеческого капитала*.

Статья является частью более глубокого и широкого исследования по управлению человеческим капиталом, проводимого авторами в течение нескольких лет. Результаты работы нашли отражение в монографии и нескольких статьях. В исследовании обобщалась и систематизировалась информация об управлении людьми в организации, процессах взаимодействия между людьми во внутренней и внешней среде организации. Применялись различные методы – от общенаучных до экономических: наблюдение, анализ и синтез, дедукция, логика, анализ специальной литературы, графическое и табличное представление обобщенной информации, статистические группировки, расчеты соответствующих показателей, социологические опросы.

Современная тенденция такова, что понятия *управление человеческими ресурсами* и *управление человеческим капиталом* в ведущих организациях уже вытеснилj понятие *управление персоналом*. Однако философия и практика управления персоналом являются основой для управления человеческими ресурсами и человеческим капиталом, составляющими неразрывный процесс управления людьми [2].

Компании применяют разные концепции управления человеком в организации, ориентируясь на какую-то конкретную концепцию либо совмещая разные концепции. Выбор во многом зависит от видения роли человека в организации со стороны собственников и топ-менеджмента, наличия необходимых ресурсов, отношения менеджмента к стратегическому управлению, внедрению инноваций и т. д.

Изменение концептуальных подходов в управлении организациями связано с переориентацией предпринимательской деятельности в целом. Ранее традиционная ориентация предпринимательской деятельности была направлена на производственные возможности. Однако по мере роста конкуренции на рынках возникла маркетинговая ориентация на запросы, интересы, потребности покупателей (потребителей). Таким образом, маркетинг стал важнейшей функцией управления (продажами, торговлей, персоналом) как процесс выявления, прогнозирования потребностей потребителей продукции организации, которая соответствует ожиданиям рекламы и производства с целью увеличения количества продаж и максимизации пробыли [3].

Маркетинг сформировался в США в конце XIX в. Некоторые подходы, формы, методы появились и успешно реализовывались ранее (ценообразование, реклама, организация процессов в торговой деятельности и т. д.). Однако наиболее передовой страной мира в области управленческих технологий и внедрения достижений научно-технического прогресса в промышленность и сельское хозяйство на тот момент являлись США.

В 1950-х гг. маркетинг понимался только как вид деятельности (функция) по сбыту товаров организаций [4]. В 1985 г. Американская ассоциация маркетинга приняла следующее определение: «маркетинг представляет собой процесс планирования и воплощения замысла, ценообразование, продвижение и реализацию идей, товаров и услуг посредством обмена, удовлетворяющего цели отдельных лиц и организаций»[1].

Гильдия маркетологов дает следующее определение в редакции от 2020 г.: «маркетинг – основанная на анализе рынков система методов и мероприятий по разработке и продвижению продуктов,

[1] Просто о сложном: что такое маркетинг, какие у него задачи и как узнать о нем больше. *Skillbox*. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/prosto-o-slozhnom-chto-takoe-marketing-kakie-u-nego-zadachi-i-kak-uznat-o-nyem-bolshe/ (дата обращения: 20.12.2022).

обладающих ценностью для потребителей, с целью получения измеряемой выгоды участниками, при соблюдении действующих законов и этических норм». Данное определение изначально было сформулировано в 2003 г., но претерпело изменения[2].

Для понимания сущности маркетинга сотрудников организации вообще и человеческого капитала в частности следует рассмотреть определения маркетинга в общем виде. Маркетинг не ограничивается предпринимательской деятельностью, а охватывает, в том числе некоммерческие организации, продукты, идеи, людей, территории. Определение понятия общего маркетинга, разделяемое авторами – это «предвидение, управление и удовлетворение спроса на товары, услуги организации, людей, территории и идей посредством обмена» [5, с. 4].

Анализируя современные научные концепции толкования маркетинга, можно выделить четыре основные: маркетинг как концепция управления; как система достижения определенных целей; как метод; как философия, стиль мышления ориентированный на рынок [6].

Развитие маркетинга как науки происходит под взаимовлиянием различных социально-гуманитарных наук: экономической теории, финансового менеджмента, экономики организаций, организационного поведения, планирования, бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности, стратегического и инновационного менеджмента, управления персоналом, логистики, менеджмента, социологии, права, психологии и т. д.

Роль традиционного (классического) маркетинга заключается в том, что он непосредственно влияет на различные стороны процесса управления внутри организации, включая:

1. Формирование миссии и пирамиды стратегий организаций.
2. Участие в управлении организацией.
3. Повышение устойчивости, предсказуемости и непрерывности воспроизводственного процесса
4. Управление производственно-хозяйственной деятельностью, социально-трудовыми отношениями.
5. Развитие и расширение рынков, изменения в товарах (услугах) и технологиях продаж.
6. Формирование философии организации, ее организационной культуры.
7. Повышение качества продукции (услуг), ее утилизация.

Нетрудно спрогнозировать усиление роли маркетинга в деятельности организаций и его дальнейшее развитие, что предопределено такими факторами, как:

- усиливающаяся конкуренция на рынках;
- политическая нестабильность, переход к многополярности мира;
- рост стоимости инвестиционных проектов;
- растущая ограниченность и труднодоступность ресурсов, рост их стоимости;
- возрастание негативного воздействия на окружающую среду;
- рост инфляции;
- изменения в предпочтениях потребителей;
- развитие некоммерческих организаций;
- учет общественных интересов бизнес-структурами, развитие концепции социальной ответственности и т. д.

Очевидно, что «социальная основа маркетинга – удовлетворение потребностей потребителей. В случае с маркетингом персонала потребителем является работодатель, и необходимо обеспечить удовлетворение работодателя результатами работы сотрудников. С другой стороны, потребителем является сам работник, и задача деятельности в рамках маркетинга персонала – удовлетворение персонала условиями труда в организации» [7, с. 76]. Маркетинг персонала на современном этапе развития – это расширение функции производственного маркетинга и ее смещение в область управления персоналом [8]. Эволюция взглядов на маркетинг персонала представлена в таблице 1.

Рассматривая маркетинг сотрудников организации и как товар (продукт), и как покупателя, приобретающего товар (рабочее место) в обмен на стоимость своего труда, можно констатировать, что маркетинг персонала:

- многими исследователями понимается и как маркетинг человеческих ресурсов;
- в значительной мере оказывает влияние на мировоззрение сотрудников;
- непосредственно влияет на качество трудовой жизни субъектов, доходы сотрудников, их потребительские предпочтения при дальнейшем карьерном продвижении;
- присутствует во всех элементах системы работы с персоналом, а не только при подборе;
- постоянно циклически развивается;
- как социально-экономическая категория может трактоваться достаточно вариативно в зависимости от контекста;
- измененяет отношения субъектов маркетинга к его технологиям, т. е. люди внутри и вне организации (на рынке труда) в значительной мере влияют на выбор принципов, инструментария, методов, особенности технологического процесса и т. д. [4];

[2] Некоммерческое партнерство. *Гильдия маркетологов*. URL: https://www.marketologi.ru/o-gildii/ (дата обращения: 05.12.2022).

- «может стать основой кадровой политики современной организации, которая рассматривает долгосрочные отношения с субъектами внутренней среды и ключевыми субъектами внешней среды как параметр своей конкурентоспособности» [16, с. 141].

В исследованных источниках как отечественные, так и зарубежные авторы в основном применяют в отношении маркетинга сотрудников организации формулировку *маркетинг персонала* (персонал-маркетинг). Присутствуют разночтения в понимании маркетинга (рассматривается только какая-то его сторона).

Приведем некоторые определения. Маркетинг персонала – деятельность организации, которая направлена на развитие привлекательности среди сотрудников и возможных кандидатов на замещение открывающихся вакансий [7]; вид управленческой деятельности (специальная функция управления), направленный (направленная) на устойчивое обеспечение организации человеческими ресурсами[3].

Однако поскольку применяемые подходы к управлению сотрудниками организаций различны, то, по мнению авторов, принципиальным должно являться и более конкретное применение терминологии: маркетинг персонала – маркетинг человеческих ресурсов – маркетинг человеческого капитала, в зависимости от применяемой концепции управления (превалирования определенной концепции). Мы считаем, что во многих определениях содержатся противоречия. Например, маркетинг персонала рассматривается как деятельность, направленная на обеспечение, развитие человеческих ресурсов.

Табл. 1. Эволюция взглядов на маркетинг персонала за 1971–2010 гг.
Tab. 1. Evolution of views on personnel marketing, 1971–2010

Годы	Авторы	Комментарий
1971	Эскадштейн Д., Шнеллингер Ф.	«Компания предлагает продукт "рабочее место" занятым и потенциальным сотрудникам, при этом корпоративная культура играет решающую роль в свойствах продукта»[4] [9, с. 14].
1972	Бюннер Р.	«Творческий этап развития маркетинга персонала» [4, с. 115].
1973	Хунцикер П.	Коммуникативный инструментарий взаимодействия во внешней среде и программа, которая состоит из комплекса «всех мероприятий, направленных на достижение эффективности на рынке труда и принятые в организации мероприятия в направлении персонала для удовлетворения ожиданий нынешних или потенциальных сотрудников» [10, с. 3].
1978	Рухледер Р.	«Маркетинг рабочих мест» [11, с. 145].
1987	Штрутц Г.	Маркетинг персонала – объективная, обоснованная самооценка организации на предмет ее востребованности на рынке труда со стороны потенциальных сотрудников [12].
1992	Вундерер Р.	«Философия и стратегия управления человеческими ресурсами, которые, ориентируясь на жизненные и трудовые запросы работника, одновременно отвечают интересам политики предприятия, включающей в себя также цели товарного и финансового маркетинга» [13, с. 144].
2001	Котлер Ф.	Внешний маркетинг – маркетинг, направленный на людей, не работающих в компании. Задача внутреннего маркетинга – осуществление найма работников, их обучение и мотивация на высокий уровень обслуживания клиентов. Внутренний маркетинг должен предшествовать внешнему. Нет смысла обещать отличный уровень обслуживания, если работники компании не готовы обеспечить его» [14, с. 35].
2008	Дуракова И. Б., Кибанов А. Я.	В маркетинге персонала сотрудники, их профессиональные и иные характеристики являются товаром и одновременно выступают в качестве потребителей, которые «покупают» рабочее место, предоставляемое организацией, обменивая его на собственный труд. Таким образом, следует рассматривать два рынка: рынок труда и рынок рабочих мест [15].
Настоящее время	Интернационально ориентированный целевой маркетинг персонала.	

[3] Что такое маркетинг персонала и как его организовать. *Коммерческий директор*. URL: https://www.kom-dir.ru/article/1676-marketing-personala (дата обращения: 12.11.2022).

[4] Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

По нашему мнению, маркетинг персонала, его теоретическая основа, подходы, методы, инструментарий базируются на методологических основах традиционного маркетинга. В свою очередь, маркетинг человеческих ресурсов не отрицает, а дополняет (расширяет и углубляет) положения маркетинга персонала (кадров). Аналогично и маркетинг человеческого капитала является эволюционным этапом в развитии теоретических положений и практического применения маркетинга персонала (кадров) и маркетинга человеческих ресурсов (рис. 1).

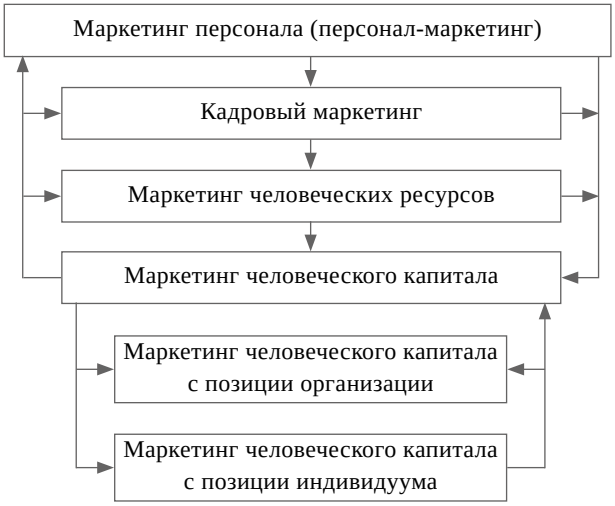


Рис. 1. Взаимосвязи маркетинга сотрудников организации
Fig. 1. Interconnections of employees marketing in the organization

При рассмотрении научных работ не было найдено иного определения, более насыщенного и соответствующего современному пониманию роли сотрудника в организации и необходимости взаимодействия между сторонами трудовых отношений на уровне должного восприятия человеческого капитала в организации.

Элементы маркетинга сотрудников организации в зависимости от концепции кадрового менеджмента систематизированы и представлены в таблице 2.

Формулируя понятие *маркетинг человеческого капитала*, авторы рассмотрели различные подходы к пониманию сущности капитала, в частности человеческого капитала [17]. Капитал, по мнению многих авторитетных исследователей, позицию которых разделяют и авторы данной статьи – это источник формирования активов организации. При этом человеческий капитал – один из источников формирования, прежде всего, нематериальных активов организации [18–21].

Для раскрытия сущности и особенностей маркетинга человеческого капитала следует акцентировать внимание на его роли в управлении организацией. Авторы, исследуя человеческий капитал на уровне организации (микроуровне), определяют его как уникальную совокупность индивидуальных человеческих капиталов, обладающих определенными компетенциями, потребительской полезностью, эффектом и направленностью, позволяющей называть его объединенным (совокупным, интегральным) человеческим капиталом. Его следует рассматривать как важнейший ресурс управления социально-экономическим развитием организаций на двух взаимопроникающих уровнях: индивидуальном и организационном.

Рыночный капитал, структурный капитал и потребительский капитал организации являются формами институционализации человеческого капитала (рис. 2) [17]. Наиболее тесно связан с человеческим капиталом социальный капитал. Понятие было введено П. Бурдьё для обозначения социальных связей, которые потенциально способны выступать ресурсом для получения доходов (выгод), а в условиях современной экономики способствуют созданию и распространению новых знаний [22].

Г. Беккер акцентировал внимание на том, что социальный и человеческий капитал влияют друг на друга. Знания, навыки, умения индивида, его доходы напрямую зависят от физического и социального капиталов, а инвестиции в человеческий капитал позволяют скорректировать влияние других форм капитала. Таким образом, более компетентный, молодой, но менее опытный сотрудник может получать доходы наравне или выше, чем более опытный и более возрастной, обладающий большими социальными связями коллега [23].

Разницу между человеческим и социальным капиталом можно представить в виде графа, в котором человеческий капитал обозначен узлами, а социальный – связями[5]. Важным отличием социального капитала от капитала финансового и физического является его нарастание по мере его потребления.

Социальный капитал накапливается при непосредственном взаимодействии людей, прежде всего, в устойчивых самоуправляющихся социально-психологических общностях или группах. Традиционной формой образования социального капитала является институт семьи, однако накопление капитала возможно и в других формах, например, в результате взаимодействия сотрудников, особенно в современной финансово-хозяйственной деятельности [18].

[5] Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Новый учебник, 2004. С. 36.

Табл. 2. Элементы маркетинга сотрудников организации в зависимости от концепции кадрового менеджмента
Tab. 2. Elements of employees marketing depending on the personnel management concept

Маркетинг персонала	Маркетинг человеческих ресурсов	Маркетинг человеческого капитала
Цель		
• На внешнем рынке труда, где организация предлагает рабочее место, оно выступает в качестве товара, цель – позиционирование, формирование предложения и имиджа. • На внутреннем рынке труда цель – поиск и отбор персонала, развитие. Развитие на первом месте. • Ориентация на формальные требования к должности (формирование должностной инструкции и поиск под ее требования).	• Долгосрочное развитие организации на основе использования потенциала человеческих ресурсов. • Стратегическая направленность. Поиск и подбор людей, расстановка с учетом потенциала. Учет контактов с вузами и школами. • Рациональное распределение и потребление человеческих ресурсов через формирование санитарно-бытовых и иных условий труда, доброжелательного социально-психологического климата [24; 25].	• Стратегическая направленность. Поиск и подбор людей по компетенциям (человек под задачу). • Компетенции сотрудника, подразделения, организации для экономики знаний. • Развитие, раскрытие человеческого капитала в конкретной компании.
Задачи		
Оперативный уровень управления: • проектирование, формирование и развитие рабочих групп (команд); • реализация контрольной функции через усиление обратной связи, использование многообразия каналов связи; • обучение и развитие персонала; планирование и развитие карьер; • формирование благоприятного социально-психологического климата; • формирование, поддержание и развитие организационной культуры и т. д. [25]. Стратегический уровень: • обеспечение достижения стратегических целей организации за счет применения реактивных подходов в управлении организацией.	Оперативный уровень: • «получение максимальной материальной выгоды от компетенций сотрудников организации, предприятия в условиях конкуренции на рынке среди компаний» [26, с. 8]; • обеспечение человеческими ресурсами с заранее определенными параметрами; создание внутренней информационной системы; • формирование и поддержание социально-ответственного имиджа организации как работодателя [27]; • непрерывная оценка эффективности минимизации риска нехватки квалифицированного персонала[6] Стратегический уровень: • достижение стратегических целей организации за счет применения проактивных подходов в управлении.	Оперативный уровень: • те же, что и в управлении человеческими ресурсами, решаемые другим инструментарием. Стратегический уровень: • обеспечение достижения стратегических целей организации за счет применения исследовательских подходов (исследовательских реакций на воздействие факторов внешней среды) в управлении организацией.
Объект и субъект управления		
• Каждый из участников маркетингового процесса – одновременно объект и субъект маркетинговой деятельности в организации, на рынке труда, в хозяйственной жизни [6].	• Объект управления – не просто человек, а «набор его индивидуальных компетенций». • Субъект – не просто организация, предлагающая на рынке труда рабочее место, а организация, предлагающая «компетенции рабочего места», формирующиеся под влиянием компетенций организации.	• Объект управления – не просто человек, а его «индивидуальные компетенции». • Субъект – не просто организация, предоставляющая рабочее место, а организация, предлагающая «человеческий капитал рабочего места», формирующийся под влиянием компетенций организации.

[6] Политика управления человеческим капиталом ПАО «ЛУКОЙЛ». URL: https://lukoil.ru/FileSystem/9/513555.pdf (дата обращения: 08.11.2022).

Маркетинг персонала	Маркетинг человеческих ресурсов	Маркетинг человеческого капитала
Функции маркетинга		
• Формирование требований к сотрудникам в соответствии с положениями профессионального стандарта. • Расчет необходимых количественных и качественных параметров персонала. • Определение текущих затрат на персонал. • Определение перспективных затрат на персонал в среднесрочной перспективе. • Определение оптимальных источников закрытия возникающих вакансий и т. д. [28]. • Разработка формальных требований к рабочему месту. По своей сущности близок к общей функции снабжения организации сырьем, комплектующими и другими необходимыми для производства товарами и услугами [29].	• Разработка требований к человеческим ресурсам организации, критериев для подбора сотрудников. • Организационное проектирование и определение оптимальной потребности в человеческих ресурсах. • Определение затрат на формирование, удержание и использование человеческих ресурсов в долгосрочной перспективе. • Анализ и выбор рациональных путей, методов покрытия потребности в человеческих ресурсах. • Перманентная объективная деловая оценка человеческих ресурсов. • Анализ и контроль за рациональным распределением человеческих ресурсов организации по должностным позициям [29]. • Разработка перспективных требований к рабочему месту.	• Разработка требований к индивидуальному и групповому человеческому капиталу организации. • Проектирование, определение потребности в человеческом капитале. • Формирование и развитие организационной культуры. • Расчет затрат, рыночной стоимости, сравнительная оценка приобретения и дальнейшего использования человеческого капитала. • Анализ и выбор путей, методов покрытия потребности в человеческом капитале. • Объективная деловая оценка человеческого капитала организации, конкурентов. • Анализ и контроль рационального распределения человеческого капитала в организации и у стратегических партнеров. • Разработка уникальных требований к рабочему месту, формирование его неповторимого профиля.

Рис. 2. Роль человеческого капитала в организации
Fig. 2. Role of human capital in the organization

Человеческий капитал сотрудника в настоящее время рассматривается как необходимый элемент производственной деятельности при обосновании принципов и задач управления организацией, а также как инструмент повышения его конкурентоспособности. По мере увеличения числа организаций, применяющих инновационные технологии и оборудование в производстве, возрастает и их потребность в высококвалифицированных кадрах, для привлечения и удержания которых необходимо создать привлекательные условия труда. Заинтересованность персонала в работе на таких предприятиях обусловлена возможностью пополнения накопленного человеческого капитала посредством обогащения труда [19].

Н. А. Светлакова дает такое определение человеческому капиталу сотрудника: «совокупность личных и профессиональных компетенций сотрудника, его возраст, здоровье и мотивы труда, при реализации которых имеющиеся компетенции применяются в профессиональной деятельности с целью получения результатов труда» [30]. В результате обобщения определений Е. М. Семеновой и А. А. Арсениной, С. В. Коваль, Д. О. Кулаевой [19; 31; 32] и др. предлагается авторская формулировка человеческого капитала сотрудника. Это совокупность культурных и профессиональных компетенций, потенциалов

развития и здоровья индивида, приносящая доход ее носителю и организации, и использование которой находится в ведении как самого человека, выполняющего определенный набор функций в рамках занимаемой должности, так и его непосредственного руководителя. Описанная совокупность:

- создает добавленную стоимость, что проявляется в конкурентных преимуществах товаров (услуг) и организации в целом;
- способствует обеспечению устойчивости организации в долгосрочной перспективе;
- представляет собой стоимость годового объема физического и интеллектуального живого труда сотрудников;
- выступает главным фактором формирования и развития экономики знаний как необходимого и прогрессивного этапа в социально-экономическом развитии страны;
- представляет собой результат получения образования, воспитания, развития профессиональных компетенций;
- рассматривается как необходимый элемент производственной деятельности при формировании кадровой политики, постановке приоритетных задач в управлении персоналом и т. д. [33].

В таблице 3 представлен авторский вариант структуры индивидуального человеческого капитала сотрудника.

Табл. 3. Структура индивидуального человеческого капитала сотрудника
Tab. 3. Structure of the employee's individual human capital

Подсистемы (структурные группы)	Основные элементы	Комментарий
Врожденная	Предрасположенность к болезням. Темперамент, врожденный психический склад личности, половые, гендерные особенности человека и т. д.	Качества, данные человеку природой. Проявляются в характере, темпераменте, способностях, волевых качествах человека.
Образования	Привычки, объем накопленных компетенций. Навыки исследовательской работы. Социальная ценность знаний. Навыки самообразования.	Подразумевает инвестиции в образование: общее, специальное, подготовку на рабочем месте, повышение квалификации, самообразование.
Культурно-нравственная и поведенческая	Направленность личности, ее целостность, индивидуально-типологические особенности. Этическо-нравственные нормы поведения. Социально-культурная мотивация к саморазвитию. Преобладающие социальные ценности и т. д.	Определяется общественными морально-этическими нормами. На уровне организаций регулятором выступают Кодексы поведения, Правила внутреннего трудового распорядка.
Здоровья и работоспособности	Физический и психологический потенциал, общее состояние организма, эмоциональный интеллект.	Может быть базовым и приобретенным. Медицина и здравоохранение – отрасли, которые формируют и развивают капитал здоровья.
Профессионального развития	Общепрофессиональные компетенции, профессиональный опыт, производительные способности, владение профессиональным мастерством. Владение смежными и иными профессиональными навыками, способность к переобучению. Эмоциональная зрелость, профессиональный авторитет и т. д. [34].	Одна из наиболее комплексных современных оценок влияния образования на качество человеческого капитала представлена в глобальном индексе человеческого капитала[7]. Характеризуется уровнем профессиональной подготовки работника, его трудовым опытом и квалификацией.
Креативная	Творческие (креативные) способности.	Характеризуется квалификацией и продуктивной деятельностью людей творческих профессий.
Организационно-управленческая	Организаторские способности, лидерские и коммуникативные качества.	Характеризуется способностью эффективно заниматься организационно-управленческой деятельностью.
Предпринимательско-новаторская	Предпринимательские способности. Способности к разработке и внедрению инноваций.	Характеризуется способностью эффективно заниматься предпринимательской деятельностью с целью получения доходов.

[7] Human Capital Project. *The World Bank*. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital (accessed 24.09.2022)

Опираясь на видение сущности человеческого капитала организации, авторами предлагается следующее определение понятия маркетинга человеческого капитала организации: специфическая функция управления, реализуемая на основе собственных принципов, комплексных методов и инструментария через:

- формирование и развитие внешних и внутренних связей между людьми (сотрудниками, потенциальными работниками, другими субъектами социально-трудовых отношений) – социального капитала;
- целенаправленное объединение индивидуальных человеческих капиталов, обладающих общей потребительской полезностью, характеризующиеся необходимой для организации направленностью, позволяющие получать устойчивые положительные синергетические эффекты от их взаимодействия в единую совокупность;
- определение объективной текущей и прогнозной стоимости индивидуальных и организационных человеческих капиталов, его элементов, а также факторов, влияющих на эту величину, степень влияния;
- осуществление целенаправленных действий для удовлетворения интересов всех заинтересованных сторон социально-трудовых отношений с учетом закрепления и развития востребованных в организации сотрудников на основе разработанной стратегии;
- создание условий для развития профессиональных и иных компетенций носителей человеческого капитала;
- формирование, поддержание и развитие организационной культуры, обеспечивающей достижение ее стратегических целей;
- формирование, поддержание и развитие привлекательного бренда (имиджа) работодателя, рабочих мест.

Субъектами маркетинга человеческого капитала являются все заинтересованные в человеческом капитале стороны (стейкхолдеры):

- организации и отдельные лица, заинтересованные в приобретении непосредственного владельца индивидуального человеческого капитала;
- организации, обладающие правами на индивидуальный и организационный человеческий капитал;
- организации и лица, участвующие в формировании, переформатировании, развитии, получении в аренду, «утилизации» человеческого капитала;
- заменители человеческого капитала – разработчики, владельцы искусственного интеллекта, цифровых и биотехнологий;
- персональные агенты, или «продюсеры» человеческого капитала, – посреднические организации, обслуживающие индивидуальный и организационный человеческий капитал, виртуальные организации;
- маркетинговые «разведчики»;
- будущие поколения.

Усиливается, изменяется роль и значение субъектов, влияние которых в маркетинге персонала является косвенным и незначительным: экологические организации и их объединения, благотворительные фонды и другие социально-ориентированные некоммерческие организации, организации здравоохранения и медицины, спортивные и физкультурно-оздоровительные организации и т. д.

В зависимости от направления реализации маркетинговой концепции выделяется внутренний и внешний маркетинг человеческого капитала. Внутренний маркетинг фокусируется на носителях человеческого капитала, которые вступают с организацией в социально-трудовые отношения на основе их юридического закрепления, непосредственно задействованы в технологических и трудовых процессах. Основная задача – повысить мотивацию труда, раскрыть потенциал сотрудников, способствовать отдаче капитала, что влечет за собой различные социальные и экономические эффекты для организации и самих сотрудников. Следует отметить, что каждый работник принимает решения на базе мотива, который существует среди других, но является доминирующим [35].

Внешний маркетинг фокусируется на микро- и макроокружении организации, внешних стейкхолдерах (прежде всего, потенциальных сотрудниках) через реализацию комплекса мероприятий (брендинга), направленных на формирование привлекательного образа работодателя, рабочих мест, создание репутации социально ответственного бизнеса и т. д.

Формирование, удержание и развитие человеческого капитала осуществляется с помощью разнообразного инструментария, методов и рычагов во всех подсистемах и элементах работы с персоналом (подбора, отбора, адаптации, обучения и т. д.). Результатом успешного маркетинга человеческого капитала организации является:

- увеличение стоимости компании;
- развитие компетенций организации;
- рост нематериальных и иных активов организации (именно нематериальные активы и репутация составляют значительную долю активов современных организаций. Данные активы – капитализация результатов интеллектуального труда работников) [36];

- повышение конкурентоспособности организации (включая самих носителей человеческого капитала);
- устойчивое развитие компании в долгосрочной перспективе.

Следует выделить особенности, которые необходимо учитывать при формировании целей и задач маркетинга человеческого капитала:

1. Более дальний горизонт и глубина планирования.
2. Акцент на индивидуальное целеполагание и саморазвитие.
3. Подбор сотрудников, обладающих *корпоративными* и *рыночными* компетенциями или имеющих потенциал для быстрого их формирования и развития.
4. Подбор и продвижение сотрудников с учетом перспективного типа организационной структуры и, что наиболее важно, с учетом перспектив развития, востребованного типа организационной культуры;
5. Более подвижные (индикативные) цели по рациональному использованию потенциала сотрудников. Например, параллельное использование в нескольких проектах, передача в аренду (в т. ч с правом выкупа, например, как на рынках футболистов, заимствование на внешнем рынке. Также продажа: полная, частичная, отсроченная и т. д., другие целевые опции и инструменты, которые необходимо учитывать при постановке целей и задач.
6. Продвижение востребованных в организации компетенций сотрудников (сосредоточение усилий и постановка конкретных задач в развитии на конкретных направлениях и к конкретной дате). В рамках авторского видения рекомендуется выделять следующие группы ключевых компетенций сотрудников: социальные, коммуникативные, когнитивные, информационные, специальные профессиональные [37]. Важно помнить о роли руководителей на различных уровнях управления и развитии их основных компетенций. Среди компетенций выделяются корпоративные, управленческие, профессиональные [38].
7. Формирование целей и задач для системы операционных стратегий (в пирамиде стратегий организации) относительно каждого структурного элемента человеческого капитала.
8. Обязательность формирования целей и задач вместе с самим носителем (хозяином) человеческого капитала с учетом его индивидуальных особенностей (состояние индивидуального человеческого капитала).
9. Учет цепочки взаимосвязей. Востребованная модель человеческого капитала сотрудника – наличие индивидуальных компетенций, их уровень, структура у ключевых сотрудников – компетентность сотрудников – ключевые компетенции группы (команды) – ключевые компетенции и конкурентоспособность организации (как отдельный вариант международной организации) – ключевые факторы успеха для конкретного бизнеса (определенной деловой стратегии).
10. Установление цели повышения имиджа для продвижения рабочего места.
11. Определение «цены» сотрудника и рабочего места исходя из возможностей внешней среды и ресурсов организации.
12. Дополнение (расширение) целевых показателей, отражение их взаимосвязей в сбалансированной системе показателей с разбивкой по реперным точкам на период достижения целей (задач).

Заключение

Одной из функций управления человеческим капиталом организации можно по праву считать маркетинг человеческого капитала (более совершенная производная от маркетинга персонала). Растущая роль человеческого капитала как источника формирования активов организации усиливает актуальность изучения особенностей и методов его управления, включая маркетинг.

Маркетинг человеческого капитала не только представляет собой особую специфическую функцию менеджмента, но и является источником формирования и развития элементов внутренней среды организации: целей, задач, людей, технологий, процессов, коммуникационных связей. Кроме того, от успешности применения методов и инструментов маркетинга во многом формируются нематериальные активы организации, раскрывается трудовой потенциал сотрудников, возрастает их лояльность и вовлеченность в достижение стратегических целей организации, что в конечном итоге обеспечивает рост конкурентоспособности как самой организации, так и носителей человеческого капитала и в долгосрочной перспективе является основой ее устойчивого развития.

В дальнейшем авторы планируют продолжать исследование в области теории и практики управления человеческим капиталом в различных направлениях, таких как:

- обобщение и систематизация инструментария маркетинга человеческого капитала;
- изучение влияния HR-бренда и организационной культуры компании на развитие человеческого капитала сотрудника, организации, отрасли и отдельного административно-территориального образования;
- углубление разработанных ранее основ развития компетенций ключевых сотрудников с целью достижения стратегических целей организации;

- дальнейшее развитие и адаптация на практике тренинг-технологий как основного подхода в развитии человеческого капитала;
- формирование методики интегральной системы оценивания уровня человеческого капитала, востребованных профилей компетенций для ключевых сотрудников;
- формирование системы учета и оценки человеческого капитала в управленческом учете организаций и домохозяйств;
- анализ состояния и развития человеческого капитала сельских территорий Новосибирской области и транспортной отрасли России.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Дюндик Е. П. Проблемы управления человеческим капиталом в оборонно-промышленном комплексе России. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2014. № 1. С. 28–34. [Dyundik E. P. The problem of human resource development in Russian defense industry. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics*, 2014, (1): 28–34. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ryxiph
2. Иванова О. Э., Корнеев Д. Н., Корнеева Н. Ю. Управление человеческими ресурсами: концепция и методология оценки. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2018. 141 с. [Ivanova O. E., Korneev D. N., Korneeva N. Yu. *Human resource management: concept and evaluation methods*. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2018, 141. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vlrbqi
3. Армстронг Г., Котлер Ф. Введение в маркетинг. М.: Вильямс, 2007. 832 с. [Armstrong G., Kotler Ph. *Marketing: an introduction*. Moscow: Viliams, 2007, 832. (In Russ.)]
4. Болдырева И. В. Эволюция представлений о маркетинге персонала. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2012. № 2. С. 115–118. [Boldyreva I. V. Evolution of ideas of personnel marketing. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2012, (2): 115–118. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pjqiav
5. Эванс Дж. Р., Берман Б. Маркетинг. М.: Сирин, 2004. 278 с. [Evans J. R., Berman B. *Marketing*. Moscow: Sirin, 2004, 278. (In Russ.)]
6. Латыпов Р. Т., Чумак Е. В. Персонал-маркетинг как направление развития кадров агропромышленного комплекса России. *Московский экономический журнал*. 2020. № 10. С. 477–487. [Latypov R. T., Chumak E. V. Personnel marketing as a direction of personnel development in the agro-industrial complex of Russia. *Moscow economic journal*, 2020, (10): 477–487. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10691
7. Андрейченко Н. В., Калмыкова Е. Э. Маркетинг на рынке труда: сущность, опыт, тенденции. *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 74–88. [Andreichenko N. V., Kalmykova E. E. Marketing on the labor market: essence, experience, trends. *Journal of Economic Regulation*, 2018, 9(1): 74–88. (In Russ.)] https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.074-088
8. Зубков Д. М. Маркетинг персонала: сущность, подходы и принципы. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2005. № 1. С. 154–157. [Zubkov D. M. Personnel marketing: essence, approaches, principles. *Herald of Omsk university. Series «Economics»*, 2005, (1): 154–157. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/czmnfw
9. Von Eckardstein D., Schnellinger F. Personalmarketing. Gangler E., Oechsler W. A., Weber W. *Handwörterbuch des Personalwesens*. Stuttgart, 1975, 356.
10. Hunziker R. H. *Personalmarketing*. Bern, 1973, 697.
11. Ruchleder R. H. *Personalmarketing. Personal-Enzyklopedie*. München, 1978, 589.
12. *Handbuch Personalmarketing*, Hg. Strutz H. Wiesbaden: Gabler, 1989, 671.
13. Мусаева А. З. Маркетинг персонала организации. *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 2. С. 144–146. [Musaeva A. Z. Marketing of the personnel of the organization. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*, 2013, (2): 144–146. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rxnuwt
14. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 464 с. [Kotler Ph. *A framework for marketing management*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 464. (In Russ.)]

15. Кибанов И. Я., Дуракова И. Б. Организация маркетинга персонала. *Кадровик*. 2008. № 11. С. 4–12. [Kibanov I. Ya., Durakova I. B. Organization of personnel marketing. *Kadrovik*, 2008, (11): 4–12. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vommwg
16. Макович Г. В. Маркетинговые инструменты в работе с персоналом организации. *Вопросы управления*. 2015. № 2. С. 139–142. [Makovich G. V. Marketing tools to work with the personnel of an enterprise. *Management Issues*, 2015, (2): 139–142. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ubxuaz
17. Черепанов А. В., Рехтина Г. А. Управление человеческим капиталом организаций и сельских территорий. Новосибирск: НГАУ, 2021. 451 с. [Cherepanov A. V., Rekhtina G. A. *Human capital management of organizations and rural areas*. Novosibirsk: NSAU, 2021, 451. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jpahlu
18. Авдеева Т. В. Управление человеческим капиталом: стратегия и практика. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2015. № 10-2. С. 9–13. [Avdeeva T. V. Human capital management: strategy and practice. *Russia: trends and prospects of development*, 2015, (10-2): 9–13. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wkmqef
19. Семенова Е. М., Арсенина А. А. Особенности развития человеческого капитала персонала сельскохозяйственных предприятий. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2016. Т. 6. № 12В. С. 362–374. [Semenova E. M., Arsenina A. A. The features of the development of the staff"s human capital in agricultural enterprises. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2016, 6(12B): 362–374. (In Russ.)] https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105
20. Никифорова Л. Е. Стратегическое управление инновациями на основе развития интеллектуального капитала. Новосибирск: САФБД, 2010. С. 267–269. [Nikiforova L. E. *Strategic innovation management based on intellectual capital development*. Novosibirsk: SAFBD, 2010, 267–269. (In Russ.)] https://elibrary.ru/remlzz
21. Пришляк Е. А., Радько С. Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации. *Управленческие науки*. 2018. Т. 8. № 2. С. 94–105. [Prishlyak E. A., Radko S. G. Studying the factors affecting the generation of human capital in the Russian Federation. *Management Sciences*, 2018, 8(2): 94–105. (In Russ.)] https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105
22. Макаров И. Н., Колесников В. В., Широкова О. В., Некрасова Е. А., Кадильникова Л. В. О формировании модели «цифрового человека» («homo digital») и конкуренции социальных групп в условиях технологической трансформации повседневной реальности: взгляд экономической теории. *Российское предпринимательство*. 2018. Т. 19. № 4. С. 855–865. [Makarov I. N., Kolesnikov V. V., Shirokova O. V., Nekrasova E. A., Kadilnikova L. V. On the formation of the model of "digital man" ("homo digital") and the competition of social groups in terms of technological transformation of everyday reality: the view of economic theory. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2018, 19(4): 855–865. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/rp.19.4.39059
23. Герасимчук Д. Н. Доверие как ключевое понятие теории социального капитала. *Наука и современность*. 2011. № 8-2. С. 102–109. [Gerasimchuk D. N. Trust as a key concept of the social capital theory. *Nauka i sovremennost*, 2011, (8-2): 102–109. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rtoyhd
24. Чащин В. В. Маркетинг персонала как фактор выживания предприятий в условиях рыночных отношений. *Известия Волгоградского государственного технического университета*. 2012. № 7. С. 108–112. [Chashchin V. V. Personnel marketing as a factor for enterprise survival under market relations. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, (7): 108–112. (In Russ.)] https://elibrary.ru/oywotl
25. Патласов О. Ю. Цели, условия, доминанты, направления и концепции маркетинга персонала. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2013. № 2. С. 46–55. [Patlasov O. Yu. Purposes, conditions, dominata, direction and concept of the marketing personnel. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2013, (2): 46–55. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rslpnf
26. Гончарова Н. В., Дайнеко Л. В., Зайцева Е. В. Управление человеческими ресурсами организации в условиях современного рынка труда. Екатеринбург: УрФУ, 2021. 162 с. [Goncharova N. V., Daineko L. V., Zaitseva E. V. *Human resource management of an organization in the conditions of the modern labor market*. Ekaterinburg: UrFU, 2021, 162. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zzraaa
27. Иванов А. А. Организационно-методические аспекты управления персоналом на основе маркетингового подхода: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2009. 22 с. [Ivanov A. A. *Organizational and methodological aspects of personnel management based on the marketing approach*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 22. (In Russ.)] https://elibrary.ru/nldqnd
28. Некрасов А. Э. Маркетинг персонала в современных организациях. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 39. С. 3596–3600. [Nekrasov A. E. Personnel marketing in modern organizations. *Koncept*, 2017, 39: 3596–3600. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zbgsof

29. Загорец И. В., Загорец В. С. Трансформация функции маркетинга в системе управления человеческими ресурсами. *Вопросы управления*. 2019. № 4. С. 191–203. [Zagorets I. V., Zagorets V. S. Transformation of marketing function in human resources management system. *Management Issues*, 2019, (4): 191–203. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-4-191-203
30. Светлакова Н. А., Палкина С. О. Методика оценки человеческого капитала в аграрном секторе экономики. *Аграрный вестник Урала*. 2012. № 6. С. 101–103. [Svetlakova N. A., Palkina S. O. The method of estimation of human capital in the agrarian sector of the economy. *Agrarnyi vestnik Urala*, 2012, (6): 101–103. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pakjwn
31. Коваль С. В. Повышение эффективности человеческого капитала в аграрной сфере региона в условиях нового технологического уклада (на материалах Новосибирской области). Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика: VI Республиканская с междунар. уч. интернет-конференция студентов, магистрантов и аспирантов. (Донецк, 17 марта 2022 г.) Донецк: ДОННУЭТ, 2022. С. 154–158. [Koval S. V. Increasing the efficiency of human capital in the agricultural sector of the region in the context of a new technological order (based on the materials of the Novosibirsk region). Actual problems of economics and management: theory and practice: Proc. VI Republican International Academic Internet Conference of Students, Undergraduates and Postgraduates. Donetsk, 17 Mar 2022. Donetsk: DONNUET, 2022, 154–158. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uxvxuj
32. Кулаева О. Д. Не хлебом единым... сколько стоит интеллектуальный капитал организации? *Креативная экономика*. 2007. № 10. С. 3–10. [Kulaeva O. D. Not by bread alone... How much is an organization's intellectual capital worth? *Kreativnaia ekonomika*, 2007, (10): 3–10. (In Russ.)] https://elibrary.ru/iazihv
33. Рехтина Г. А., Черепанов А. В. Дефиниционный анализ понятия «человеческий капитал». *Теория и практика современной аграрной науки*: III Национ. (Всерос.) науч. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 28 февраля 2020 г.) Новосибирск: Золотой колос, 2020. Т. 3. С. 861–864. [Cherepanov A.V., Rekhtina G. A. Definitional analysis of the concept of "human capital". *Theory and practice of modern agricultural science*: Proc. III Nation. (All-Russ.) Sci. Conf. with Intern. Participation, Novosibirsk, 28 Feb 2020. Novosibirsk: Zolotoi kolos, 2020, vol. 3, 861–864. (In Russ.)]
34. Критский М. М. Человеческий капитал. Л.: ЛГУ, 1991. 117 с. [Kritskii M. M. *Human capital*. Leningrad: LSU, 1991, 117. (In Russ.)]
35. Шарыбар С. В. Методика стимулирования труда работников полеводства с учетом мотивации. *Вестник НГАУ (Новосибирский государственный аграрный университет)*. 2004. № 1. С. 136–142. [Sharybar S. V. The technigue of stimulation of fieldworkers in view of motivation. *Bulletin of NSAU (Novosibirsk State Agrarian University)*, 2004, (1): 136–142. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jxrhxf
36. Моисеев В. В., Колесникова Ю. С., Игнатов М. А., Боженов С. А. Трансформация рынка труда в условиях санкций. *Человеческий капитал*. 2022. № 9. С. 97–101. [Moiseev V. V., Kolesnikova J. S., Ignatov M. A., Bozhenov S. A. Transformation of the labor market in the conditions of sanctions. *Human Capital*, 2022, (9): 97–101. (In Russ.)] https://doi.org/10.25629/HC.2022.09.13
37. Черепанов А. В., Рехтина Г. А. Компетенции ключевых сотрудников: их оценка и развитие в стратегическом управлении организаций. *Экономический обзор*. 2020. № 11. С. 27–32. [Cherepanov A. V., Rekhtina G. A. Key employees' competence: their assessment and development in the strategic management of organizations. *Economic Review*, 2020, (11): 27–32. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uscczr
38. Рехтина Г. А. Компетенции руководителя сельскохозяйственной организации. *Приоритетные направления научно-технологического развития агропромышленного комплекса*: Междунар. науч.-практ. онлайн конф. (Новосибирск, 13 октября 2020 г.) Новосибирск: НГАУ, 2020. С. 257–260. [Rekhtina G. A. Competences of the head of an agricultural organization. *Priority areas of scientific and technological development of the agro-industrial complex*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Online Conf., Novosibirsk, 13 Oct 2020. Novosibirsk: NSAU, 2020, 257–260. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tfbbfr

© 2023. Yurov A. A.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Определение уровня развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров методом 360 градусов

Юров Адольф Александрович
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
yur.adolf.hr@gmail.com

Поступила 07.12.2022. Принята после рецензирования 26.01.2023. Принята в печать 21.02.2023.

Аннотация: В статье рассматривается теоретический подход к оценке компетенций персонала методом 360 градусов. Предмет – управленческие компетенции, объект – руководители первой и второй линейки после рядовых рабочих: мастера и старшие мастера крупного промышленного предприятия Кузбасса. Цель исследования обусловлена необходимостью определить уровень управленческих компетенций руководителей крупного промышленного предприятия для разработки программы обучения и рекомендаций по их развитию. Описаны ключевые управленческие компетенции, необходимые мастеру и старшему мастеру для осуществления управленческой деятельности на металлургическом производстве. Составлена матрица ключевых компетенций с описанием основных характеристик, которыми должны обладать мастер и старший мастер как единицы управления коллективом. Исследовано развитие управленческих компетенций мастеров и старших мастеров методом 360 градусов, применена матрица компетенций. В исследовании приняли участие 157 руководителей в возрасте 23–66 лет со стажем работы от 1 года до 32 лет. Приведено сравнение полученных результатов по возрасту и стажу работы с применением метода корреляции. Графически представлены основные различия в области развития управленческих компетенций у мастеров и старших мастеров. Результаты исследования представлены в виде сравнения коэффициентов развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров. Составлен перечень мероприятий для развития управленческих компетенций руководителей металлургического производства.

Ключевые слова: управленческие компетенции, матрица компетенций, развитие управленческих компетенций, 360 градусов, мастер, старший мастер, металлургическое производство

Цитирование: Юров А. А. Определение уровня развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров методом 360 градусов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 230–237. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-230-237

full article

360-Degree Appraisal: Determining the Managerial Competencies Development Level of Masters and Senior Masters

Adolf A. Yurov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
yur.adolf.hr@gmail.com

Received 7 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Jan 2023. Accepted for publication 21 Feb 2023.

Abstract: The article considers a theoretical approach to the evaluation of personnel competencies using the 360-degree appraisal. The subject of the study is managerial competencies, object – foremen and senior foremen of a large industrial enterprise in Kemerovo Region – Kuzbass. The study is necessary to determine the level of managerial competencies of a large industrial enterprise's leaders to prepare a training program and recommendations for their development. The authors describe the key managerial competencies necessary for the foremen and senior foremen in the metallurgical production and compile a matrix of key competencies with a description of the main characteristics that foremen and a senior foremen should have as units of team management. The article presents the results of the study of the managerial competencies development of foremen and senior foremen using the 360-degree method according to the competency matrix. The authors propose a list of activities for the development of managerial competencies of the metallurgical production leaders.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: managerial competencies, competency matrix, management skill building, 360-degree appraisal, foreman, senior foreman, metallurgical production

Citation: Yurov A. A. 360-Degree Appraisal: Determining the Managerial Competencies Development Level of Masters and Senior Masters. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 230–237. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-230-237

Введение

Проблема развития управленческих компетенций среди руководителей, служащих и специалистов является одной из актуальных в современной практике управления персоналом, что связано с необходимостью постоянного регулирования и контроля хода трудовой деятельности, а также функциями и задачами производства – получение качественного конечного продукта.

Основными действующими управленческими единицами на производстве выступают мастер и старший мастер, в должностные инструкции которых входит обеспечение непрерывного производственного процесса путем постоянной работы дневных и сменных бригад. Грамотный подход в управлении работниками на производстве является залогом стабильности, сохранности технологического процесса и оборудования. С учетом специфики рынка и его нестабильности данные вакансии комплектуются в первую очередь [1].

Основные требования единого тарифно-квалификационного справочника, предъявляемые к мастеру в перечне основных трудовых функций и обязанностей делятся на три блока[1]:

1. Организация технологического процесса: обеспечение бесперебойной работы производственного процесса, осуществление технологического обслуживания и эксплуатации оборудования, ведение документации по работе производственных систем, обеспечение безопасности производственного процесса.

2. Материально-техническое обеспечение производственного процесса: организация движения материалов, контроль материально-технического обеспечения, ведение документации материально-технического обеспечения.

3. Организация работы членов бригады: планирование, организация и контроль работ членов бригады, осуществление мероприятий по повышению производительности труда, организация мероприятий по повышению уровня профессиональных рабочих, ведение учета, отчета и технической документации, связанной с работой членов бригады, обеспечение безопасной работы членов бригады.

Описывая функциональные задачи управленческого состава промышленных предприятий, З. С. Гельманова отмечает, что управленческие навыки являются залогом успешного функционирования компании [2]. С. В. Шекшня рассматривает управление персоналом как основополагающую систему, на которой строится весь остальной технологический блок [3]. А. Бажин, описывая управление персоналом, отмечает, что без навыков управления невозможно осуществлять производственный процесс [4]. М. С. Бондаренко, анализируя управленческие компетенции, рассматривает их как основные корпоративные [5], в то время как Е. Бурякова связывает развитие управленческих компетенций у руководителей как связь с бизнес-целями организации в стратегической и текущей перспективе [6]. М. А. Чекалина характеризует руководителя, его как гибкого, уравновешенного сотрудника с высоким вербальным интеллектом и склонного к анализу [7].

Таким образом, основным направлением деятельности мастера и старшего мастера на производстве является технологическое обеспечение производственного процесса путем осуществления управленческих функций над членами бригад. Мы, в свою очередь, считаем это основополагающим условием успешной трудовой деятельности.

С целью определения уровня управленческих компетенций руководителей первой и второй линейки (мастеров и старших мастеров), а также разработки программ обучения, повышения компетенций и создания рекомендаций по их развитию, нами была разработана матрица управленческих компетенций мастера и старшего мастера для крупного металлургического производства. Было проведено исследование развития уровня управленческих компетенций мастеров и старших мастеров разного возраста и стажа работы.

Результаты

Определяя понятие *компетенция*, необходимо отметить, что большинство ученых сходятся во мнении, что компетенция – это набор знаний, умений и навыков, позволяющий успешно осуществлять деятельность

[1] Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих (ЕТКС). *СПС КонсультантПлюс.*

в конкретном направлении. Так, А. Я. Кибанов воспринимает компетенцию как рациональное сочетание знаний и способностей работников организации, рассматриваемое в течение небольшого промежутка времени [8]. С. Е. Шишов и И. Г. Агапов определяют компетенцию как общую способность и готовность личности к деятельности, основанные на знаниях и опыте, направленные на успешное включение личности в трудовую деятельность [9]. С. В. Шекшня описывает компетенцию как демонстрируемую способность систематически, т. е. постоянно, выполнять определенные производственные функции или определенные действия. Это поведение, действия и стратегии, которые поддерживают высокие стандарты работы [3]. Рассматривая компетенции персонала, О. В. Иванов определяет их как способность субъекта действовать адекватно и сообразно условиям ситуации с целью получения необходимых результатов работы [10]. В этом же ключе компетенцию рассматривают и авторы [11–18] и др. Изучая компетенции персонала, они описывают их как систему взаимосвязанных элементов, в основе которой находятся квалификации работника, его полномочия и умения делегировать. К. Е. Ильиных связывает компетенции человека с умением эффективно выполнять им трудовые функции [19]. В целях настоящего исследования было использовано понятие *компетенция* Ю. Г. Одегова и др., которые описывает ее как совокупность активно используемых знаний, умений, навыков, а также профессионально-важные качества личности, необходимые сотруднику для эффективного осуществления трудовой функции [20]. С позиции А. Б. Колесникова и Н. А. Нагибиной, своевременная оценка персонала является фактором стабильности работы компании [21].

С учетом специфики производства и управленческого состава методом оценки умений и навыков осуществления управленческой деятельности мастера и старшего мастера выступит оценка по компетенциям методом 360 градусов [22], что, по нашему мнению, позволит всесторонне оценить развитие управленческой функции мастера.

Метод оценки управленческих компетенций был выбран исходя из масштабов и специфики работы. Оценка компетенций методом 360 градусов имеет ряд преимуществ [23]:

- метод позволяет всесторонне оценить сотрудника, что приводит к объективному результату (учитывается оценка подчиненных, коллег, непосредственного, функционального, вышестоящего и бывшего руководителей);
- в оценку можно включить те компетенции, в диагностике которых заинтересована сама компания;
- систематизация оценки позволяет значительно снизить затраты ресурсов (временных, денежных, человеческих) на ее проведение, контроль и обработку результатов.

Оценка методом 360 градусов проводилась на платформе SuccessFactors – автоматизированной системе, работающей через интегрированную программу System, Anwendungen und Producte in der Datenverarbeitung (SAP) [24]. При формировании материалов исследования мы опирались на управленческие компетенции, востребованные в металлургическом производстве. Для этого была составлена матрица компетенций на основе модели компетенции, предложенной О. Л. Чулановой [25, с. 42].

К основным управленческим компетенциям относятся знания и умения, необходимые для организации деятельности персонала. Таким образом, был определен основной перечень ключевых управленческих компетенций мастера (табл. 1).

Оценка компетенций проводилась по 5-балльной шкале, где 1 – самый низкий уровень развития компетенции, а 5 – самый высокий (табл. 2).

Всего в оценке приняло участие 157 мастеров металлургической отрасли в возрасте 23–66 лет со стажем работы от 1 года до 32 лет, из них 100 дневных и сменных мастеров, а также 57 старших. Формы оценки заполнили 1727 человек.

Каждого мастера оценивали 3–5 подчиненных, 3–5 коллег, 1 непосредственный руководитель. Функциональный руководитель назначался на оценку при его наличии. Бывший руководитель назначался, если он являлся непосредственным руководителем сотрудника меньше 6 месяцев назад и продолжительностью более 1 года. Вышестоящий руководитель (для мастера – начальник участка или смены, для старшего мастера – заместитель начальника цеха или начальник цеха) назначался в случае, если он ежедневно непосредственно взаимодействовал с сотрудником и мог объективно его оценить. Каждая оценка, поставленная по пятибалльной шкале, в обязательном порядке сопровождалась комментарием о том, почему был поставлен именно такой балл.

Все результаты оценки сводились в матрицу с разбивкой по должности и полученным баллам в каждой компетенции. Также анализу был подвержен опыт и стаж работы руководителей для выявления взаимосвязей в развитии управленческих компетенций.

Было выдвинуто 2 гипотезы исследования:

1) Уровень развития управленческих компетенций по всем 7 показателям у старших мастеров выше, чем у дневных и сменных.

2) Существует взаимосвязь между стажем работы мастеров и уровнем развития компетенций.

Табл. 1. Основные управленческие компетенции мастера на производстве
Tab. 1. Main managerial competencies of the foreman in production

Перечень компетенций	Описание компетенций
Внешний локус	
Создание профессиональной команды	Умение подбирать персонал с необходимыми знаниями, умениями и навыками, а также необходимой квалификацией и личностными особенностями
Влияние / лидерство	Умение влиять на коллектив не только как непосредственный руководитель, но и неформальный лидер
Социальный интеллект	Понимание своего коллектива, его потребностей и уровня мотивации
Обучение и развитие команды	Развитие своих подчиненных, знание развивающих программ компании, частота направления сотрудника на развивающее обучение, вложения в развитие команды, передача опыта, организация производственного и управленческого наставничества
Внутренний локус	
Расстановка приоритетов и управление временем	Грамотное планирование производственных задач, расстановка сотрудников на задачи в соответствии их с сильными сторонами, умение планировать собственное время для решения всех производственных задач
Антикризисное управление	Умение в критической ситуации и ситуации неопределенности, среагировать в соответствии с оптимальном алгоритмом действий
Мышление (критическое, аналитическое, логическое)	Умение глубоко погружаться в задачу, выстраивать логические цепочки, прогнозировать ход событий

Табл. 2. Уровни развития компетенции
Tab. 2. Levels of competence development

Балл	Описание уровня	Статус
1	Компетенция не развита	Новичок
2	Низкий уровень развития компетенции	Ученик
3	Средний уровень развития компетенции	Исполнитель
4	Высокий уровень развития компетенции	Мастер
5	Экспертный уровень развития компетенции	Наставник

Сравнение полученных результатов по управленческим компетенциям в блоке *внешний локус* представлено на рисунке 1.

Анализируя полученные данные, можно констатировать, что сменные и дневные мастера лучше справляются с формированием профессиональной команды. Исходя из описательной части исследования и комментариев участников следует, что в создании профессиональной команды для выполнения производственных задач мастера заинтересованы значительно больше, чем старшие мастера. Именно в обязанности мастера входит обучение вновь принятого сотрудника, его подготовка к сдаче экзамена и контроль знаний. Мастер несет ответственность за уровень подготовки новичка, наставничество производственного инструктора над ним (старшего рабочего смены) и проведение регулярного обучения с целью повышения квалификации и разряда.

Показатель влияния и лидерства также выше у мастера. Это свидетельствует о том, что уровень авторитета мастера в бригаде выше, так как он напрямую взаимодействует с бригадой, ставит задачи, проводит линейные обходы, внедряет управленческие практики, повышает качество жизни рабочих и следит за их уровнем мотивации. Именно мастера следят за тем, чтобы все своевременно и в полном объеме получили материальное обеспечение (спецодежду, средства индивидуальной защиты, мыльные принадлежности и пр.), талоны на молоко, путевки в санатории, заработную плату и многое другое. Мастер выступает транслятором воли руководства и при должном управленческом подходе становится в глазах рабочих экспертом, к которому можно обратиться для решения любого производственного вопроса. Старшего же мастера рабочие могут вообще не увидеть за смену.

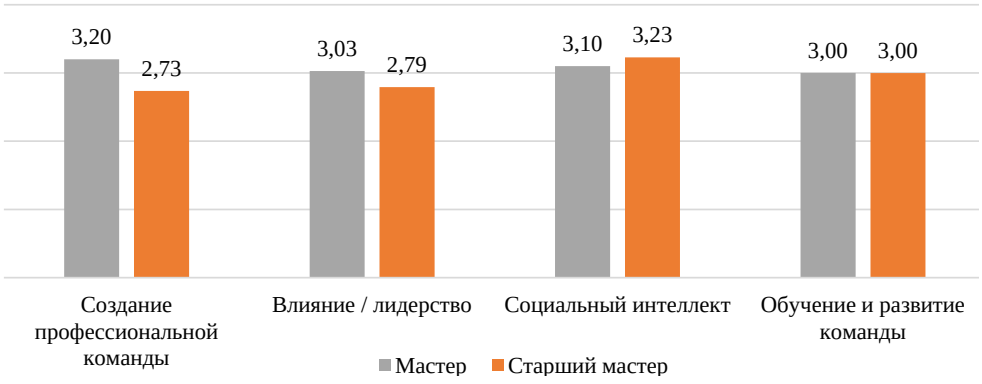


Рис. 1. Уровень развития управленческих компетенций мастеров в блоке *внешний локус*
Fig. 1. Level of masters' managerial competencies development in the *external locus* block

При этом уровень социального интеллекта незначительно, но выше у старшего мастера. Исходя из обратной связи, полученной от участников опроса, причиной тому является достаточно богатый опыт старшего мастера и его более широкое виденье. Необходимо также отметить, что для старшего мастера его командой являются мастера, которые свободно формулируют мысли и дают обратную связь.

Показатель по компетенции *обучение и развитие команды* напрямую зависит от знаний мастера в области существующих обучающих программ комбината, его осведомленности о потенциальных возможностях сотрудника и перспективах его развития. Обучение основам и методам развития персонала включено в программу подготовки мастеров, и информация актуализируется каждый год. В обучение входят программы по развитию инженерных способностей, производственное и управленческое наставничество, обучение стандартным практикам руководителя. Также включены курсы повышения компьютерной грамотности, развития аналитического мышления (математической статистики, моделирования, программирования и пр.), различные тренинги (свыше 50 различных программ) и др. Повышение уровня данной компетенции является приоритетным, т. к. развитие своего коллектива, усиление команды выступают залогом производственной эффективности. Но также важно, чтобы мастер не только хотел развивать персонал, но и планировал это в своем ежемесячном графике, не ссылаясь на проблемы с заменой во время обучения сотрудника.

Следующим блоком развития управленческих компетенций выступает блок *внутренний локус*, представленный на рисунке 2.

Анализируя результаты исследования второго блока компетенций, можно констатировать, что развитие управленческих компетенций в области глубины анализа, построения логических цепочек, грамотного планирования производственного процесса и реагирования в критических, нестандартных ситуациях у старших мастеров выше, чем у сменных и дневных мастеров.

Отчасти это связано с тем, что старшие мастера обладают бóльшим практическим производственным опытом, решают более сложные аналитические задачи, часто должны критически подходить к решению вопроса. Зона ответственности старших мастеров – производственная стратегия. Мастера по большей части выступают исполнителями и кураторами работы бригады. На многих производствах позиция

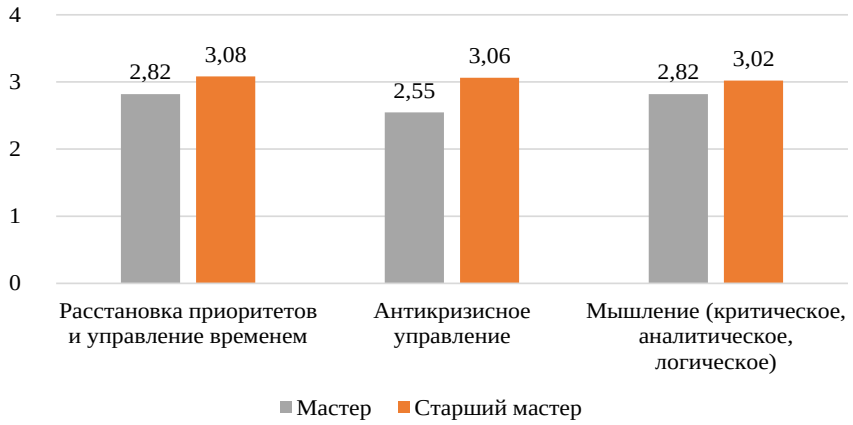


Рис. 2. Уровень развития управленческих компетенций мастеров в блоке *внутренний локус*
Fig. 2. Level of masters' managerial competencies development in the *internal locus* block

старшего мастера приравнивается к позиции начальника участка, а из этого следует, что в ведении старшего мастера сохранность всего оборудования участка; соблюдение всеми бригадами, заступившими на смену, требований охраны труда и промышленной безопасности; своевременный ввод в эксплуатацию и вывод из эксплуатации оборудования и многое другое. Старшие мастера на производстве регулярно проходят специальную подготовку, в которую входит курс развития мышления старшего мастера и управление рабочим временем, что, в свою очередь, позитивно влияет и на принятие решений в сложных кризисных ситуациях.

Учитывая рекомендации Г. Новиковой, всем руководителям, принявшим участие в оценке, была дана развернутая обратная связь по ее результатам [26]. Необходимо отметить, что у мастера значимая взаимосвязь между уровнем развития компетенций, стажем, возрастом не выявлена (коэффициент корреляции составляет 0,13). В то же время показатель корреляции у старших мастеров равен 0,89, т. е. чем выше стаж, возраст, тем выше уровень развития управленческих компетенций. Данный результат свидетельствует о том, что среди мастеров наблюдается текучесть кадров, и на данной позиции возраст и стаж не являются гарантами управленческой подготовки мастера. Текучесть кадров на позиции мастера составляет 9 % в год, поэтому подготовка мастера должна оставаться в фокусе HR и руководителей структурных подразделений. Среди старших мастеров уровень текучести составляет 0,3 % в год, т. к. должность является стабильно востребованной по многим причинам. Например, у старших мастеров меньше ответственности за охрану труда и пожарную безопасность, значительно выше уровень заработной платы и, как следствие, стимул к труду [27], удобный график работы и пр., что позволяет постоянно совершенствовать уровень их подготовки.

Заключение

Установлено, что уровень развития управленческих компетенций старших мастеров в показателях *создание эффективной команды* и *влияние / лидерство* уступают развитию данных показателей у сменных и дневных мастеров. Таким образом, старшие мастера не могут в полном объеме выступать наставниками в данной сфере, что должно являться областью внимания HR. Соответствующая гипотеза не подтверждена.

Также было определено, что уровень развития управленческих компетенций у сотрудников с более высоким стажем работы выше, чем у менее опытных. Однако данный аспект касается только старших мастеров, в то время как на уровне сменного и дневного мастера данная корреляция не прослеживается. Таким образом, первая гипотеза подтверждена частично.

Исходя из полученных результатов, составлен перечень рекомендаций, которые предстоит внедрить на производство для развития старших мастеров:

- внимание служб HR не должно быть сфокусировано только на сменных или дневных мастерах, а должно в полной мере затрагивать оба уровня;
- необходимо разработать график личных встреч старших мастеров с рабочими, освободить фонд рабочего времени старшего мастера от лишнего документооборота, перенаправляя его ресурсы в область работы с персоналом;
- организовать школы старшего мастера для повышения престижа должности в производственной среде;
- пересмотреть программу обучения мастеров и расширить ее, включив шаги, направленные на повышение лидерских навыков;
- организовать административные ячейки старших мастеров по такому же принципу, как у мастеров.

Для развития мастеров был разработан следующий перечень рекомендаций:

- проанализировать дневной и сменный график работы;
- выделить отдельный фонд рабочего времени для развития управленческих компетенций в области расстановки приоритетов (не менее 2 часов в неделю);
- внедрить производственное наставничество, закрепив мастера за начальником участка; в случае, если мастер стоит в кадровом резерве – за начальником цеха или его заместителем;
- провести обучение антикризисному управлению в объеме 2 рабочих дней по графику 100 (16 часов) с полным отрывом от производства;
- внедрить курс обучения антикризисному управлению в программу обучения мастера с отработкой на практике в своем структурном подразделении;
- с целью развития системного, аналитического и логического мышления направить мастера на стажировку в функциональные подразделения (аналитические центры, центры принятия решений);
- ввести временные ротации в смежные структурные подразделения для обмена и получения нового управленческого опыта;
- внедрить обучающие курсы с привлечением сторонних организаций (1 или более 24-часовой курс обучения раз в 6 месяцев по графику 100 с полным отрывом от производства) на постоянной основе;

Мастер и старший мастер являются основными инженерно-техническими работниками на производстве. Их обучение и развитие должны быть в фокусе внимания и в зоне ответственности руководителя структурного подразделения. Необходимо постоянно повышать и совершенствовать уровень их подготовки, вкладываться в их развитие и повышать престиж данных должностей. Мастера и старшие мастера представляют собой не только единицы управления коллективом, но и являются наставниками для молодых специалистов, пришедших в коллектив из базовых образовательных учреждений. Поэтому от уровня развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров напрямую зависит качество подготовки кадров и будущее предприятия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Серебренников С. С., Харитонов С. С., Стуловский А. Е. Сбор, оценка и прогнозирование кадровых потребностей промышленности. *Стандарты и качество*. 2018. № 1. С. 66–71. [Serebrennikov S. S., Kharitonov S. S., Stulovsky A. E. Collecting, assessing and forecasting staffing needs of industry. *Standards and Quality*, 2018, (1): 66–71. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ykuxkl
2. Гельманова З. С. Функционирование предприятий в условиях повышения требований потребителей: теория и практика. Алматы: НЦНТИ, 2009. 121 с. [Gelmanova Z. S. *Functioning of enterprises in conditions of increasing consumer requirements: theory and practice*. Almaty: NTSNTI, 2009, 121. (In Russ.)]
3. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М.: Интел-Синтез, 2002. 368 с. [Shekshnia S. V. *Personnel management of a modern organization*. Moscow: Intel-Sintez, 2002, 368. (In Russ.)]
4. Бажин А. С. Карьера и профессиональные компетенции специалистов. *Высшее образование сегодня*. 2007. № 9. С. 37–39. [Bazhin A. S. Career and professional competencies of specialists. *Higher Education Today*, 2007, (9): 37–39. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mueslj
5. Бондаренко М. С. Концептуальные основы подготовки кадров на базе корпоративных компетенций. *Нормирование и оплата труда в промышленности*. 2018. № 7. С. 60–67. [Bondarenko M. S. Conceptual foundations of training based on corporate competencies. *Normirovanie i oplata truda v promyshlennosti*, 2018, (7): 60–67. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yajrzr
6. Бурякова Е. Модель профессиональных компетенций. *Кадровик*. 2006. № 4. С. 55–57. [Buryakova E. Model of professional competencies. *Kadrovik*, 2006, (4): 55–57. (In Russ.)]
7. Манина В. А., Чекалина М. А. Портрет руководителя проекта: оценка компетенций и психологических характеристик. *Справочник по управлению персоналом*. 2013. № 12. С. 20–23. [Manina V. A., Chekalina M. A. Portrait of a project manager: assessment of competencies and psychological characteristics. *Spravochnik po upravleniiu personalom*, 2013, (12): 20–23. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wxzgmv
8. Кибанов А. Я., Чуланова О. Л., Митрофанова Е. А., Коновалова В. Г. Концепция компетентностного подхода в управлении персоналом. М.: ИНФРА-М, 2016. 156 с. [Kibanov A. Ya., Chulanova O. L., Mitrofanova E. A., Konovalova V. G. *The concept of competence-based approach in human resource management*. Moscow: INFRA-M, 2016, 156. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vnjwtz
9. Шишов С. Е., Агапов И. Г. Компетентностный подход к образованию: прихоть или необходимость? *Стандарты и мониторинг в образовании*. 2002. № 2. С. 58–62. [Shishov S. E., Agapov I. G. Competence approach to education: fad or necessity? *Standards and Monitoring in Education*, 2002, (2): 58–62. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rzvgzf
10. Иванов О. В. Как построить внутрикорпоративный рейтинг сотрудников? *Справочник по управлению персоналом*. 2004. № 2. С. 96–103. [Ivanov O. V. How to build an internal corporate rating of employees? *Spravochnik po upravleniiu personalom*, 2004, (2): 96–103. (In Russ.)]
11. Рудавина Е. Р. Построение системы компетенций в организации. М.: МЦФЭР; ВКК, 2008. 52 с. [Rudavina E. R. *Building a system of competencies in an organization*. Moscow: MTSFER; VKK, 2008, 52. (In Russ.)]
12. Хьюзлид М. А., Беккер Б. Е., Битти Р. У. Оценка персонала: как управлять человеческим капиталом, чтобы реализовать стратегию. М.: Вильямс, 2007. 432 с. [Huselid M. A., Becker B. E., Beatty R. W. *The workforce scorecard: managing human capital to execute strategy*. Moscow: Viliams, 2007, 432. (In Russ.)]

13. Ксенофонтова Х. З. Компетенции управленческого персонала и формирование конкурентных преимуществ предприятия. *Человек и труд*. 2010. № 7. С. 63–65. [Ksenofontova Kh. Z. Competencies of management personnel and formation of competitive advantages of the enterprise. *Chelovek i trud*, 2010, (7): 63–65. (In Russ.)]
14. Лабунский Л. В. Роль баланса интересов и ответственности в развитии компетенций персонала. *Управление персоналом*. 2004. № 4. С. 33–34. [Labunsky L. V. The role of the balance of interests and responsibility in the development of personnel competencies. *Upravlenie personalom*, 2004, (4): 33–34. (In Russ.)]
15. Брусов А. Л. Воспитание будущих металлургов и их компетенции. *Научно-технический прогресс в черной металлургии*: III Междунар. науч. конф. (Череповец, 19–20 октября 2017 г.) Череповец: ЧГУ, 2017. С. 40–46. [Brusov A. L. Education of future metallurgists and their competencies. *Scientific and technical progress in ferrous metallurgy*: Proc. III Intern. Sci. Conf., Cherepovets, 19–20 Oct 2017. Cherepovets: ChSU, 2017, 40–46. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zvslnl
16. Демин В. А. Профессиональная компетентность специалиста: понятие и виды. *Мониторинг образовательного процесса*. 2000. № 4. С. 34–42. [Demin V. A. Professional competence of a specialist: concept and types. *Monitoring obrazovatelnogo protsessa*, 2000, (4): 34–42. (In Russ.)]
17. Малахова А. А., Старова О. В., Арефьев В. А. Оценка персонала и результатов его деятельности при построении дифференцированной системы оплаты труда в кадровом менеджменте. *Экономика труда*. 2020. № 1. С. 43–54. [Malakhova A. A., Starova O. V., Arefev V. A. Personnel assessment and results of its activity during the creation of differentiated system of remuneration in personnel management. *Ekonomika truda*, 2020, (1): 43–54. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/et.7.1.41505
18. Могилевкин Е., Бажин А. Современные технологии оценки карьерных компетенций. *Справочник по управлению персоналом*. 2006. № 4. С. 67–75. [Mogilevkin E., Bazhin A. Modern technologies for assessing career competencies. *Spravochnik po upravleniiu personalom*, 2006, (4): 67–75. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yltjgb
19. Ильиных К. Е. Создание профессиональных компетенций: с чего начать. *Управление развитием персонала*. 2018. № 4. С. 242–254. [Il'inykh K. E. Creation of professional competencies: where to start. *Upravlenie razvitiem personala*, 2018, (4): 242–254. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yswwhz
20. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Бабынина Л. С. Экономика труда. М.: Альфа-пресс, 2007. Т. 1. 760 с. [Odegov Yu. G., Rudenko G. G., Babynina L. S. *Labor economics*. Moscow: Alfa-press, 2007, vol. 1, 760. (In Russ.)]
21. Колесникова В. Б., Нагибина Н. А. Комплексная оценка индивидуальных результатов труда персонала предприятия. *Цифровая и отраслевая экономика*. 2021. № 3. С. 13–21. [Kolesnikova V. B., Nagibina N. A. The comprehensive assessment of individual results of the company's personnel work. *Tsifrovaia i otraslevaia ekonomika*, 2021, (3): 13–21. (In Russ.)]
22. Коробцов А. С., Лукьянов В. Ф., Сагирова М. В. Обоснование специальных компетенций подготовки специалистов по профилю «Оборудование и технология сварочного производства». *Сварочное производство*. 2012. № 4. С. 52–56. [Korobtsov A. S., Luk'yanov V. F., Sagirova M. V. Substantiation of special competencies for training specialists of the "Equipment and technology of welding production" profile. *Svarochnoe proizvodstvo*, 2012, (4): 52–56. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/owrjgb
23. Моргунов Е. Б. Управление персоналом: исследование, оценка. 3-е изд. М.: Юрайт, 2022. 424 с. [Morgunov E. B. *Personnel management: research, assessment, training.* 3rd ed. Moscow: Iurait, 2022, 424. (In Russ.)]
24. Bellini F., Rudko I., Bonab A. B., Amendola C., Ventrice G. Success factors of innovative start-ups: a systematic literature review. *Proc. 39th EBES Conf.*, Rome, 6–8 Apr 2022. 2022, vol. 1, 1270.
25. Чуланова О. Л. Компетентностный подход в работе с персоналом: теория, методология, практика. М.: ИНФРА-М, 2016. 291 с. [Chulanova O. L. *Competence approach in work with personnel: theory, methodology, practice*. Moscow: INFRA-M, 2016, 291. (In Russ.)]
26. Новикова Г. Оценка персонала: что является основой положительного результата. *Управление качеством*. 2020. № 10. С. 31–37. [Novikova G. Personnel evaluation: basis of a positive result. *Upravlenie kachestvom*, 2020, (10): 31–37. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wfmmzq
27. Сапожникова А. В. Формы стимулирования труда в оценках работников. *Master's Journal*. 2021. № 2. С. 125–131. [Sapozhnikova A. V. Forms of labor incentives in employee evaluations. *Master's Journal*, 2021, (2): 125–131. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/fbzpqm

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS
This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных

Абрамов Виктор Иванович
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-9471-9408
VIAbramov@mephi.ru

Андреев Виталий Дмитриевич
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0001-7259-9348

Поступила 05.12.2022. Принята после рецензирования 19.01.2023. Принята в печать 04.02.2023.

Аннотация: Предложена концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных, соответствующая требованию по созданию центра управления данными в Кемеровской области. Это требование, как и ряд других, указаны в «Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кемеровской области – Кузбасса». Проведен анализ стратегии, дана характеристика действующей цифровой экосистемы региона. Также выявлена проблема недостатка системности в процессах взаимодействия и механизме функционирования органов государственной и муниципальной власти совместно с бизнес-структурами и гражданами региона в цифровой среде. Доказана целесообразность применения концепции в Кемеровской области для улучшения обеспечения социальными и экономическими благами. Эффективность цифровых экосистем подтверждается примерами их функционирования в Сингапуре, Эстонии, Финляндии, Нью-Йорке, в США в целом. Благодаря предложенной концепции обеспечивается требование законодательства, решается проблема недостатка системности в процессах взаимодействия и в механизме функционирования органов государственной власти.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экосистема, цифровой двойник, Кемеровская область

Цитирование: Абрамов В. И., Андреев В. Д. Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 238–248. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-238-248

full article

Concept of the Integrated Digital Ecosystem Architecture of the Kemerovo Region Featuring Mechanism of Data Collection

Viktor I. Abramov
National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-9471-9408
VIAbramov@mephi.ru

Vitaly D. Andreev
National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0001-7259-9348

Received 5 Dec 2022. Accepted after peer review 19 Jan 2023. Accepted for publication 4 Feb 2023.

Abstract: The article proposes the integrated digital ecosystem concept for Kemerovo region with a mechanism for data collection and transformation. The concept meets the requirements for the creation of a data management center in the Kemerovo region. The requirements are specified in the Digital transformation strategy for economic sectors, social sphere and public administration of the Kemerovo region – Kuzbass. The authors analyze the strategy and list the characteristics of the current digital ecosystem of the region. The article reveals inconsistency in the interaction of state and municipal authorities with business structures and citizens of the region in the digital environment. The authors describe the expediency of applying the proposed concept in the Kemerovo region for a positive impact on the provision of social and economic benefits in the region. The effectiveness of digital ecosystems with data collection and transformation mechanisms is confirmed by examples of different countries. Thanks to the proposed concept, the requirements of legislation are met, the lack of consistency in the interaction of public authorities is resolved.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: digitalization, digital transformation, digital ecosystem, digital twin, Kemerovo Region

Citation: Abramov V. I., Andreev V. D. Concept of the Integrated Digital Ecosystem Architecture of the Kemerovo Region Featuring Mechanism of Data Collection. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 238–248. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-238-248

Введение

Шестой технологический уклад, четвертая промышленная революция обуславливают необходимость анализа аспектов цифровой трансформации для формирования институтов жизнедеятельности в условиях цифровых реалий с перспективой социального и экономического совершенствования. Например, в результате цифровой трансформации 2012–2020 гг. в Китае рост «зеленой» производительности экономики в среднем по стране составлял 14,79 % в год [1].

Актуальность работы связана с повышением интереса научной среды к аспектам цифровой трансформации, механизмы и методы которой способны эффективно обеспечивать предоставление социальных и экономических благ на уровне государства и региона. Этот факт подтверждает увеличение количества научной литературы, связанной с цифровой трансформацией государственного и муниципального управления (ГМУ) [2].

Научная новизна работы заключается в предложенной концепции архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора и преобразования данных. Концепция соответствует требованию по созданию центра управления данными в Кемеровской области, изложенному в «Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кемеровской области – Кузбасса», мероприятия которой планируется реализовать до 2030 г.

По результатам работы выявлена проблема недостатка системности в процессах взаимодействия и механизме функционирования органов государственной и муниципальной власти совместно с бизнес-структурами и гражданами региона в цифровой среде. Обоснована целесообразность построения цифровой экосистемы в Кемеровской области с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации ГМУ, предложена концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных, построение которой обеспечит решение проблемы и удовлетворит требование стратегии.

Теоретические аспекты цифровой экосистемы

Цифровизация – процесс внедрения сквозных цифровых технологий в сферы жизнедеятельности государства[1]. Цифровизация модернизирует структуру экономики, аспекты функционирования рынка, положительным образом влияет на качество жизни людей [3].

Цифровая трансформация – изменение механизмов и методов функционирования сфер жизнедеятельности, в которых происходит процесс цифровизации [4]. Стоит отметить, что в России на уровне регионов происходят процессы, связанные с построением платформ для управления жизнедеятельностью территорий органами власти, что обосновывает целесообразность цифровой трансформации регионального управления [5], позитивно влияющего на социальные и экономические блага региона [6].

Цифровая экосистема – цифровая макросреда функционирования граждан, бизнеса и органов власти с интеграцией институтов жизнедеятельности в цифровую макросреду. Впервые цифровые экосистемы начали возникать в компаниях GAFA[2] в США, которые впоследствии сформировали механизмы функционирования в цифровой среде для граждан, бизнеса и органов власти. Данный процесс стал трендом, который начали использовать многие частные, а впоследствии и государственные структуры [7].

Цифровая экосистема соответствует определенному этапу цифровой трансформации ГМУ. Выделяют следующие этапы цифровой трансформации:

1. Построение архитектуры электронного правительства, подразумевающей наличие электронных коммуникаций, позволяет оптимизировать бюджет за счет перевода процессов в электронный формат.

2. Управление на основе данных – этап, на котором создается механизм сбора и преобразования данных с реализацией принятия управленческих решений, что позволяет улучшать качество предоставления социальных и экономических благ за счет повышения качества управленческих решений.

3. Цифровое управление, при котором в механизм сбора данных привносятся механизмы воздействия на реальный мир через цифровой. Это позволяет

[1] Что такое цифровизация и какие сферы жизни она заденет? *Центр2М*. URL: https://center2m.ru/digitalization-technologies (дата обращения: 21.10.2022).

[2] GAFA – аббревиатура, объединяющая 4 бизнес-гиганта: Google, Amazon, Facebook, Apple.

снижать эксплуатационные расходы, увеличивать качество предоставления социальных и экономических благ за счет автоматизации [8].

Построение цифровых экосистем с аспектами 2-го и 3-го этапа является глобальным трендом технически и экономически развитых стран, что позволяет данным государствам занимать лидирующие позиции в экономической и социальной сфере [9].

В данной работе предложена концепция архитектуры цифровой экосистемы Кемеровской области с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации и обоснована целесообразность создания цифровой экосистемы на ее основе.

Цифровая экосистема Кузбаса

Для определения особенностей функционирования действующей цифровой экосистемы Кемеровской области проанализируем ее структурные элементы[3]:

1. Геоинформационная система «Кузбасс», созданная для обеспечения деятельности органов государственной и муниципальной власти по управлению градостроительством, землепользованием и недропользованием. Система имеет цифровой двойник г. Кемерово, который фактически является картой с отражением кадастровых данных, что не является достаточным для соответствия определению цифрового двойника, созданного на определенной территории [10].

2. Государственная информационная система (ГИС) «Регистр муниципальных нормативно-правовых актов» для электронного хранения нормативно-правовых актов муниципальных образований региона (50 пользователей, около 115 тыс. нормативно-правовых актов).

3. ГИС Кемеровской области, включающий 74 государственные информационные системы.

4. Цифровая региональная платформа «Кузбасс Онлайн», осуществляющая контроль деятельности управляющих организаций Кузбасса. Также является региональным новостным источником с возможностью электронных обращений граждан (250 тыс. пользователей платформы; около 64 тыс. сообщений; 90 % управляющих компаний; около 3700 новостных постов в год).

5. Региональный центр обработки данных, или территориально расположенный сервер, который хранит и обрабатывает данные (1 – в структуре здравоохранения; 500 терабайт информации; 6 стойко-мест).

6. Государственные и муниципальные услуги в электронном формате (122 государственные и муниципальные цифровые услуги в регионе, из них 68 социально значимых).

7. Многофункциональные центры (МФЦ), обеспечивающие доступность государственных и муниципальных услуг в одном месте (38 МФЦ, у 27 МФЦ есть свои сайты, что в современных условиях цифровых реалий недостаточно для предоставления социальных гарантий удаленным населенным пунктам [11]).

8. Сайты органов власти, представляющие собой официальные источники информации в сети Интернет. На них реализована возможность регистрации и обработки обращений граждан (34 сайта администраций муниципальных образований, 33 сайта исполнительных органов государственной власти региона).

9. Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах, являющаяся системой по отслеживанию, фиксации и обработке платежей государственных и муниципальных органов власти региона.

10. Сотовая связь. Покрытие населенных пунктов – 93 %; охват населения сотовой связью 4G (от 10 мб / сек) – 66 %.

11. Доступ в Интернет. 73,5 % домохозяйств обеспечены проводным широкополосным доступом в Интернет.

12. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) органов государственной и муниципальной власти региона представлена 1 системой межведомственного электронного взаимодействия.

13. Устройства интернета вещей. Насчитывают 29,6 млн в России. В Кемеровской области около 2 % из них используются для нужд бизнеса. Органы власти не используют интернет вещей, что является отрицательным фактором, т. к. это говорит об отсутствии инструмента для сбора инфраструктурных данных в реальном времени.

14. Автоматическая телефонная станция от провайдеров (около 8 поставщиков в регионе).

15. Цифровые сервисы, системы бизнес-структур региона включают частные цифровые системы, решения и платформы, которые обеспечивают взаимодействие бизнеса и потребителей в цифровой среде. 64,8 % бизнес-структур региона используют Интернет для связи с поставщиками и потребителями.

16. Система межсетевой безопасности, обеспечивающая безопасность органов государственной и муниципальной власти в сети (1 система ViPNet для региональных органов власти).

17. ERP-системы, которые используются в 16,3 % организаций.

18. 29191 рабочее место чиновников с ПК.

[3] Министерство цифрового развития и связи Кузбасса. URL: https://digital42.ru (дата обращения: 22.10.2022).

Можно сделать вывод, что действующая цифровая экосистема Кемеровской области имеет аспекты 1-го этапа цифровой трансформации ГМУ и имеет в своей архитектуре цифровые системы и решения, позволяющие организовать электронное взаимодействие граждан, бизнеса и органов власти. Отдельно нужно отметить тот факт, что некоторые термины, относящиеся к цифровой трансформации, используются не вполне корректно, например, цифровой двойник г. Кемерово в Геоинформационной системе «Кузбасс».

Электронное взаимодействие граждан, бизнеса и органов власти в цифровой среде позволяет региону снижать трудовые и финансовые издержки с помощью перевода коммуникаций в электронный формат [12]. Однако в условиях, когда формируется 2-й и 3-й этап цифровой трансформации, велик риск замедлить темп перехода из логики догоняющего развития в логику опережающего развития как на уровне региона, так и на уровне государства.

Далее на основе анализа «Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кемеровской области – Кузбасса»[4] дадим оценку целесообразности построения цифровой экосистемы с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации.

В стратегии заложены следующие требования:

1. Создание региональной системы управления данными для стандартизации информационных систем. Это подразумевает наличие механизма сбора инфраструктурных данных для нужд органов власти, бизнеса и граждан с целью принятия управленческих решений в реальном времени. Фактические же мероприятия и целевые индикаторы стратегии направлены на формирование электронного правительства без внедрения механизма сбора и обработки данных в реальном времени.

2. Определение концепции работы с цифровыми данными, предполагающее определение механизма работы с данными.

3. Стремление к автоматизации обработки поступающих данных.

4. Организация деятельности по переходу к электронным социально значимым услугам. Соответствует глобальным тенденциям расширения предоставляемых государственных и муниципальных услуг в цифровом формате, что приводит к повышению социальных гарантий [13].

5. Внедрение системы СМЭВ в максимально возможных масштабах.

6. Решение проблемы «лоскутной» автоматизации, т. е. разрозненности государственных и муниципальных цифровых систем, за счет организации единого цифрового пространства, что может положительным образом повлиять на решение проблемы цифрового неравенства в регионе [14].

7. Увеличение степени вовлеченности органов власти, граждан и бизнеса в цифровую макросреду региона для оптимизации совместной деятельности.

8. Решение проблемы отсутствия системности и конкретизации процессов коммуникаций граждан, бизнеса и органов власти в цифровой среде.

Исходя из данных требований и программы «Информационное общество Кузбасса»[5], можно выделить проблему отсутствия системности в процессах взаимодействия и механизме функционирования органов государственной и муниципальной власти, бизнес-структур и граждан региона в цифровой среде. Также стоит отметить потребность в формировании механизма сбора данных в цифровой экосистеме, что обусловлено требованием по созданию региональной системы управления данными, которое соответствует 2-му этапу цифровой трансформации ГМУ.

Однако мероприятия и целевые индикаторы стратегии направлены на формирование системы межведомственного электронного взаимодействия, реализация которой планируется до 2030 г., что подтверждается информацией о структурных элементах действующей цифровой экосистемы Кемеровской области. Например, в стратегии обозначены целевые индикаторы электронных врачебных консилиумов, доля автобусов, имеющих бесконтактную оплату, электронных обращений граждан за получением социально значимых услуг и т. д. Применение сквозных цифровых технологий, способных обеспечить необходимый механизм сбора и преобразования данных, не предполагается.

Механизм функционирования действующей цифровой экосистемы в Кемеровской области подразумевает наличие электронных коммуникаций граждан, бизнеса и органов власти. Это подтверждает тезис о том, что в регионе осуществляется 1-й этап цифровой трансформации ГМУ, что обуславливает потребность в формировании регионального центра управления данными.

[4] Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кемеровской области – Кузбасса. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 591 от 31.08.2022. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4200202209050008 (дата обращения: 20.10.2022).

[5] Об утверждении государственной программы Кемеровской области – Кузбасса «Информационное общество Кузбасса» на 2014–2025 гг. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 400 от 20.09.2013 с изм. от 16.09.2022. URL: https://docs.cntd.ru/document/406233215 (дата обращения: 20.10.2022).

Чтобы создать условия выполнения требований стратегии, сформировать стратегические преимущества в регионе, обеспечить оптимизацию и расширить предоставляемые социальные и экономические блага, предложена концепция комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации ГМУ.

Реализация механизма сбора и преобразования данных в цифровой экосистеме Кемеровской области позволит:

1. Создать региональную систему управления данными со стандартизацией и упорядочиванием цифровых систем с помощью регионального центра управления данными с применением устройств интернета вещей и технологии цифрового двойника.

2. Создать систему сбора и обработки обратной связи от граждан и бизнеса для органов государственной и муниципальной власти.

3. Систематизировать и актуализировать цифровые данные. Стоит отметить острую потребность в выполнении данного требования, учитывая необходимость систематизации огромного потока данных для улучшения процесса принятия управленческих решений в условиях цифровой экономики [15].

4. Автоматизировать ряд инфраструктурных процессов с упорядочиванием системы дистанционного контроля и управления.

5. Сформировать инструмент создания государственных и муниципальных услуг на основе актуальных данных и картины потребностей.

6. Внедрить систему СМЭВ с максимальным охватом.

Целесообразность реализации механизма подтверждается несколькими кейсами. Например, в Финляндии с 2023 г. реализовывается проект цифровой экосистемы с аспектами 3-го этапа цифровой трансформации ГМУ. С помощью интернета вещей организуется система сбора и преобразования данных с воздействием на реальный мир через цифровую систему AuroraAI, что позволит, согласно прогнозам, увеличивать инвестиции бизнеса в инфраструктуру государства на 15 % в год, начиная с 2023 г. В результате автоматизации объем дополнительных средств в бюджет с 2029 г. составит около €3 млн в год [16].

В Сингапуре создан цифровой двойник города-государства, который позволил снизить стоимость процессов постоянной топографической съемки для органов власти с 35 до 6 млн сингапурских долларов, а создание 3D-карты с открытым исходным кодом позволило сократить процесс циклов непрерывной топографической съемки с 2 лет до 8 месяцев[6].

В Эстонии реализована карта digID, позволяющая интегрировать в единую цифровую экосистему данные граждан и бизнеса. На основе предыдущих запросов с использованием данной карты автоматически формируются персональные услуги. Карта помогает построить цепочку потенциальных коммуникаций. Создаются трехсторонние коммуникации с установлением дополнительных социальных гарантий при прочих равных условиях. Около 10 млн резидентов станут пользователями карты с 2025 г. [17].

Кейсы показывают, что разработка и использование механизма сбора данных в цифровой экосистеме – процесс, способный улучшить качество предоставления социальных и экономических благ, что является особенно актуальным в условиях санкционного давления и глобальной конкуренции в области цифровой трансформации. Актуальная информация, применяемая в реальном времени, способна улучшить качество управленческих решений и сформировать устойчивое социально-экономическое развитие [18]. Это отражено в рассматриваемой стратегии, но не подкрепляется применением конкретных сквозных цифровых технологий (целевых индикаторов и мероприятий), которые могли бы обеспечить реализацию данного механизма.

Концепция архитектуры цифровой экосистемы

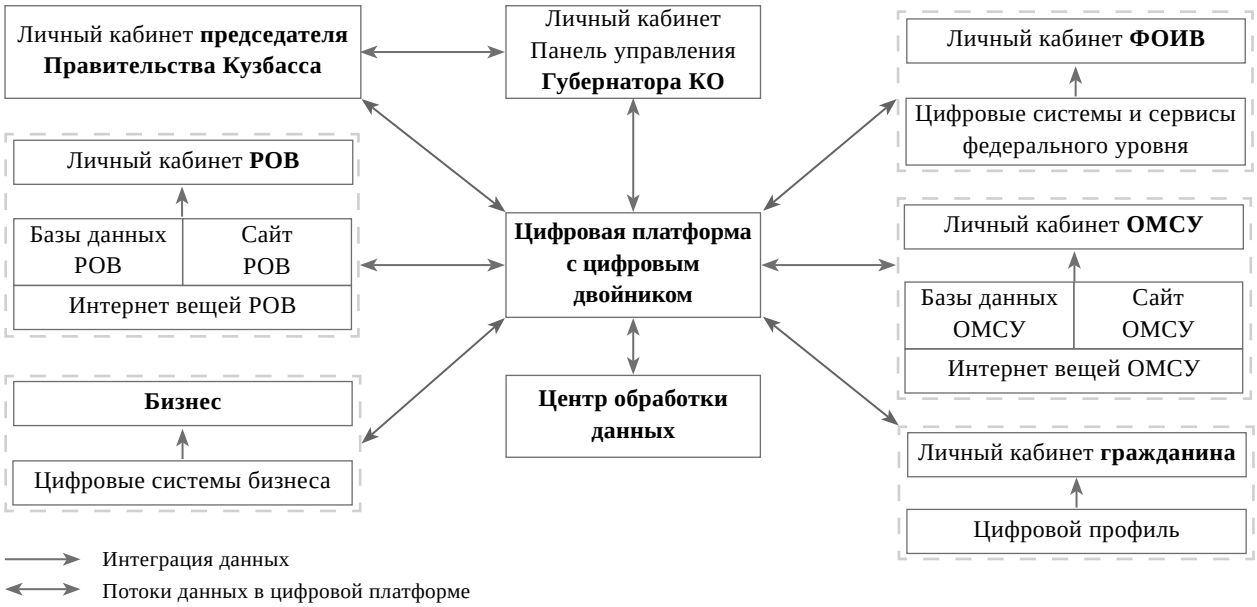
Для реализации концепции архитектуры цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных целесообразно использовать программные решения и сквозные цифровые технологии, предлагаемые АО «Русатом Инфраструктурные решения» (АО «РИР»)[7], которое является дивизионом ГК «Росатом», разрабатывающим цифровые решения в сфере умного города, умного региона и т. д.

На рисунке представлена концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных на основе программных решений и сквозных цифровых технологий, предлагаемых АО «РИР».

В концепции архитектуры экосистемы используются следующие ресурсы региона: ГИС органов исполнительной власти; рабочие места чиновников органов региональной государственной власти и местного самоуправления; СМЭВ; сеть для защиты от кибератак; МФЦ; ЦОД; цифровые автоматические телефонные станции. В таблицах 1 и 2 отражены инструменты и возможности концепции с учетом программных решений.

[6] How Singapore created the first country-scale digital twin. *VentureBeat*. URL: https://venturebeat.com/business/how-singapore-created-the-first-country-scale-digital-twin (accessed 23 Oct 2022).

[7] Умный бережливый регион. Lean Smart Region (LSR). *Tadviser*. URL: https://www.tadviser.ru/a/605250 (дата обращения: 23.10.2022).



Прим.: КО – Кемеровская область, РОВ – региональные органы власти, ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти, ОМСУ – органы местного самоуправления.

Рис. Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных
Fig. Concept of the Kemerovo region's integrated digital ecosystem architecture with a mechanism for data collection

Табл. 1. Инструменты концепции архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области
Tab. 1. Tools of the Kemerovo region's integrated digital ecosystem architecture concept

Инструмент	Характеристика
Искусственный интеллект	Среда для обработки и распределения поступающих потоков данных
Интернет вещей	Устройства интернета вещей для нужд бизнеса и органов власти для сбора инфраструктурных данных региона на цифровую платформу для принятия управленческих решений в реальном времени
Инструмент цифрового моделирования объектов и процессов	Инструмент для 3D-моделей объектов и процессов для моделирования, планирования и прогнозирования деятельности и процессов объектов

Табл. 2. Возможности концепции архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области
Tab. 2. Capabilities of the Kemerovo region's integrated digital ecosystem architecture concept

Возможность	Характеристика
Сбор данных	Сбор данных с помощью устройств интернета вещей для нужд органов власти, бизнеса и граждан для формирования управленческих решений
Хранилище данных	Хранилище данных для формирования больших данных и их анализа в реальном времени
Моделирование управленческих решений	Моделирование управленческих решений с отражением процесса в цифровом двойнике
Аналитика данных	Составление метрик на основе данных, полученных от устройств интернета вещей, в реальном времени
Отображение процессов в реальном времени	Отражение инфраструктурных процессов в реальном времени, например, движения снегоуборочной машины

Охарактеризуем функционал предложенной концепции:

1. Бизнес: бизнес-структуры интегрированы в цифровой двойник. Цифровые системы бизнеса собирают и передают информацию о различных процессах и явлениях в отраслях, которые имеют для области стратегическое значение. Механизм функционирования: данные поступают через сквозные цифровые технологии, бизнес использует данные и коммуницирует с гражданами и органами власти в цифровом двойнике. Бизнес отчитывается перед органами власти, гражданами, заказчиками и поставщиками. На основе имеющихся прав бизнес осуществляет контроль за деятельностью органов власти, взаимодействует с заказчиками с целью получения дохода, а также на добровольной основе передает в цифровой двойник информацию, интеграция которой необязательна. Перечисленные субъекты, граждане и органы власти способны получать метрическую информацию о деятельности бизнеса и данные об инфраструктурных процессах в реальном времени.

2. Граждане: личные кабинеты граждан интегрированы в цифровой двойник Кемеровской области. Функционал построения метрик и прогнозирования событий по различным явлениям на основе данных в реальном времени доступен для граждан. Информация предоставляется в личном кабинете с отражением соответствующих направлений для использования функционала. Предусмотрена обратная связь в виде обращений по явлениям и событиям, отражаемым в цифровом двойнике. Процессы и явления сопровождаются подробной информацией на основе требований законодательства об отражении информации о процессе или явлении. Данные и прогнозы событий предоставляются в соответствии с законодательством, если не входят в перечень сведений, составляющих государственную или коммерческую тайну. Основная деятельность граждан в цифровом двойнике: контрольные и надзорные функции; взаимодействие с бизнесом и органами власти; высказывание своего мнения; анализ метрик инфраструктурных процессов Кемеровской области, формирующихся в реальном времени; анализ прогнозных моделей событий, функционал которых предоставляют мощности искусственного интеллекта в цифровом двойнике. Цифровые профили учитываются в личном кабинете граждан при коммуникации и использовании данных (паспортные данные и т. д.).

3. ФОИВ: деятельность отражается в цифровом двойнике в виде нормативно-правовых актов, приказов и распоряжений. В соответствии с данной информацией деятельность бизнеса, граждан и органов власти в цифровом двойнике выстраивается соответствующим образом. Специфика передачи распоряжений и приказов соответствует федеральным законам и подзаконным актам. Программное обеспечение цифрового двойника отражает метрические данные и дает возможность прогнозирования и планирования инфраструктурных процессов, например, для оценки деятельности губернатора Кемеровской области. Федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие деятельность в регионе, используют информацию из федеральных цифровых систем и сервисов, например, из Госуслуг. Подразумевается двусторонняя передача и интеграция данных из цифровых систем в платформу и обратно.

4. ОМСУ: деятельность интегрирована в цифровую платформу и отражается в цифровом двойнике Кемеровской области с возможностью планирования и прогнозирования деятельности для всех участников платформы. Устройства интернета вещей ОМСУ передают данные на цифровую платформу с отражением в реальном времени в цифровом двойнике. Базы данных ОМСУ входят в структуру цифровой платформы с отражением в реальном времени. Из цифрового двойника инфраструктурные данные в виде метрик поступают в базы данных в реальном времени. Сайты ОМСУ работают в привязке к цифровой платформе – информация из цифрового двойника автоматически поступает в базу данных (БД) и отражается на сайте. На основе инфраструктурных данных о деятельности ОМСУ в цифровом двойнике возможно планирование и прогнозирование отдельных инфраструктурных процессов. Перечень доступной информации открыт для пользователей. Закрытая информация доступна для соответствующих организаций в соответствии с допуском. На базе коммуникаций между участниками платформы с использованием актуальных данных и данных цифрового двойника ОМСУ реализуют управленческие решения в цифровом двойнике. Информация одновременно поступает в индивидуальные системы и в цифровой двойник.

5. РОВ: деятельность интегрирована в цифровую платформу. Базы данных функционируют в рамках цифровой платформы, информация, интеграция которой предусмотрена законодательством, используется с отражением в цифровом двойнике по тем данным. Информация из цифровой платформы, отраженная в цифровом двойнике, передается в БД в реальном времени. Устройства интернета вещей органов государственной региональной власти собирают данные в цифровой двойник, личные кабинеты и БД органов власти для реализации управленческих решений. Сайты органов власти доступны для всех участников платформы. Органы государственной региональной власти могут составлять метрики на основе данных в реальном времени; отражать и моделировать процессы в цифровом двойнике; коммуницировать через

личные кабинеты со всеми участниками платформы; получать всю информацию цифрового двойника в реальном времени; осуществлять управленческую деятельность на цифровой платформе в соответствии с их должностными обязанностями. Число пользователей платформы с учетом ОМСУ: 29191. В личном кабинете платформы организована работа с 74 региональными информационными системами, отражающаяся в цифровом двойнике.

6. Председатель Правительства Кузбасса: обладает всем функционалом РОВ; получает отчет о деятельности РОВ; отчитывается губернатору Кемеровской области; осуществляет управленческие решения и передает соответствующие указы через личный кабинет в цифровую платформу с отражением в цифровом двойнике.

7. Губернатор Кемеровской области: обладает всем функционалом РОВ; получает отчет от председателя правительства Кемеровской области; передает указы председателю правительства; отчитывается ФОИВ; получает распоряжения от ФОИВ.

Функционал цифрового двойника АО «РИР» доступен со смартфонов, планшетов, компьютеров и ноутбуков, что соответствует глобальным направлениям развития в сфере ГМУ [19]. Для каждого субъекта цифровой экосистемы на цифровой платформе обеспечивается работа личного кабинета.

Если упростить схему концепции архитектуры цифровой экосистемы Кемеровской области, то можно увидеть, что в ней реализован механизм сбора данных из цифровой инфраструктуры региона для потребностей региональных органов власти, бизнеса и граждан. Органы власти и бизнес в рамках цифровой платформы принимают управленческие решения на основе данных, получаемых через сквозные цифровые технологии, что в условиях цифровых реалий серьезно влияет на улучшение качества жизни [20]. Бизнес реализует управленческие решения на основе актуальных данных. Граждане коммуницируют с бизнесом и органами власти, осуществляют контрольные функции, что положительно влияет на гражданское участие в целом [21]. Для всех участников экосистемы доступен инструмент планирования и прогнозирования через цифровой двойник. Вся деятельность, выражаемая в инфраструктурных данных, отражается в цифровом двойнике области.

С помощью инструментов искусственного интеллекта осуществляются функции систематизации и кластеризации данных. В программном обеспечении заложен функционал, предложенный АО «РИР». В функционировании цифровой платформы задействованы IT-ресурсы, которые отражаются в цифровом двойнике. Информация предоставляется в личном кабинете с указанием функционала каждого участника экосистемы.

Центр обработки данных, представленный в концепции цифровой экосистемы Кемеровской области, направлен на первичную и последующую обработку и передачу данных для нужд органов власти, бизнеса и граждан на основе функционала от АО «РИР».

Реализованных проектов цифрового двойника региона от АО «РИР» до сих пор не имеется. Поэтому для анализа мы можем использовать предполагаемую, ожидаемую эффективность от реализации различных проектов по внедрению цифровых двойников в зарубежных странах:

- до 2030 г. реализация проекта цифрового двойника г. Нью-Йорк, схожего по функциональной составляющей с цифровым двойником от АО «РИР», позволит снизить эксплуатационные расходы обеспечения инфраструктурных процессов на 20 % для бюджета Нью-Йорка[8];
- ожидается, что к 2030 г. при реализации цифровых двойников около 500 городов США экономия бюджетных средств составит около $280 млрд[9];
- к 2030 г. ожидается снижение вредных выбросов в атмосферу на 3 млн т в год за счет создания системы данных о работе возобновляемых источников энергии в цифровом двойнике Сингапура[10].

Можно сделать вывод, что внедрение и эксплуатация цифровых двойников позволяет получать социальные и экономические блага, выражаемые в экономии бюджетных средств, стимулировании социальных гарантий и т. д. Реализация проекта умного города в Сарове может сократить время обработки обращений граждан на 73 %, снизить трудозатраты с 64 до 1,5 часов, сократить процесс реагирования МЧС с 30 до 3 минут. В 2019 г. при реализации проекта умного города расходы бюджета снизились примерно на 30 %[11]. Пример г. Сарова наиболее схож с проектом от АО «РИР», однако масштабы во втором случае гораздо больше, а в первом отсутствует цифровой двойник.

[8] Rogerson S. New York pilot demonstrates digital twin technology. *IMC Newsdesk*. URL: https://www.iotm2mcouncil.org/iot-library/news/smart-cities-news/new-york-pilot-demonstrates-digital-twin-technology (accessed 13 Oct 2022).

[9] Cityzenith Digital Twin AI technology platform – SmartWorldOS. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_1HBAcFToFw (accessed 14 Oct 2022).

[10] Singapore Green Plan 2030. URL: https://www.greenplan.gov.sg/key-focus-areas/overview#resilient-future (accessed 24 Oct 2022).

[11] Практика: Информационная платформа «Умный Саров». Лучшие муниципальные практики. URL: https://лучшие-практики.рф/praktiki/sarov/praktiki-v-sarove/informatsionnaia-platforma-umnyi-sarov (дата обращения: 24.10.2022).

Особая значимость реализации цифрового двойника заключается в сетевом эффекте от реализации 2-го этапа цифровой трансформации ГМУ на уровне региона. Сетевой эффект способен сформировать для всех структурных подразделений в основных отраслях деятельности ГМУ комплексность и системность управления, что положительным образом сказывается на развитии региона в целом, на его социальной и экономической стороне. Данный факт подтверждают частные примеры [22; 23]. На основе сетевого эффекта участники цифровой экосистемы Кемеровской области в основных отраслях жизнедеятельности смогут качественно улучшить и расширить обеспечение социальными и экономическими благами при оптимизации издержек и увеличении социальных гарантий, например, для отрасли здравоохранения при мониторинге состояния здоровья в реальном времени.

Заключение

В работе представлена концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации ГМУ. Целесообразность реализации концепции состоит в выполнении требования «Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного муниципального управления Кемеровской области – Кузбасса» до 2030 г. Необходимость преобразования подтверждается рядом проблем, связанных с отсутствием системности в процессах взаимодействия и механизме функционирования органов государственной и муниципальной власти совместно с бизнес-структурами и гражданами региона в цифровой среде. Целесообразность внедрения концепции заключается в улучшении обеспечения социальными и экономическими благами. Улучшение подтверждается кейсами цифровых экосистем в Финляндии, Сингапуре, Эстонии.

Мероприятия и индикаторы стратегии направлены на формирование архитектуры электронного правительства и не подразумевают создание механизма сбора и преобразования данных с помощью центра управления данными для стандартизации систем. Главный инструмент предложенной концепции цифровой экосистемы Кемеровской области – цифровой двойник. Целесообразность создания и использования цифрового двойника обуславливается тем, что с его помощью можно организовать прозрачный механизм управления полученными данными, планирования и прогнозирования дальнейшей деятельности. Целесообразность создания и использования цифрового двойника как главного инструмента предложенной концепции цифровой экосистемы также подтверждается примерами реализации проектов цифрового двойника в Сингапуре, США, Нью-Йорке. Отдельно стоит отметить случай г. Сарова, который пока не имеет цифрового двойника. Однако механизм функционирования цифровой экосистемы города наиболее схож с предложенным механизмом.

Концепция обеспечивает требования законодательства и способствует формированию системности в процессах взаимодействия и механизме совместного функционирования органов власти с бизнес-структурами и гражданами региона в цифровой среде за счет создания центра управления данными через цифровой двойник Кемеровской области. Преобразование положительно повлияет на социальные и экономические сферы Кемеровской области, что подтверждается приведенными кейсами реализации цифровых двойников и формирования цифровых экосистем с аспектами 2-го этапа цифровой трансформации ГМУ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. И. Абрамов – концептуализация, сбор научных данных, критический обзор черновика исследования, менеджмент, координация и планирование исследовательской деятельности. В. Д. Андреев – разработка концепции архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области, сбор информации, написание черновика исследования.
Contribution: V. I. Abramov conceptualized research idea, provided scientific data, reviewed the initial version of the study, supervised the research activities, coordinated and planned the study. V. D. Andreev developed the concept of the integrated digital ecosystem architecture of the Kemerovo region, collected information, wrote the initial version of the study.

Литература / References

1. Deng H., Bai G., Shen Z., Xia L. Digital economy and its spatial effect on green productivity gains in manufacturing: evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, 2022, 378. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134539
2. Dobrolyubova E. I. Evaluating digital government performance using surveys: international literature review and prospects for the future research. *Public Administration Issues*, 2022, (5): 152–181. http://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-5-152-181

3. Щербакова Н. В. Цифровые технологии в банковском секторе РФ: особенности и сопутствующие угрозы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 1. С. 136–146. [Shcherbakova N. V. Digital technologies in the Russian banking sector: main features and associated risks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 136–146. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-136-146
4. Tratkowska K. Digital transformation: theoretical backgrounds of digital change. *Management Sciences*, 2020, 24(4): 32–37. http://dx.doi.org/10.15611/ms.2019.4.05
5. Чумаченко З. М. Особенности и основные тенденции цифровой трансформации российских регионов. *Russian Economic Bulletin*. 2022. Т. 5. № 1. С. 37–42. [Chumachenko Z. M. Features and main trends of digital transformation of Russian regions. *Russian Economic Bulletin*, 2022, 5(1): 37–42. (In Russ.)] https://elibrary.ru/prekte
6. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Эффекты и риски цифрового качества жизни населения в регионах России. *Экономика региона*. 2022. Т. 18. № 1. С. 146–158. [Litvintseva G. P., Karelin I. N. Effects and risks of digital quality of life in Russian regions. *Ekonomika regiona*, 2022, 18(1): 146–158. (In Russ.)] https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-11
7. Rosa F. R., Hauge J. A. GAFA's information infrastructure distribution: interconnection dynamics in the global North versus global South. *Policy & Internet*, 2022, 14(2): 424–449. https://doi.org/10.1002/poi3.278
8. Добролюбова Е. И. Оценка цифровой зрелости государственного управления. *Информационное общество*. 2021. № 2. С. 37–52. [Dobrolyubova E. I. Assessing government digital maturity. *Information Society*, 2021, (2): 37–52. (In Russ.)] https://doi.org/10.52605/16059921_2021_02_37
9. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: международный опыт и приоритеты в России. *Муниципальная академия*. 2022. № 1. С. 54–63. [Abramov V. I., Andreev V. D. Digital transformation of public and municipal administration: international experience and priorities in Russia. *Municipal Academy*, 2022, (1): 54–63. (In Russ.)] https://doi.org/10.52176/2304831X_2022_01_54
10. Boyes H., Watson T. Digital twins: an analysis framework and open issues. *Computers in Industry*, 2022, 143. https://doi.org/10.1016/j.compind.2022.103763
11. Сергеева Н. В., Романова О. А. Формирование сети МФЦ: региональный аспект. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 1. С. 111–119. [Sergeeva N. V., Romanova O. A. Formation of the MFC network: regional aspect. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, (1): 111–119. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/vaael.2047
12. Видясов Е. Ю., Видясова Л. А. Цифровизация в управлении городом: исследование коммуникационных каналов приема и обработки обращений граждан в Петербурге. *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 1. С. 115–128. [Vidiasov E. Yu., Vidiasova L. A. The digitalization of citizen participationin city governance: a study of citizen communication channels in St. Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*, 2021, 19(1): 115–128. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-115-128
13. Сабирова З. Э. Предоставление массовых социально значимых услуг в условиях цифровизации. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2021. № 5. С. 51–54. [Sabirova Z. E. Provision of mass socially significant services in the context of digitalization. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2021, (5): 51–54. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uppeax
14. Завьялова Е. А., Погадаева Н. Ю. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 2. С. 219–228. [Zavyalova E. A., Pogadaeva N. Yu. Digital transformation of state and municipal services. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(2): 219–228. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-219-228
15. Новикова Ж. С., Стеняшина Н. Л., Назмутдинова А. Р. Векторы социально-экономического развития региона в условиях цифровой трансформации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 2. С. 238–247. [Novikova Zh. S., Stenyashina N. L., Nazmutdinova A. R. Vectors of socio-economic development of the region in the context of digital transformation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(2): 238–247. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-238-247

16. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Перспективы использования интернета вещей при цифровой трансформации государственного и муниципального управления (на примере Финляндии). *Муниципальная академия*. 2022. № 2. С. 34–42. [Abramov V. I., Andreev V. D. Prospects for the use of the Internet of things in the digital transformation of public and municipal administration (on the example of Finland). *Municipal Academy*, 2022, (2): 34–42. (In Russ.)] https://doi.org/10.52176/2304831X_2022_02_34
17. Sallam M. S. H. A., Lips S., Draheim D. Success and success factors of the Estonian e-residency from the state and entrepreneur perspective. *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. EGOSE 2021*. Springer, Cham, vol. 1529, 291–304. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_22
18. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Планирование в России: истоки и перспективы. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 90. С. 59–73. [Molchanov I. N., Molchanova N. P. Planning in Russia: origins and perspectives. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2022, (90): 59–73. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-59-73
19. Купряшин Г. Л., Шрамм А. Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 84. С. 256–276. [Kupryashin G. L., Shramm A. E. On the outlook for the third wave of digital era governance. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2021, (84): 256–276. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-256-276
20. Щекотин Е. В. Управление качеством жизни на основе данных: перспективы подхода. *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 6. С. 64–68. [Shchekotin E. V. Data-driven quality of life management: approach prospects. *Theory and Practice of Social Development*, 2022, (6): 64–68. (In Russ.)] https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.9
21. Груздева М. А. Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов. *Цифровая социология*. 2022. Т. 5. № 1. С. 15–24. [Gruzdeva M. A. Civic participation digitalisation: limitations in the digital divides field. *Digital sociology*, 2022, 5(1): 15–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-15-24
22. Романец И. И., Шелудько Е. Б. Платформенные рынки как основа цифровой трансформации социально-экономических процессов. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 5. С. 137–144. [Romanets I. I., Sheludko E. B. Platform markets as a basis for digital transformation of socio-economic processes. *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia*, 2021, (5): 137–144. (In Russ.)] https://doi.org/10.47581/2021/PS92/IE.5.55.21
23. Мухаметов Д. Р. Цифровое государство как экспоненциальная организация: новые технологии коммуникации. *Мир новой экономики*. 2022. Т. 16. № 2. С. 6–18. [Mukhametov D. R. Digital government as exponential organization: new technologies of communication. *The World of the New Economy*, 2022, 16(2): 6–18. (In Russ.)] https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-2-6-18

© 2023. Хашир Б. О., Швецова И. Н., Усанов А. Ю., Пономарев С. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности

Хашир Бэлла Олеговна
Кубанский государственный технологический университет, Россия, Краснодар
http://orcid.org/0000-0003-0596-9606
nnresearch@mail.ru

Швецова Ирина Николаевна
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Россия, Сыктывкар
http://orcid.org/0000-0003-3595-4165

Усанов Александр Юрьевич
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
http://orcid.org/0000-0002-2329-8300

Пономарев Сергей Валерьевич
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Калужский филиал), Россия, Калуга
http://orcid.org/0000-0001-6216-1190

Поступила 01.02.2023. Принята после рецензирования 16.03.2023. Принята в печать 21.04.2023.

Аннотация: Существует большое количество факторов неопределенности, влияющих на социум: финансовые кризисы, болезни и вирусы, природные бедствия и геологические катастрофы, геополитические конфликты и т. д. Цель исследования – раскрыть специфику процессов цифрового развития в России и ее регионах в условиях усиления факторов неопределенности, определить направления государственной политики, обеспечивающие повышение устойчивости хозяйственных систем. В работе использованы методы анализа теоретических источников, анализа и синтеза, систематизации, компаративного анализа, экономического анализа. Научная новизна исследования состоит в анализе, направленном на выявление особенностей воздействия факторов неопределенности (финансового, эпидемиологического и политического характера) на ход процессов цифровизации в России и регионах, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию мер государственной политики. Авторами проанализированы факторы неопределенности на современном этапе хозяйствования и их влияние на процесс цифровизации российского государства и регионов. Выделены три периода исследования факторов неопределенности: 2010–2019 гг. (влияние факторов финансово-экономического характера); 2020–2021 гг. (воздействие факторов эпидемиологического характера); 2022 г. (влияние геополитической нестабильности). Установлено, что несмотря на позитивную динамику роста всех показателей цифровизации, в допандемический период была характерна неравномерность цифрового развития регионов России. Доказано, что неопределенность, вызванная пандемией COVID-19, привела к интенсификации цифрового развития, а также запустила новые социально-экономические трансформации. Выявлена тенденция увеличения расходов на цифровизацию российских регионов в период геополитической напряженности. Были определены направления государственной политики в области цифровизации по преодолению негативного воздействия геополитической неопределенности на хозяйственные системы макро- и мезоуровня. По результатам исследования сделан вывод, что финансово-экономическая неопределенность не стала препятствием на пути развития цифрового общества. Напротив, расширение цифровой инфраструктуры и общественный прогресс сформировали условия для ее интенсификации. Нивелирование негативного воздействия геополитической неопределенности на регионы России и национальное хозяйство требует реализация комплекса мер государственной политики. В условиях геополитической нестабильности расходы на цифровизацию должны быть направлены прежде всего на совершенствование цифровой образовательной среды; формирование необходимой инфраструктуры для организации защищенного межведомственного электронного взаимодействия; модернизацию электронных услуг. Особая статья расходов должна быть связана с обеспечением кибербезопасности всех информационных систем регионов. Это связно с тем, что по мере внедрения цифровых технологий возрастают общественные риски и опасения людей относительно сохранности персональных данных, а также цифровой неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое развитие, государство, национальная экономика, регион, неопределенность, пандемия, геополитическая нестабильность, финансовый кризис

Цитирование: Хашир Б. О., Швецова И. Н., Усанов А. Ю., Пономарев С. В. Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 249–258. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-249-258

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

full article

Specifics of Digitalization in Russia and its Regions under Uncertainty

Bella O. Khashir
Kuban State Technological University, Russia, Krasnodar
http://orcid.org/0000-0003-0596-9606
nnresearch@mail.ru

Alexander Yu. Usanov
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
http://orcid.org/0000-0002-2329-8300

Irina N. Shvetsova
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Russia, Syktyvkar
http://orcid.org/0000-0003-3595-4165

Sergey V. Ponomarev
Financial University under the Government of the Russian Federation (Kaluga Branch), Russia, Kaluga
http://orcid.org/0000-0001-6216-1190

Received 1 Feb 2023. Accepted after peer review 16 Mar 2023. Accepted for publication 21 Apr 2023.

Abstract: The purpose of the article is to reveal the specifics of digital development in Russia and its regions in the conditions of increasing uncertainty and to determine the directions of state policy that would ensure improvement in the economic system's stability. The authors use the analysis of theoretical literary sources, analysis and synthesis, systematization, comparative and economic analysis. Research identified three periods of uncertainty. Despite the positive dynamics of digitalization, in the period before the pandemic, the digital development of Russian regions was uneven. The uncertainty caused by the COVID-19 pandemic has led to the intensification of digital development, as well as launched new socio-economic transformations. The study revealed the tendency to increase expenditures on regions' digitalization during the period of geopolitical tension and determined state policy directions for overcoming the negative impact of geopolitical uncertainty on economic systems. Financial and economic uncertainty has not become an obstacle to the development of a digital society. On the contrary, the expansion of digital infrastructure and social progress created conditions for its intensification.

Keywords: digitalization, digital development, state, national economy, region, uncertainty, pandemic, geopolitical instability, financial crisis

Citation: Khashir B. O., Shvetsova I. N., Usanov A. Yu., Ponomarev S. V. Specifics of Digitalization in Russia and its Regions under Uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 249–258. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-249-258

Введение

По мере эволюции общественного развития появляется все большее количество факторов неопределенности, влияющих на жизнь социума. В более ранние периоды характер социально-экономического развития был детерминирован преимущественно мировыми войнами, революциями и следующими за ними рецессиями [1]. XXI век можно охарактеризовать как период перманентных экономических колебаний, вызванных кризисами финансовой природы, а также ростом социальной напряженности [2]. При этом локально возникающие финансовые кризисы имели свойство распространяться на мировой уровень вследствие усиления глобализационных тенденций. Например, локальный кризис банковской системы США 2008 г. стал первопричиной развития платежного дисбаланса глобальной экономики. Другим примером влияния локальной флуктуации на мировую экономику стал экономический кризис 2014 г. в России, который привел к колебаниям валютного рынка, снижению мировых цен на нефть и реализации санкционной политики Евросоюза, США и ряда других стран в отношении российской экономики и в конечном счете повлиял на все страны-участники конфликта.

Еще одним фактором неопределенности в современном мире стали различные болезни и вирусы, природные бедствия и геологические катастрофы. Особое место среди них занимают эпидемиологические угрозы – пандемия испанского гриппа и COVID-19, которые причинили значительный социальный ущерб и сформировали условия для снижения деловой активности вследствие разрушения устоявшихся критериев ведения бизнеса, стремительного спада потребления и значительной нагрузки на предпринимательский сектор и систему государственного управления[1].

[1] Eichenbaum M. S., Rebelo S., Trabandt M. The macroeconomics of epidemics. *NBER Working Paper* 26882, 2020. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26882/w26882.pdf (accessed 15 Jan 2023).

Современный этап социально-экономического развития определяется влиянием и других факторов неопределенности, в частности, геополитическими конфликтами. В феврале 2022 г. вследствие развития российско-украинского конфликта были запущены процессы перераспределения глобального лидерства и социально-экономических изменений на уровне всего мирового хозяйства.

В условиях непрерывного возникновения факторов неопределенности происходят изменения в использовании цифровых технологий населением, предприятиями, органами государственной власти. Изменяются потребности субъектов хозяйственной деятельности и их модели поведения, расширяются возможности и цифровые механизмы взаимодействия [3–6]. Меняется сам ход цифровизации, его темпы и направления. Это сказывается на функционировании региональных хозяйственных систем, а также национальных экономик. Изучение данной проблематики представляет в настоящее время особый исследовательский интерес.

Переход общества на цифровой этап развития давно стал объективной реальностью. Действительно, внедрение цифровых технологий обеспечивает огромное количество преимуществ для всех потребителей, от отдельного индивида до государства в целом. При этом развитие процессов цифровизации в различных странах и регионах мира имеет свою специфику[2] [7–9]. Например, Е. Карпунина и др. указывают на существование различных форм цифрового неравенства между странами ОЭСР и странами БРИКС, а также на необходимость реализации стратегии опережающего развития для отстающих стран [10].

Отдельного внимания исследователей заслуживают проблемы цифрового неравенства между регионами России. Так, в работе И. В. Писарева и др. исследуется готовность регионов России к цифровой трансформации [11]. Выявленная неравномерность цифрового развития объясняется воздействием различных факторов, в том числе факторами внешней среды (экономическими, социальными, технологическими), а также внутренними усилиями государства и регионов в форме реализуемой государственной политики цифрового развития.

Заметим, что совокупность факторов внешней среды, определяющих особенности протекания цифровизации, характеризуется высоким уровнем социально-экономической, эпидемиологической, политической неопределенности. В частности, к первой могут быть отнесены регулярно возникающие кризисы и рецессии, преимущественно финансово-экономического характера. Проявлением эпидемиологической неопределенности стала пандемия COVID-19 и эффекты от ее воздействия на хозяйственную систему [5; 6]. Истоки политической неопределенности лежат в основе разгорающихся межстрановых военных конфликтов, приводящих к санкционным войнам и мировым рецессиям [12].

Цель исследования состоит в раскрытии специфики процессов цифрового развития в России и ее регионах в условиях нарастания факторов неопределенности, а также в формировании стратегии принятия решений, направленных на повышение устойчивости хозяйственных систем.

Задачи исследования:

- проанализировать факторы неопределенности в современном мире;
- провести исследование воздействия факторов неопределенности на процессы цифрового развития национальной экономики России и ее регионов;
- обосновать вектор реализации стратегии принятия решений, направленных на повышение устойчивости хозяйственных систем национального и регионального уровней.

Методы исследования: анализ теоретических источников, анализ и синтез, систематизации, компаративный анализ, экономический анализ, системный подход.

Результаты

Современный мир полон событий, способных дестабилизировать благополучие социума и устойчивое развитие экономической системы. Реальность показывает, что источниками неопределенности и хаоса могут выступать экономические колебания, вызванные кризисами финансовой природы, ростом социальной напряженности, эпидемиологическими угрозами, ставящими под вопрос само существование человека и его безопасность, а также различными конфликтами политического и военного характера [3–5].

Между тем, процессы, происходящие в обществе, в условиях воздействия факторов неопределенности продолжают развиваться, изменяя характер протекания и интенсивность проявления. В данном контексте речь идет о процессах цифровой трансформации хозяйственной и социальной деятельности на всех уровнях экономической системы. Проанализируем, что изменили факторы неопределенности в протекании цифровизации российского государства и регионов.

[2] Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? *Oxford Martin School Working Paper*, 2013. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/publications/the-future-of-employment/ (accessed 15 Jan 2023).

Первым этапом для исследования выступит допандемический период. В период до 2020 г. по уровню цифровизации Российская Федерация сильно отставала от ведущих стран мира. В 2019 г. доля цифровой экономики в ВВП России составляла около 4 %, что в 1,5–3 раза ниже, чем в США, Китае, странах Европейского союза [13]. Так, в 2019 г. по уровню развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Россия располагалась на 45 месте в мире. Еще один индекс, отражающий уровень цифровизации государства – E-Government Development Index – подтверждает, что России свойственно цифровое отставание: в 2018 г. Россия заняла лишь 32 место в рейтинге[3]. По уровню цифровой конкурентоспособности, оцениваемой с помощью World Digital Competitiveness Index, Россия занимает 40 позицию из 63[4].

Что же стало причиной цифрового отставания России? Следует отметить, что цифровые лидеры – США, Китай и ряд европейских стран – раньше, чем Россия, взяли курс на цифровизацию. США делали шаги в направлении цифрового развития начиная с 1990-х гг., когда в стране запускались первые онлайн-магазины и торговые площадки. Пятерка европейских стран, лидирующих по уровню цифрового развития, – Финляндия, Швеция, Дания, Нидерланды, Ирландия – также начали предпринимать свои первые попытки построения цифрового государства в конце 90-х – начале 2000-х, когда были запущены национальные системы электронной идентификации граждан, а также цифровые системы учета и оплаты налогов с удобным клиентским сервисом. В Китае за 2003–2018 гг. темпы роста цифровой экономики были значительно выше, чем темпы роста ВВП за тот же период, а с 2011 г. разрыв между темпами роста цифровой экономики и ВВП стал стремительно увеличиваться[5].

Российское государство также предпринимало меры цифрового развития в этот период. Например, в 2009 г. был создан портал «Госуслуги»[6], в 2015 г. сформирован реестр отечественного программного обеспечения и установлен запрет на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд[7]. Однако такие меры не носили комплексного характера. Лишь в 2017 г. с принятием Правительством РФ программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[8] цифровизация получила ускорение и приобрела масштабный охват.

В настоящее время Россия входит в топ-10 стран по интенсивности использования цифровых государственных услуг и занимает 25 место по индексу онлайн-сервисов[9]. Однако ряд факторов, таких как неурегулированная цифровая политика (достигнутое низкое кассовое исполнение расходов по программе «Цифровая экономика»[10]), цифровой разрыв между сельскими и городскими районами[11], неравномерность формирования цифровых навыков у населения регионов[12], ограниченный доступ к рынкам капитала[13] и сопротивление изменениям, низкий уровень методического и информационного

[3] Исследование ООН: Электронное правительство 2020. *ООН*. URL: https://nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/eGov2020.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

[4] IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019. *IMD*. URL: https://www.imd.org/research-knowledge/competitiveness/reports/imd-world-digital-competitiveness-ranking-2019/ (accessed 20 Aug 2022).

[5] 中国数字经济发展与就业白皮书 2019年. 中国信息通信研究院. [China's Digital Economic Development and Employment 2019. China Academy of Information and Communications Technology.] URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190417344468720243.pdf (accessed 23 Nov 2022); Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

[6] Порталу Госуслуг 10 лет. *Госуслуги*. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_16_10_years (дата обращения: 23.11.2022).

[7] Об установлении запрета на допуск иностранного программного обеспечения при закупках для государственных и муниципальных нужд. Постановление Правительства РФ № 1236 от 16.11.2015. URL: http://government.ru/docs/20650/ (дата обращения: 23.11.2022).

[8] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

[9] Leaders look to technology to help reinvent their business and compete. *Microsoft*. URL: https://news.microsoft.com/europe/features/leaders-look-to-technology-to-help-reinvent-their-business-and-compete/ (accessed 23 Nov 2022).

[10] Госинвестиции в федеральные ИТ-проекты за год выросли на 60 %. *Hightech.edu.eu*. URL: https://hightech.edu.eu/ru/community-12955/7269940?hello-answer=3668241194 (дата обращения: 25.11.2022).

[11] Несмотря на относительное сокращение цифрового разрыва между городскими и сельскими территориями в период 2014–2018 гг. в России; Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики; НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 269 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

[12] Попов Е. В., Стрельцова Е. А. Цифровые навыки населения в регионах России. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/767680649.pdf (дата обращения: 26.11.2022).

[13] Рукавишникова заявила о недостаточном финансировании программ цифровизации в муниципалитетах. *Рамблер / финансы*. URL: https://finance.rambler.ru/business/46180220/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.11.2022).

обеспечения[14] сдерживают возможности России для достижения цифрового лидерства в ближайшей перспективе.

Например, если проанализировать расходы на цифровизацию в некоторых странах, то можно отметить, что вплоть до 2018 г. в России расходы находились на уровне развивающихся стран (на фоне того, что для России не характерна европейская модель финансирования цифровизации, предполагающая высокую степень участия бизнеса)[15].

Что касается цифровизации в разрезе регионов страны, то здесь очевидна неравномерность регионального развития. В частности, лидирующие позиции в разрезе показателя *доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет*, в 2019 г. занимали только два региона страны – Северо-Западный федеральный округ и Центральный федеральный округ. Максимальное отставание от регионов-лидеров имел Северо-Кавказский федеральный округ (рис. 1[16]).

Другой показатель – *доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет*, – также может быть использован для оценки уровня цифровизации регионов. Так, в 2019 г. его значение колебалось от 88,9 % в Центральном федеральном округе до 74,5 % в Северо-Кавказском федеральном округе (рис. 2[17]).

Основным потребителем цифровых услуг является население. Оно использует возможности, которые новые цифровые технологии открывают обществу. В частности, важным показателем, который характеризует уровень цифрового развития региона, является использование сети Интернет населением для приобретения товаров и услуг. Можно заметить, что в разрезе данного показателя в 2019 г. также выделяются регионы-лидеры (рис. 3[18]).

Аналогичная динамика характерна и для показателя *доля домохозяйств, получающих онлайн-государственные услуги*. Так, в период 2012–2017 гг. отмечался ежегодный прирост численности зарегистрированных пользователей на 78,4 %, а к 2017 г. на портале государственных услуг было зарегистрировано 65 млн человек [14]. Максимальное значение показателя *доля домохозяйств, получающих онлайн-государственные услуги* в 2019 г. было достигнуто в Центральном федеральном округе, минимальное – снова в Северо-Кавказском федеральном округе (рис. 4[19]).

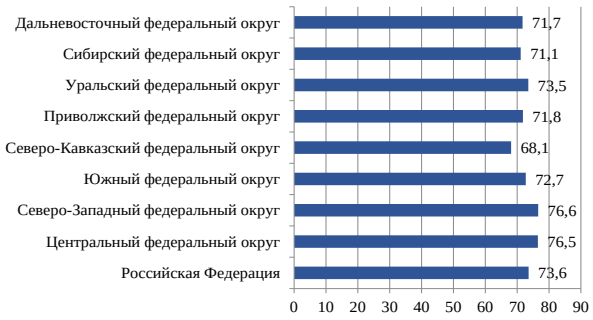


Рис. 1. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, % от общего числа домохозяйств, 2019 г.
Fig. 1. Share of households with broadband Internet access, % in the total number of households, 2019

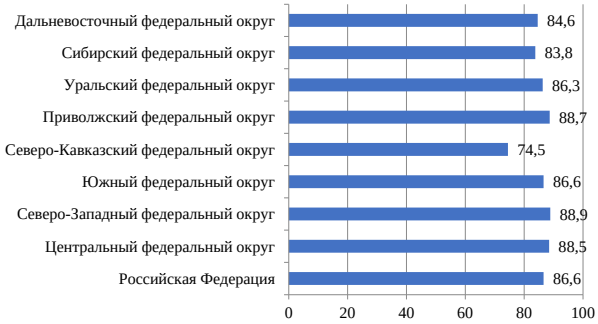


Рис. 2. Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, % от общего числа организаций, 2019 г.
Fig. 2. Share of organizations using broadband Internet access, % in the total number of organizations, 2019

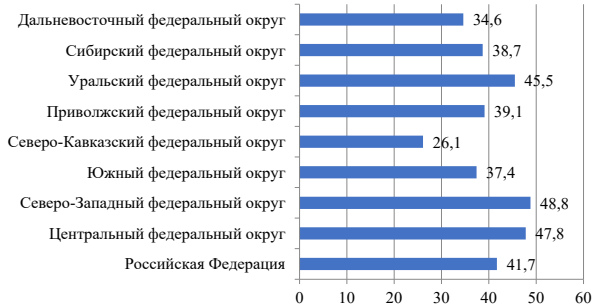


Рис. 3. Использование сети Интернет населением для приобретения товаров и услуг, % от общей численности населения, использующего сеть Интернет, 2019 г.
Fig. 3. Share of population using the Internet for the purchase of goods and services, % in the total region population using the Internet, 2019

[14] Цифровая Россия: новая реальность. *McKinsey*. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx (дата обращения: 20.08.2022).

[15] Там же, рис. 9.

[16] Сост. по: Информационное общество в Российской Федерации... Табл. 2.6.13.

[17] Там же, табл. 2.2.12.

[18] Там же, табл. 1.4.13.

[19] Там же, табл. 1.5.30.

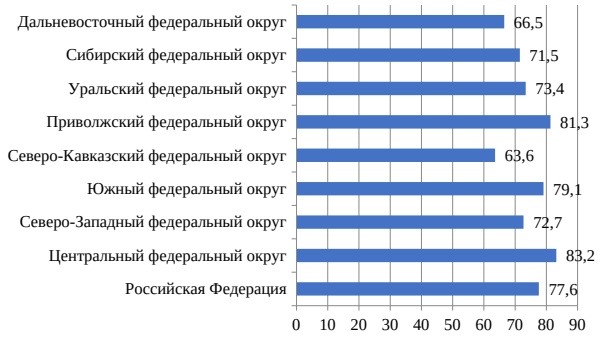


Рис. 4. Доля домохозяйств, получающих онлайн-государственные услуги, % от общей численности населения, получающего государственные и муниципальные услуги, 2019 г.
Fig. 4. Share of households receiving public services online, % in the total population receiving state and municipal services, 2019

Таким образом, в период до пандемии регионам России была характерна неравномерность цифрового развития, несмотря на то что в целом наблюдалась позитивная динамика роста всех показателей цифровизации. В частности, на это указывают И. В. Писарев и др. [11]. При этом в период, последовавший за финансовым кризисом 2008–2009 гг., население России значительно расширило использование цифровых технологий. Например, доля ежедневных пользователей Интернета среди взрослого населения страны в период 2010–2019 гг. выросла в 3 раза[20]. Следует отметить, что население России в этот период стало чаще прибегать к получению государственных и муниципальных услуг в онлайн-формате (так, в 2014 г. только 10,6 % населения использовало такую возможность); приобретению товаров и услуг с помощью сети Интернет (в 2014 г. такая модель потребления была характерна лишь для 17,7 % населения); совершению банковских транзакций в онлайн-режиме (рост населения, использующих данный вид услуг с 3,3 % в 2014 г. до 42,7 % в 2019 г.)[21]. Отметим прогрессивную динамику роста объема безналичных платежей: если в 2017 г. объем денежных переводов физических лиц в России составлял 23,2 трлн руб., то в 2019 г. он достиг 42,3 трлн руб., т. е. вырос в 1,9 раза. Еще больший прирост продемонстрировала сфера операций с применением бесконтактных технологий. Еще в 2017 г. объем операций с применением бесконтактных технологий составлял 1598 млрд руб., а в 2019 г. он уже достиг 13448 млрд руб. (рост в 8,4 раза)[22]. В 2010–2019 гг. планомерно увеличивались затраты организаций на цифровые технологии (в среднем на 17,3 % ежегодно).

Неопределенность, вызванная пандемией COVID-19, привела к снижению деловой активности, изменению структуры потребительского спроса, сокращению рынка труда, разрыву устоявшихся торговых связей и ограничениям логистики.

Каким образом неопределенность глобальной среды, вызванная пандемией COVID-19, повлияла на страны и регионы? Рассмотрим, что произошло в части развития цифровой инфраструктуры российских регионов. В 2020 г. в России произошло расширение широкополосного доступа к сети Интернет на 4,6 % относительно 2019 г. Региональная специфика представлена на рисунке 5[23]. Среди регионов страны максимальный прирост достигнут в Уральском федеральном округе (рост на 6,5 % относительно уровня 2019 г.). Расширение цифровой инфраструктуры стало необходимым условием продолжения коммуникаций, включенности в рабочие в процессы и осуществление образовательного процесса в период самоизоляции. Это стало своеобразным спасательным кругом для населения, возможностью реализации потребности людей в поддержании нормальных процессов жизнедеятельности.

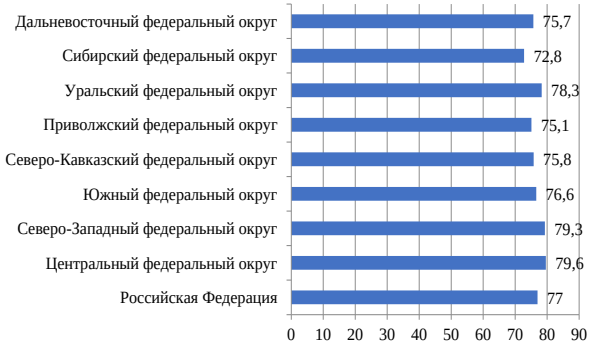


Рис. 5. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, % в общем числе домашних хозяйств, 2020 г.
Fig. 5. Share of households with broadband Internet access, % in the total number of households, 2020

[20] Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 361 с.

[21] Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Зинина Т. С., Ковалева Г. Г., Полякова В. В., Приворотская С. Г., Рудник П. Б., Суслов А. Б., Фурсов К. С. Тренды цифровизации – постпандемия. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/457149496.pdf (дата обращения: 14.08.2022).

[22] Результаты наблюдения в национальной платежной системе за 2020 год. *Центральный Банк России*. URL: https://cbr.ru/content/document/file/124727/results_2020.pdf (дата обращения: 11.08.2022).

[23] Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 14.08.2022). Табл. 2.6.13.

Вместе с тем приостановка производственной деятельности большинства предприятий и перевод сотрудников на удаленную работу сформировали предпосылки для снижения показателей использования сети Интернет предприятиями. В 2020 г. в России величина данного показателя снизилась на 15,6 % относительно аналогичного периода 2019 г. Если рассмотреть региональную динамику, то можно выделить регионы с максимальным сокращением данного показателя – Южный федеральный округ (21,1 %) и Приволжский федеральный округ (17,5 %)[24].

Что касается использования сети Интернет населением, то здесь следует отметить стремительный рост числа сервисов электронной коммерции по приобретению товаров и услуг онлайн (в целом по России рост в 2020 г. составил 10,8 %) [6]. В режиме самоизоляции население начало осваивать сервисы интернет-торговли, активно изучая характеристики предлагаемых товаров и услуг, отслеживая потребительские отзывы и делая осознанный выбор приобретаемых товаров и услуг [5].

Использование сети Интернет населением для приобретения товаров и услуг по регионам России представлено на рисунке 6[25]. Лидером по росту показателя является Северо-Кавказский федеральный округ (увеличение в 1,6 раза). Кроме того, режим самоизоляции способствовал развитию удаленных сервисов государственных услуг. В частности, на 4,5 % увеличилась доля домохозяйств, получающих государственные услуги онлайн. Такая динамика характерна для всех регионов, кроме Приволжского федерального округа, где показатель сократился на 2 % относительно аналогичного периода 2019 г.

Еще одной сферой цифровой экономики, где в период пандемии произошли сильные изменения, является рынок финансовых электронных услуг. В 2020 г. объем денежных переводов физических лиц внутри страны достиг отметки в 53,8 трлн руб., на 27,2 % больше, чем в 2019 г. В 1,7 раза относительно 2019 г. выросло количество банковских операций с использованием бесконтактных технологий – в период пандемии их стоимостное значение достигло отметки 22,7 трлн руб.[26]

Таким образом, неопределенность запустила новые социально-экономические трансформации, в частности ускорение процессов цифровизации, сопутствующие изменения в характере занятости, сдвиги в структуре общественного производства.

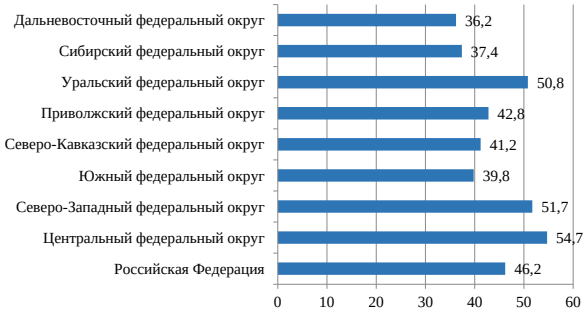


Рис. 6. Использование сети Интернет населением для приобретения товаров и услуг, % от общей численности населения, 2020 г.
Fig. 6. Share of population using the Internet for the purchase of goods and services, %in the total population, 2020

Вызовом современности, повысившим уровень неопределенности и хаоса для стран и регионов, стала геополитическая нестабильность, разразившаяся в феврале 2022 г. С началом спецоперации российской армии на Украине геополитическая нестабильность усугубилась, началось перераспределение глобального лидерства. Запустились социально-экономические и геополитические изменения, касающиеся процессов организации производства, переформатирования международного взаимодействия, трансформации бизнес-процессов и моделей управления [3]. Развитые страны во главе с США и странами ЕС приступили к реализации агрессивной политики санкционных ограничений в отношении российской внешней торговли. Введение торгового эмбарго приведет к недополучению российскими регионами доходов, остановке деятельности системообразующих предприятий, особенно с иностранным участием, а также ухудшению ситуации в трудовой сфере. Последнее негативно повлияет на социальную сферу – при увеличении безработицы из-за санкций или ухода иностранных предприятий будет расти и социальная напряженность.

Как данный конфликт сказался на цифровизации России и ее регионов? В условиях геополитической напряженности в 2022 г. регионы РФ запланировали рост расходов на ИКТ на 19 %. Лидерами по фактическим расходам в этой области по-прежнему являются регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов: Москва (в 2021 г. расходы на ИКТ составили 76,3 млрд руб.), Санкт-Петербург (21,6 млрд руб.), Московская область (6,9 млрд руб.). Ключевыми направлениями расходования средств

[24] Информационное общество в Российской Федерации...

[25] Статистические таблицы. *Федеральная служба государственной статистики РФ*. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/Статистические%20таблицы%202020%20г..html (дата обращения: 11.08.2022). Табл. 4.3b.

[26] Тренды денежных переводов в России. *Frank RG*. URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2021/04/6282f38f0ee6.pdf (дата обращения: 11.08.2022).

являются: развитие онлайн-сервисов на порталах государственных услуг; совершенствование цифровой платформы здравоохранения; поддержка цифровых решений, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции; поддержка и развитие ИТ-инфраструктуры, в том числе подключение к Интернету социально значимых объектов и обеспечение цифровой трансформации городов[27].

В условиях геополитической нестабильности расходы на цифровизацию должны быть направлены прежде всего на совершенствование цифровой образовательной среды; формирование необходимой информационно-технологической и телекоммуникационной инфраструктуры для организации защищенного межведомственного электронного взаимодействия; модернизацию электронных услуг путем внедрения инклюзивных решений, которые сделают получение муниципальных и региональных услуг и сервисов доступным для лиц с ограниченными возможностями[28].

Особая статья расходов должна быть связана с обеспечением кибербезопасности всех информационных систем регионов. Это связно с тем, что по мере внедрения цифровых технологий возрастают общественные риски и опасения людей относительно сохранности персональных данных, а также цифровой неприкосновенности частной жизни. Поэтому для решения проблемы кибербезопасности требуется формирование рынка данных на основе технологий искусственного интеллекта, включая расширение объемов открытых данных, вовлечение в оборот государственных данных, создание необходимой инфраструктуры, формирование соответствующей нормативно-правовой базы[29].

Развитие геополитического конфликта в связи с ситуацией на Украине привело к тому, что в 2022 г. странами Запада и США были введены новые ограничительные меры в отношении российской экономики. Среди отраслей, которые в первую очередь нуждаются в налаживании импортозамещения, особое место занимает электронная промышленность (производство отечественного программного и аппаратного обеспечения), где доля импорта составляет более 60 %[30]. Для этой цели уже разработан пакет законопроектов по защите бизнеса и населения в условиях санкций, который требует дальнейшего совершенствования. В частности, установлен приоритет российского программного обеспечения, входящего в специальный реестр, при госзакупках; введен мораторий на плановые проверки аккредитованных IT-организаций до конца 2024 г.; реализован комплекс мер государственной поддержки предпринимательских структур в форме льготных кредитов и кредитных каникул, лимита комиссии за эквайринг и т. д.[31]

Дальнейшие усилия государства в данном направлении должны быть сосредоточены на мерах поддержки российской отрасли информационных технологий за счет расширения налоговых стимулов и обеспечения доступа российских компаний к рынкам.

Заключение

В проведенном исследовании к факторам неопределенности отнесены факторы финансово-экономического и эпидемиологического характера, а также геополитической нестабильности. Авторы исследования проанализировали влияние этих факторов на процесс цифровизации в России и регионах.

Выявлено, что несмотря на позитивную динамику роста всех показателей цифровизации в период, предшествовавший пандемии COVID-19, для регионов России была характерна неравномерность цифрового развития. Неопределенность, вызванная пандемией COVID-19, привела к интенсификации цифрового развития, а также запустила новые социально-экономические трансформации. Геополитическая напряженность спровоцировала увеличение расходов на цифровизацию в российских регионах.

Авторы обозначили вектор государственной политики в области цифровизации. Предлагаемые авторами шаги направлены на преодоление негативного воздействия геополитической неопределенности на хозяйственные системы российских регионов на современном этапе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

[27] Рудычева Н. Российские регионы запланировали существенный рост ИКТ-расходов в 2022 г. *Cnews*. URL: https://www.cnews.ru/articles/2022-03-09_ikt-rashody_regionov_v_2022_godu_vyrastut (дата обращения: 11.08.2022).

[28] Там же.

[29] Тренды цифровизации – постпандемия...

[30] Музыкантов С. Импортозамещение в России в 2022 году. *Лайтбокс*. URL: https://kassa.mts.ru/blog/for-business/importozameshchenie-v-rossii-v-2022-godu/ (дата обращения: 20.07.2022).

[31] Там же.

Критерии авторства: Б. О. Хашир – концептуализация, руководство. И. Н. Швецова – сбор и обработка данных, формальный анализ. А. Ю. Усанов – обработка данных, анализ, создание визуализации. С. В. Пономарев – написание разделов «Результаты» и «Заключение», редактирование статьи.

Contribution: B. O. Khashir created the research concept, managed the project. I. N. Shvetsova collected and processed data, performed formal analysis. A. Yu. Usanov processed and analyzed data, created visualization. S. V. Ponomarev wrote sections Results and Conclusion and edited the article.

Литература / References

1. *A decade after the global recession: lessons and challenges for emerging and developing economics*, eds. Kose M. A., Ohnsorge F. International Bank for Reconstruction and Development, 2019, 398.
2. Yussuf A., Okunkova E., Ioda J., Tleptserukov M., Butova L. Assessment of the risks of transition from a global pandemic crisis to a model of long-term economic growth. *Sustainable Development Risks and Risk Management – A Systemic View from the Positions of Economics and Law*, ed. Popkova E. Springer Cham, 2023, 645.
3. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Бакалова Т. В. Инструменты укрепления экономической безопасности государства в период социально-экономической и геополитической нестабильности. *Друкеровский вестник*. 2022. № 5. С. 24–34. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Bakalova T. V. Tools for strengthening the economic security of the state in the period of socio-economic and geopolitical instability. *Drukerovskij vestnik*, 2022, (5): 24–34. (In Russ.)] https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-5-24-34
4. Shurchkova Yu. V., Zinovyeva I. S., Polujanova N. V., Galitskaya Yu. N., Berlizev R. N. Tools for overcoming the crisis phenomena of the pandemic in the socio-economic development of the countries. *Geoeconomy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*. Springer, 2022, 175–187. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_20
5. Плотников В. А. Пандемия Covid-19, потребительский рынок и цифровизация. *Экономическое возрождение России*. 2021. № 3. С. 92–104. [Plotnikov V. A. Covid-19 pandemic, consumer market and digitalization. *Economic Revival of Russia*, 2021, (3): 92–104. (In Russ.)] https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-92-104
6. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: intensification of development during the pandemic. *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, 2022, vol. 368, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
7. Karpunin K. D., Ioda J. V., Ternavshchenko K. O., Aksenova Zh. A., Maglinova T. G. The "invisible hand" of digitalization: the challenges of the pandemic. *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Springer, Cham, 2022, vol. 368, 162–173. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_19
8. Karpunina E. K., Yurina E. A., Andryiashka M. V., Konovalova M. E., Kosorukova O. D. The social construct of value and its significance in the development of "the productivity paradox of the new digital economy". *Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control*. Springer, Cham, 2021, vol. 314, 993–1002.
9. Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М., Дранев Ю. Я., Зинина Т. С., Ковалева Г. Г., Лавриненко А. С., Мильшина Ю. В., Назаренко А. А., Рудник П. Б., Соколов А. В., Суслов А. Б., Токарева М. С., Туровец Ю. В., Филатова Д. А., Черногорцева С. В., Шматко Н. А., Гершман М. А., Кузнецова Т. Е., Кучин И. И. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. *Проблемы развития экономики и общества*: докл. к XX Апрельской Междунар. науч. конф. (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) М.: НИУ ВШЭ, 2019. 82 с. [Abdrakhmanova G. I., Vishnevskii K. O., Gokhberg L. M., Dranev Yu. Ya., Zinina T. S., Kovaleva G. G., Lavrinenko A. S., Milshina Yu. V., Nazarenko A. A., Rudnik P. B., Sokolov A. V., Suslov A. B., Tokareva M. S., Turovets Yu. V., Filatova D. A., Chernogortseva S. V., Shmatko N. A., Gershman M. A., Kuznetsova T. E., Kuchin I. I. Digital economy. Trends, competencies, measurement. *Problems of Economic and Social development*: Proc. April XX Intern. Sci. Conf., Moscow, 9–12 Apr 2019. Moscow: NRU HSE, 2019, 82. (In Russ.)] https://elibrary.ru/dobqrf
10. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A., Ponomarev S. V., Borshchevskaya E. P. Digital inequality and forms of its appearance: a comparative analysis in the OECD and BRICS countries. *Innovation Management and information Technology impact on Global Economy in the Era of Pandemic*: Proc. 37th Intern. Business Information Management Association Conf., Cordoba, 30–31 May 2021. IBIMA Publishing, 1028–1040. https://elibrary.ru/kejumr

11. Писарев И. В., Бывшев В. И., Пантелеева И. А., Парфентьева К. В. Исследование готовности регионов России к цифровой трансформации. *π-Economy*. 2022. Т. 15. № 2. С. 22–37. [Pisarev I. V., Byvshev V. I., Panteleeva I. A., Parfenteva K. V. Study on readiness of Russian regions for digital transformation. *π-Economy*, 2022, 15(2): 22–37. (In Russ.)] https://doi.org/10.18721/JE.15202
12. Комлева Н. А. Геополитические последствия пандемии COVID-19. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*: III Междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». (Москва, 14–15 октября 2020 г.) М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 98–100. [Komleva N. A. Geopolitical consequences of the COVID-19 pandemic. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*: Proc. 3rd Intern. Sci.-Prac. Conf. "Greater Eurasia: national and civilizational aspects of development and cooperation", Moscow, 14–15 Oct 2020. Moscow: INION RAN, 2020, 98–100. (In Russ.)] https://elibrary.ru/cdtxnt
13. Ушакова Ю. О., Усков В. С. Идентификация направлений развития цифровой экономики в России. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки*. 2019. № 3. С. 70–88. [Ushakova Yu. O., Uskov V. S. Identification of directions of digital economy development in Russia. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaia Grigorevicha Stoletovykh. Seriia: Ekonomicheskie nauki*, 2019, (3): 70–88. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/cwubze
14. Долгих Е. А., Паршинцева Л. С. Статистическое изучение использования сети Интернет населением в Российской Федерации. *Вестник университета*. 2019. № 1. С. 108–112. [Dolgikh E. A., Parshintseva L. S. A statistical study of the use of the Internet by the population in the Russian Federation. *Vestnik Universiteta*, 2019, (1): 108–112. (In Russ.)] https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-108-112

© 2023. Труфанова А. А., Калачева И. В., Тихонова А. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Основные тенденции развития рынка портфельных инвестиций частных инвесторов в Российской Федерации

Труфанова Анастасия Андреевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
trufanovana@yandex.ru

Калачева Ирина Владимировна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-6530-473X

Тихонова Алина Владимировна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила 04.11.2022. Принята после рецензирования 08.12.2022. Принята в печать 19.01.2023.

Аннотация: Высокий уровень политической и экономической нестабильности влияет на возможность населения откладывать и инвестировать свои средства, а также частично определяет цели, к которым они стремятся. Авторы исследуют специфику и основные аспекты современного инвестирования. Цель – определить тенденции развития рынка портфельных инвестиций в Российской Федерации для формирования модели поведения частного инвестора в современных экономических условиях и дальнейшего применения полученных знаний брокерскими компаниями. Изучено развитие рынка портфельных инвестиций в России за 2019–2021 гг., определены основные причины увеличения интереса к инвестированию со стороны населения, выявлены некоторые тенденции рынка портфельных инвестиций. С помощью кабинетных исследований и сравнительного анализа изучена динамика количества клиентов, находящихся на брокерском обслуживании, и количество счетов в доверительном управлении. Рассмотрена динамика и причины изменений количества индивидуальных инвестиционных счетов частных инвесторов и их структура. Изучены объемы биржевых операций, совершенных профессиональными участниками на различных рынках, определено влияние паники и отдельных периодов волатильности на поведение инвесторов. Показано, что существенную роль в массовом выходе частных инвесторов на фондовый рынок играет маркетинговая составляющая деятельности брокеров при привлечении новых клиентов.

Ключевые слова: инвестиции, фондовый рынок, брокерский счет, индивидуальный инвестиционный счет, биржевые операции, ценные бумаги

Цитирование: Труфанова А. А., Калачева И. В., Тихонова А. В. Основные тенденции развития рынка портфельных инвестиций частных инвесторов в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 259–266. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-259-266

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Development Trends of Private Investors' Portfolio Investment Market in the Russian Federation

Anastasia A. Trufanova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
trufanovana@yandex.ru

Irina V. Kalacheva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-6530-473X

Alina V. Tikhonova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 4 Nov 2022. Accepted after peer review 8 Dec 2022. Accepted for publication 19 Jan 2023.

Abstract: Political and economic uncertainty affects the population's capability to save and invest funds, partially determines their goals. The authors explore different aspects of modern investment. The purpose is to determine the trends of the portfolio investment market development in the Russian Federation to form a behavior model of a private investor in modern economic conditions. The researchers studied the portfolio investment market development in 2019–2021, identified the main reasons for the increased popularity of investment, examined some trends in the portfolio investment market, and studied the dynamics of the brokerage services clients' number and

the number of trust management accounts. The dynamics and causes of changes in the private investors' individual investment accounts number and their structure are considered. The volume of exchange transactions carried out by professional participants in various markets has been studied, the impact of panic and certain periods of volatility on investor behavior has been determined. Research shows that the mass entry of private investors into the stock market is influenced by the marketing component of brokers' activities in attracting new clients.
Keywords: investments, stock exchange, brokerage account, individual investment account, exchange business, securities

Citation: Trufanova A. A., Kalacheva I. V., Tikhonova A. V. Development Trends of Private Investors' Portfolio Investment Market in the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(1): 259–266. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-259-266

Введение

С повышением уровня финансовой грамотности и развитием экономики страны, развивается и фондовый рынок. Все более популярными становятся портфельные инвестиции, которые позволяют получать прибыль за счет процентных купонных выплат по облигациям или дивидендов по акциям различных компаний, при этом инвестор не ставит своей задачей управление предприятием или проектом.

Портфельное инвестирование можно разделить на инвестирование с пассивным и активным управлением. Главный принцип при инвестировании с пассивным управлением – «купи и держи»[1]. Особое место отводится формированию широко диверсифицируемого портфеля. Если рыночные изменения приводят к несоответствию портфеля инвестиционным целям владельца, его структура корректируется до необходимого баланса активов. Для своевременного изменения структуры портфеля с учетом текущей рыночной ситуации осуществляется мониторинг фондового рынка [1].

В основе портфельного инвестирования с активным управлением лежит постоянное переструктурирование активов портфеля в пользу наиболее доходных инструментов. Для этого требуется не только проводить аналитику получаемой информации, но и использовать определенные технологии для обработки информации с рынка в режиме реального времени. Это самый затратный вид инвестирования из-за необходимых технических средств, времени и комиссионных, взимаемых брокерами. Поэтому данную стратегию обычно используют крупные инвестиционные компании и профессионалы, располагающие финансовыми и техническими ресурсами, а также специальными аналитическими командами [2].

Помимо этого, далеко не все частные инвесторы способны верно анализировать и выбирать компании и инструменты для своего портфеля. В таком случае они могут передать портфель в доверительное управление за определенную комиссию [3].

Согласно статистике Центрального банка Российской Федерации (ЦБР), в 2019–2021 гг. увеличилось число лиц, находящихся на брокерском обслуживании. Приход на рынок большого количества инвесторов, несомненно, позитивен для брокерских компаний, однако встают вопросы: Что предложить новым клиентам? Какие инструменты их интересуют? Какие цели они преследуют при инвестировании? Какие стратегии доверительного управления им предложить и как привлечь еще больше клиентов?

В связи с этим цель исследования – определить тенденции развития рынка портфельных инвестиций в Российской Федерации для формирования модели поведения частного инвестора в современных экономических условиях и дальнейшего применения полученных знаний брокерскими компаниями.

Результаты

В 2019–2021 гг. на фондовом рынке наблюдался массовый приток инвесторов – физических лиц [4]. По данным ЦБР, число лиц, находящихся на брокерском обслуживании, увеличилось более чем в 9 раз, в доверительном управлении – более чем в 5 раз (табл. 1[2]).

В 2019 г. наблюдался двукратный прирост числа клиентов на брокерском обслуживании и в доверительном управлении. Этому способствовало снижение ставок по депозитам, бурный рост рынка акций и облигаций, а также развитие новых инвестиционных продуктов, предлагаемых брокерами.

[1] Srivastav A. K., Vaidya D. Buy and Hold Strategy. *Wall Street Mojo*. URL: https://www.wallstreetmojo.com/buy-and-hold-strategy/ (accessed 21 Sep 2022).

[2] Сост. по: Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/ (дата обращения: 31.09.2022).

Табл. 1. Динамика численности клиентов брокерского обслуживания и доверительного управления, 2018–2021 гг., тыс. человек
Tab. 1. Brokerage services and discretionary investment management customer number dynamics, 2018–2021, thousand people

Клиенты	2018	2019	Темп роста, % (2019 / 2018)	2020	Темп роста, % (2020 / 2019)	2021	Темп роста, % (2021 / 2020)
Всего	2372	4641	196	10462	225	21043	201
Брокерского обслуживания	2220	4300	194	9900	230	20200	204
Доверительного управления	152	341	224	562	165	843	150

Определенную роль в этом процессе также сыграла политика банков, которые активно предлагали своим клиентам корпоративные, инвестиционные и структурные облигации в качестве альтернативы вкладам без необходимости принимать активные инвестиционные решения[3].

Для 2020 г. были характерны отдельные периоды повышенной волатильности на финансовых рынках всего мира, вызванные вспышкой ранее неизвестного типа коронавируса, что существенно обвалило мировые фондовые биржи, сделав покупку акций более выгодной для новых инвесторов за счет уменьшения их стоимости. Число клиентов со счетами на брокерском обслуживании в 2020 г. выросло еще в 2,3 раза, а в сегменте доверительного управления рост составил почти 165 % (против 224 % в 2019 г.). Темп роста количества клиентов был максимальным. Причинами этого стало снижение доходности вкладов до минимальных исторических уровней, возможность быстро открыть счет с помощью мобильного приложения, не посещая офис, и повышение заинтересованности физических лиц к инвестициям.

В 2021 г. темп увеличения числа клиентов на брокерском обслуживании уменьшился. В основном рост происходил за счет привлечения лиц с невысоким уровнем дохода при помощи рекламы, подарочных акций за открытие брокерского счета и приглашение друзей, других маркетинговых инструментов, а также готовых продуктов, не требовавших от клиентов самостоятельно выбирать отдельные инструменты. Рост начал замедляться с увеличением числа людей, открывших брокерские счета, поскольку доля еще не задействованного экономически активного населения стала снижаться, а средняя стоимость привлечения каждого нового клиента возрастала[4].

В 2021 г. рост клиентской базы доверительного управления преимущественно также происходил благодаря использованию маркетинговых акций. Повышение ключевой ставки и, как следствие, ставок по депозитам для физических лиц, а также низкая фактическая доходность крупных стратегий в доверительном управлении не способствовали развитию его продуктов [5]. Это привело к тому, что отдельные управляющие компании стали осваивать новые ниши, взаимодействовать с новой аудиторией и привлекать клиентов с невысоким уровнем финансовых вложений (менее 1000 руб.), активно предлагая таким клиентам начисление бонусов и кэшбек за инвестирование [6].

ЦБР выделил некоторые факторы, способствующие популяризации доверительного управления и пассивных стратегий инвестирования у неквалифицированных инвесторов как менее рискованных форм выхода на рынок капитала: консультирование граждан со стороны профессиональных участников и финансовых организаций, улучшение качества информирования клиентов, формирование базовых знаний об инвестировании и за счет этого достижение роста финансовой и инвестиционной грамотности населения.

Темпы роста числа клиентов в доверительном управлении и на брокерском обслуживании были положительными, т. е. количество клиентов увеличивалось. Однако темпы роста количества клиентов в доверительном управлении на протяжении всего периода замедлялись [7].

В условиях снижения уровня инфляции в 2019 г.[5] у населения сформировалось больше свободных средств. При снижении ключевой ставки и поиске более выгодной альтернативы банковскому вкладу население стало проявлять интерес к инвестированию и открывать брокерские счета.

[3] Российский рынок розничных инвестиций: оседлать кризис. *Эксперт РА*. URL: https://www.raexpert.ru/researches/ua/invest_2022/ (дата обращения: 25.09.2022).

[4] Табах А., Подругина А. Конец эпохи низких ставок: вернутся ли инвесторы в депозиты. *Эксперт РА*. URL: https://www.raexpert.ru/researches/individual_investors_2021/ (дата обращения: 26.09.2022).

[5] Ключевая ставка Банка России и инфляция. *Банк России*. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 29.09.2022).

Можно утверждать, что рост интереса к инвестированию и увеличение количества брокерских счетов в основном обусловлены желанием сохранить деньги и обеспечить более высокую доходность своим вложениям по сравнению со вкладами. Увеличение свободных средств для инвестирования и повышение уровня финансовой грамотности клиентов играет второстепенную роль [8].

В дальнейшем рост клиентов подкреплялся акциями брокеров, в рамках которых новые клиенты получали денежные подарки, бонусы и др. Подобные маркетинговые предложения были актуальны при растущей инфляции и увеличивающейся потребности населения в деньгах, а также росте курса доллара в период пандемии.

Можно предположить, что в условиях повышенных ставок и инфляции в РФ темпы роста открытия новых счетов снизятся. Также к этому может привести снижение маркетинговой активности по привлечению новых клиентов из-за снижения доли потенциальных инвесторов и увеличения издержек на их привлечение, поскольку акционные предложения актуальны только для новых клиентов, стоимость каждого нового клиента растет, а сумма подарка за оформление снижается и становится менее привлекательной [9; 10].

При активном развитии и увеличении числа как брокерских счетов, так и счетов доверительного управления также наблюдался и рост количества открытых индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС). По состоянию на 31 декабря 2021 г. их количество возросло почти в 8 раз, до 4,75 млн, из которых 4,24 млн – на брокерских счетах, 514 тыс. – в доверительном управлении (табл. 2[6]).

В 2019 г. число ИИС выросло на 167 %, объем активов на ИИС за год удвоился (табл. 2, рис. 1). В 2020 г. популярность ИИС сохранялась, однако количество счетов росло не так быстро. В 2021 г. по сравнению с показателем предыдущих лет, темп увеличения объема активов на ИИС замедлился, но оказался выше темпа роста количества самих счетов [11].

Таким образом, значение ИИС как драйвера роста брокерского обслуживания снижалось, как и темпы роста количества новых счетов ИИС.

Табл. 2. Динамика числа и объема активов ИИС на брокерском обслуживании и в доверительном управлении, 2018–2021 гг.
Tab. 2. Dynamics of the individual investment account number and assets volume in brokerage services and discretionary investment management, 2018–2021

Показатели	2018	2019	Темп роста, % (2019 / 2018)	2020	Темп роста, % (2020 / 2019)	2021	Темп роста, % (2021 / 2020)
Объем активов, млрд руб.	99,0	197,3	199,0	375,6	190,0	551,0	147,0
Число ИИС, тыс.	599,0	1600,0	267,0	3500,0	219,0	4754,0	136,0
ИИС на брокерском обслуживании, тыс.	517,0	1400,0	271,0	3100,0	221,0	4240,0	137,0
ИИС в доверительном управлении, тыс.	82,0	200,0	244,0	400,0	200,0	514,0	129,0

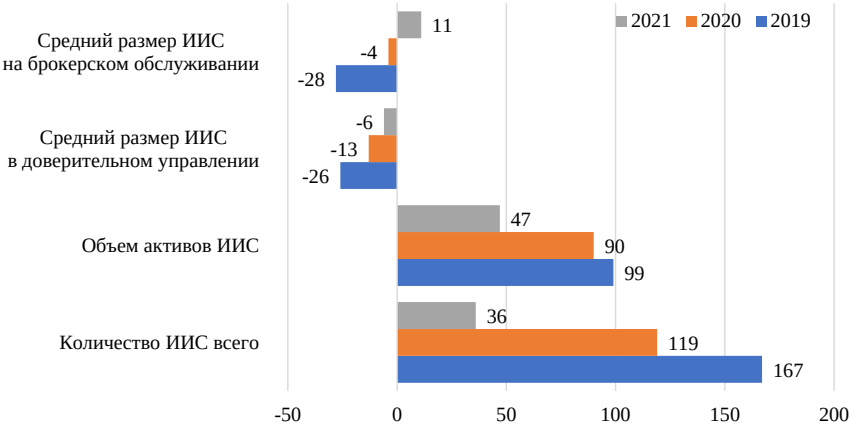


Рис. 1. Темпы прироста количества и объема активов ИИС, 2019–2021 гг., %
Fig. 1. Individual investment account number and assets volume growth rates, 2019–2021, %

[6] Сост. по: Обзор ключевых показателей...

Массовое привлечение новых клиентов повлияло на средний размер счета клиентов ИИС, т. к. темпы роста количества счетов ИИС, как правило, превышали темпы роста активов. Лишь в 2021 г. ситуация изменилась[7]. Так, в 2019 г. в рамках брокерского обслуживания средний размер ИИС снизился на 35 тыс. руб. (с 127 до 92 тыс. руб.). В доверительном управлении средний размер ИИС уменьшился на 108 тыс. рублей (с 409 до 301 тыс. руб.). Тенденция сохранилась и в 2020 г. Так, средний размер ИИС на брокерском обслуживании снизился еще на 4 тыс. руб. (до 88 тыс. руб.), а на доверительном управлении – на 38 тыс. руб. (до 263 тыс. руб.) [12].

Только в 2021 г. средний размер ИИС на брокерском обслуживании вырос, несмотря на то что значительную часть составляли пустые (пробные) счета. За год рост составил 10 тыс. руб., средний размер ИИС достиг 98 тыс. руб. Средний размер ИИС в рамках доверительного управления снизился до 248 тыс. руб.[8]

В период 2018–2021 гг. наблюдалось постепенное уменьшение доли государственных облигаций в структуре ИИС (в рамках брокерского обслуживания и доверительного управления) – их доля уменьшилась с 21 % до 5 %[9] [13].

Наблюдались периоды увеличения интереса инвесторов к корпоративным облигациям, прежде всего банковским, отдельных компаний. После понижения ключевой ставки Банка России возрос интерес к облигациям резидентов, снизившийся при повышении ставки в 2021 г.

Доля паев, exchange-traded funds (ETF) и российских акций менялась в пределах 3–4 %. Доля российских акций в портфеле инвесторов увеличилась до 25 % к концу 2021 г. Доля иностранных акций в целом за период увеличилась с 1 до 9 %. Доля денежных средств на счетах инвесторов периодически увеличивалась к концу каждого года (в IV квартале), когда инвесторы фиксировали прибыли и убытки.

Для того, чтобы понять, как изменилась структура активов ИИС, на основании данных ЦБР были рассчитаны средние доли, приходящиеся на активы в течение каждого года[10] (рис. 2). При переходе ЦБР к стимулирующей монетарной политике снижение ключевой ставки повлияло на доходность

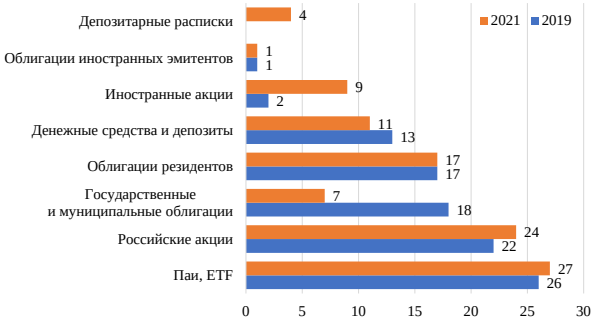


Рис. 2. Структура активов ИИС, 2019 и 2021 гг., %
Fig. 2. Individual investment account's assets structure, 2019 and 2021, %

по вкладам и классическим облигациям. Отрицательная переоценка облигаций привела к тому, что внимание частных инвесторов сместилось в сторону более доходных и рискованных инструментов. Вместо облигаций федерального займа инвесторы стали отдавать предпочтение облигациям резидентов и долевым инструментам, например акциям иностранных эмитентов. Часть инвесторов не упустила возможность получить прибыль на краткосрочных колебаниях благодаря акциям российских эмитентов. В целом, такая реструктуризация и уход инвесторов от гособлигаций можно рассматривать как признак доверия к фондовому рынку в целом и инструменту ИИС в частности [14].

Массовый выход частных инвесторов на рынок также привел к росту объемов биржевых операций, совершенных профучастниками (рис. 3[11]) [15]. Совокупный объем биржевых операций, совершенных профучастниками, увеличился до 1625 трлн руб. (прирост в 19 %).

Благодаря росту числа частных инвесторов и увеличению доступных инструментов для торговли на Московской и Санкт-Петербургской биржах, увеличился и объем торгов. Так, на конец 2020 г. объем торгов на фондовом рынке вырос на 59 %.

В 2021 г. объем торгов профучастников достиг новых рекордных значений. Совокупный объем биржевых операций, совершенных профучастниками за год, увеличился на 6 % (против прироста на 19 % в 2020 г.). Произошло замедление темпов роста

[7] Конец эпохи низких ставок…

[8] Коваленко Д., Янин А. Доверительное управление средствами физлиц в 2020 году: премиальный сегмент двигает рынок. *Эксперт РА*. URL: https://www.raexpert.ru/researches/ua/du_2020a/ (дата обращения: 25.09.2022).

[9] Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. *Банк России*. 2020. № 4. С. 14. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32068/review_secur_20.pdf; Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. *Банк России*. IV квартал 2021. 2021. № 4. С. 14. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40858/review_secur_21.pdf (дата обращения: 24.09.2022).

[10] Российский рынок корпоративных облигаций: преодолеть нестабильность. *Эксперт РА*. URL: https://www.raexpert.ru/researches/ua/bond2021/ (дата обращения: 24.09.2022).

[11] Составлено по: Обзор ключевых показателей.

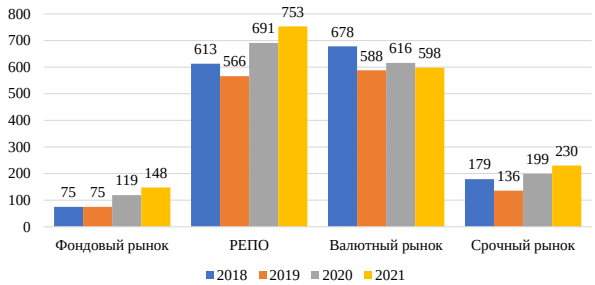


Рис. 3. Совокупный объем биржевых операций покупки и продажи, совершенных профучастниками, 2018–2021 гг., трлн руб.
Fig. 3. Total volume of stock exchange purchases and sales made by professional participants, 2018–2021, trillion rubles

объема биржевых операций на всех сегментах, а объем биржевых операций на валютном рынке уменьшился на 3 %. В конце 2021 г. частные инвесторы действовали контрциклично – в периоды высокой волатильности и ослабления рубля покупали акции российских эмитентов, из активов которых выходили нерезиденты, и в то же время продавали валюту, стабилизируя рынок своими действиями [16]. Рассматривая темпы роста объема биржевых операций (рис. 4), необходимо учитывать влияние пандемии [17].

Объем торгов акциями на фондовом рынке Московской биржи 10 марта 2020 г. достиг исторического максимума в 257,3 млрд руб. при среднедневных объемах в 41 млрд в 2019 г. [18]. Инвесторы избавлялись от бумаг нефтяных компаний, авиакомпаний, производителей потребительской электроники и др., ожидая падения выручки и доходов, а также покупали акции недооцененных компаний. На фоне этого и темпы роста объемов биржевых операций в 2020 г. вышли на максимальные значения, что также увеличило долю активных клиентов.

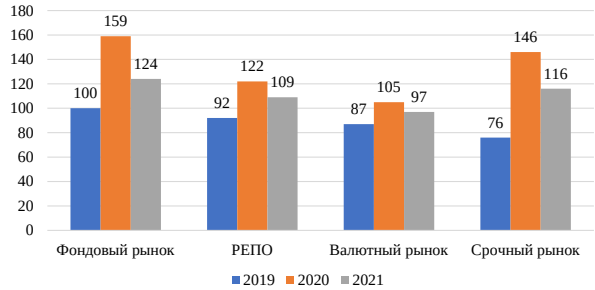


Рис. 4. Темпы роста объема биржевых операций, 2019–2021 гг., %
Fig. 4. Growth rates of the stock exchange operations volume, 2019–2021, %

Повышенная активность обусловлена кризисом, возникшим на фоне пандемии COVID-19, когда клиенты сконцентрировали внимание на своих счетах, фиксировали убытки и пытались заработать на колебаниях[12]. Снижение началось во II квартале 2021 г., когда ситуация немного стабилизировалась [19].

Среди факторов, повлиявших на увеличение объема биржевых операций, можно выделить:

- увеличение темпов роста числа новых клиентов;
- расширение списка доступных для торговли инструментов;
- распространение COVID-19, имеющее последствия для глобальной экономики и экономической безопасности страны;
- увеличение волатильности в периоды паники, привлекающей спекулянтов [20].

Увеличение числа новых клиентов в дальнейшем также будет способствовать увеличению объема биржевых торгов. Однако при отсутствии сильных потрясений на рынке, восстановлении стоимости акций различных компаний до справедливых значений и уменьшении уровня волатильности при торговле различными инструментами, объемы торгов, наоборот, могут снизиться [21]. Нельзя точно предсказать дальнейшее развитие событий, т. к. для этого необходимо провести расчеты степени вероятности каждого события и силу его влияния.

Заключение

Инвестирование на рынке брокерских услуг в России, несомненно, развивается. Среди причин повышения интереса к инвестированию были выделены:

- переход Банка России к стимулирующей политике, период понижения ставок и поиск более высокой доходности до 2020 г.;
- маркетинговые акции и другие инструменты привлечения новых клиентов брокерами;
- снижение стоимости акций в период пандемии;
- возможность более легкого и быстрого выхода на рынок новых инвесторов благодаря возможности дистанционного открытия счета.

Также были выявлены такие тенденции, как:

1. Ориентированность на доходность здесь и сейчас. Темпы роста количества ИИС неуклонно снижались. С приходом пандемии и всплесков волатильности на рынках часть инвесторов стремилась к получению быстрого дохода, их целям был характерен краткосрочный горизонт инвестирования. В такой ситуации даже минимальный 3-летний срок для ИИС выступал сдерживающим фактором для таких инвесторов.

[12] Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. IV квартал 2021 г. *Банк России*. 2022. № 4. С. 6. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40858/review_secur_21.pdf (дата обращения: 31.10.2022).

2. Переход к более рискованным инструментам в поиске более высокой доходности. Снижение процентной ставки побудило инвесторов искать более рисковую альтернативу государственным облигациям, из-за чего увеличилась доля облигаций резидентов; повышение инфляции в 2020 г. и рост курса доллара по отношению к рублю привели к увеличению доли иностранных акций, использовавшихся в качестве защитного инструмента от инфляции.

3. Ежегодное увеличение денежных средств в портфелях инвесторов в IV квартале. В стремлении уменьшить налогооблагаемую базу, инвесторы фиксировали прибыли и убытки к концу года, за счет чего доля денежных средств в их портфелях увеличивалась.

Выводы свидетельствуют о повышении интереса частных инвесторов к инвестированию и показывают модели их поведения, создающие определенные тенденции на рынке портфельных инвестиций. Результаты могут использоваться брокерскими компаниями для улучшения эффективности своей деятельности и создания уникального и индивидуального продукта для своих клиентов. Например, исследование может стать основанием для создания новой стратегии доверительного управления, которая будет больше соответствовать целям и предпочтениям клиентов-инвесторов; внедрения услуг дистанционного открытия счета и разработки мобильного приложения; планирования маркетинговых акций, разработки привлекающих рекламных заголовков и полезного потребляемого контента в своей профессиональной тематике; регулирования тарифов на брокерские услуги (комиссии при покупке / продаже активов через брокеров) в зависимости от определенных обстоятельств.

Результаты могут широко применяться не только брокерскими компаниями, но и другими профессиональными участниками рынка ценных бумаг, а также государством для разработки и обоснования предложений по обеспечению регулирования финансового рынка.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. А. Труфанова – написание черновика статьи, ведение корреспонденции. И. В. Калачева – критический пересмотр исследования, написание замечаний и редактирование. А. В. Тихонова – создание визуального материала, оформление статьи.
Contribution: A. A. Trufanova wrote the original draft, carried on the correspondence. I. V. Kalacheva performed proofreading and critical review of the study, wrote comments and edited the article. A. V. Tikhonova formatted the article and created visual materials.

Литература / References

1. Егин Ю. А. Формирование и оптимизация портфеля инвестиций частного инвестора. *Инновации и инвестиции*. 2018. № 9. С. 42–47. [Egin Yu. A. Formation and optimization of a portfolio of investments of the private investor. *Innovations and Investments*, 2018, (9): 42–47. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yhartf
2. Шингареева Д. М. Сравнительная характеристика ПИФ и ETF, перспективы развития фондов в России. *Контентус*. 2019. № 4. С. 40–47. [Shingareeva D. M. Comparative characteristics between the UITS and ETF. Prospects of their development in Russia. *Kontentus*, 2019, (4): 40–47. (In Russ.)] https://elibrary.ru/oqdikb
3. Бланк И. А. Управление финансовыми рисками. Киев: Ника-Центр, 2005. 600 с. [Blank I. A. *Financial risk management*. Kyiv: Nika-Tsentr, 2005, 600. (In Russ.)]
4. Кизилова Е. Д. Стратегия управления инвестиционным портфелем и сохранение средств. *Экономика и социум*. 2015. № 19. С. 203–206. [Kizilova E. D. Strategy of investment portfolio management and funds preservation. *Ekonomika i sotsium*, 2015, (19): 203–206. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vvjcyh
5. Окулов В. Как оценить эффективность управления инвестиционным портфелем. *Рынок ценных бумаг*. 2007. С. 40–42. [Okulov V. How to evaluate the effectiveness of investment portfolio management. *Securities Market*, 2007, 40–42. (In Russ.)]
6. Ковальчук А. И., Разумовская Е. А. Проблема подготовленности начинающих инвесторов. *Основы экономики, управления и права*. 2021. № 1. С. 55–58. [Kovalchuk A. I., Razumovskaya E. A. The problem of qualification for novice investors. *Economy, governance and law basis*, 2021, (1): 55–58. (In Russ.)] https://doi.org/10.51608/23058641_2021_1_55
7. Коржов А. И., Тишина В. Н. Модели взаимосвязи риска и доходности в инвестиционном портфеле предприятия. *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 5. № 4. С. 78–82. [Korzhov A. I.,

Tishina V. N. Models of relation risk and profitability in the company's investment portfolio. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2017, 5(4): 78–82. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ypbqml

8. Клитина Н. А. Оптимизация портфеля ценных бумаг в зависимости от диверсификации инвестиций. *Финансовые исследования*. 2010. № 1. С. 41–51. [Klitina N. A. Securities portfolio optimization depending on the diversification of investments. *Financial Research*, 2010, (1): 41–51. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ndtliz
9. Лупандин В. В., Егоров И. С. Применение модели Марковица для расчета оптимального портфеля. *Достижения науки и образования*. 2019. № 1. С. 34–35. [Lupandin V. V., Egorov I. S. Application of Markowitz Model for calculating the optimal portfolio. *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*, 2019, (1): 34–35. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yvnret
10. Звягинцева Н. А., Кочишвили К. С. Российский рынок ценных бумаг: вопросы совершенствования конкурентных отношений в сфере брокерской деятельности. *Baikal Research Journal*. 2022. Т. 13. № 1. [Zvyagintseva N. A., Kochishvili K. S. Russian securities market: issues of improving competitive relations in the field of brokerage. *Baikal Research Journal*, 2022, 13(1). (In Russ.)] https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).1
11. Горовой И. А. Формирование и управление инвестиционным портфелем компании. *Economics*. 2016. № 11. С. 45–52. [Gorovoi I. A. Formation and management of investment portfolio of the company. *Economics*, 2016, (11): 45–52. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xcpygt
12. Скрипниченко М. В. Портфельные инвестиции. СПб: ИТМО, 2016. 40 с. [Skripnichenko M. V. *Portfolio investments*. St. Petersburg: ITMO, 2016, 40. (In Russ.)]
13. Горловская И. Г. Финансовая политика в отношении категоризации инвесторов - физических лиц в России и области защиты их интересов. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2020. Т. 18. № 4. С. 19–35. [Gorlovskaya I. G. Financial policy regarding the categorization of individual investors in Russia and the area of protecting their interests. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2020, 18(4): 19–35. (In Russ.)] https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(4).19-35
14. Буренин А. Н. Управление портфелем ценных бумаг. М.: Науч.-техн. общество им. академика С. И. Вавилова, 2007. 404 с. [Burenin A. N. *Securities portfolio management*. Moscow: Sci.-Tech. Society named after Academician S. I. Vavilov, 2007, 404. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qqnmon
15. Гитман Л. Дж., Джонк М. Д. Основы инвестирования. М.: Дело, 1997. 991 с. [Gitman L. J., Joehnk M. D. *Fundamentals of investing*. Moscow: Delo, 1997, 991. (In Russ.)]
16. Егин Ю. А. Оценка качества инвестиционного портфеля частного инвестора. *Инновации и инвестиции*. 2019. № 4. С. 37–41. [Egin Yu. A. Assessing the quality of the private investor's portfolio. *Innovations and Investments*, 2019, (4): 37–41. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rshhfg
17. Нечаев К. Ю. Развитие теории портфельного инвестирования. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2014. № 2. С. 149–155. [Nechaev K. Yu. Development of the portfolio investment theory. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2014, (2): 149–155. (In Russ.)] https://elibrary.ru/schrtb
18. Чиленко Д. Д. Анализ современного состояния рынка производных финансовых инструментов: проблемы и тенденции развития. *Финансовые рынки и банки*. 2021. № 4. С. 104–107. [Chilenko D. D. Analysis of the current state of the financial derivatives market: problems and development trends. *Financial Markets and Banks*, 2021, (4): 104–107. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ahjjtg
19. Тропина Ж. Н. ETF как новый инвестиционный инструмент. *Вестник ИЭАУ*. 2015. № 7. С. 12–15. [Tropina Zh. N. ETF as a new investment tool. *Vestnik IEAU*, 2015, (7): 12–15. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tmvbnx
20. Шубин К. А. Преимущества международной диверсификации инвестиционного портфеля частного инвестора. *Пермский финансовый журнал*. 2018. № 2. С. 75–98. [Shubin K. A. Advantages of international diversification of investment portfolio of a private investor. *Perm Financial Review*, 2018, (2): 75–98. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qnkubh
21. Гукасова Е. Р. Российский финансовый рынок: особенности и тенденции развития в условиях глобальной экономической рецессии. *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 6. С. 3–6. [Gukasova E. R. Russian financial market: features and development trends in the context of the global economic recession. *Financial Markets and Banks*, 2020, (6): 3–6. (In Russ.)] https://elibrary.ru/siyazb

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Над выпуском работали:
Литературный редактор, литературный редактор (английский язык), корректор –
Максимлюк Ирина Алексеевна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:
Literary editor, Literary editor (Eng.), Proof-readers –
Irina A. Maksimlyuk.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Максимлюк Ирина Алексеевна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Irina A. Maksimlyuk, Executive Secretary, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписано к печати 24.07.2023.
Дата выхода в свет 10.08.2023.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 17,44 Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ ____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru